СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ

1918–1919

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА АНГЛИЙСКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО ОТРЯДА ПОЛКОВНИКА

ДЖОНА УОРДА

Предисловие И. Майского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1923

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Антанта и Врангель. Сборник статей. Вып. I. 1923 г. Стр. 271. Ц. 75 к.

Бисмарк, О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. С пред. М. Павловича. 1923 г. Стр. 175. Ц. 75 к.

Витте, С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. I. 1922 г. Стр. 471. Ц. 2 р. 25 к.

Его же. Воспоминания. Царствование Николая II. Т. II. 1923 г. Стр. 518. Ц. 2 р. 25 к.

IV Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Избранные доклады, речи и резолюции. 1923 г. Стр. 427. Ц. 45 к.

Зиновьев, Г. Об антисоветских партиях и течениях. 1922 г. Стр. 55. Ц. 20 к.

Его же. Коминтерн за работой. Проекты проблем Коминтерна и его секций. Изд. 2-е. 1923 г. Стр. 295. Ц. 50 к.

Его же. Очередные вопросы. Наши задачи. Государство и партия. 1923 г. Стр. 95. Ц. 25 к.

Гуль, Р. Ледяной поход (С Корниловым). Предисловие Н. Л. Мещерякова. 1923 г. Стр. 164. Ц. 50 к.

Игельстром, В. Очерки современной Финляндии. 1923 г. Стр. 79. Ц. 20 к.

Иоффе, А. А. От Генуи до Гааги. Сборник статей. 1923 г. Стр. 43. Ц. 15 к.

Каменев, Л. Б. Меньшевики в первой русской революции. 1923 г. Стр. 95. Ц. 20 к.

Кейнс, Д. М. Экономические последствия Версальского мирного договора. 1922 г Стр. 197. Ц. 70 к.

Его же. Пересмотр мирного договора (продолж. «Экономические последствия Версальского мирного договора»). 1922 г. Стр. 144. Ц. 70 к.

Курлов, П. Конец русского царизма. Воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. С пред. М. Павловича. 1923 г. Стр. 296. Ц. 75 к.

Ледер, Ц. Наступление капитала и единый пролетарский фронт. Стр. 68. Ц. 15 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.) Статьи. Странички из дневника. Как нам нужно реорганизовать Рабкрин. 1923 г. Стр. 92. Ц. 25 к.

Его же. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Стр. 106. Ц. 25 к.

Лозовский А. Рабочая Франция (заметки и впечатления). 1923 г. Стр. 139. Ц. 25 к.

Его же. Задачи Коминтерна в профдвижении. 1923 г. Стр. 104. Ц. 25 к.

Лопухин, А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). С предисл. М. Н. Покровского. Стр. 98. Ц. 40 к.

Луначарский, А. В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсэров. 1922 г. Стр. 81. Ц. 20 к.

Молотов, В. На шестой год. К итогам и перспективам партийной работы. 1923 г. Стр. 40. Ц. 20 к.

Носке, Г. Записки о германской революции (От восстания в Киле до заговора Каппа). 1922 г. Стр. 176. Ц. 60 к.

Палеолог, М. Царская Россия. Перев. и предисловие М. Павловича. 1922 г. I и II. Ц. 1 р. 40 к.

Преображенский, Е. Итоги Генуэзской конференции и хозяйственные перспективы страны. 1922 г. Стр. 57. Ц. 8 к.

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ

1918—1919 гг.

Записки начальника английского экспедиционного отряда
полковника ДЖОНА УОРДА

с предисловием И. МАЙСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 . . ПЕТРОГРАД

Гиз. № 6105. II. 28. IV. 23. Петрооблит № 7282. Отп. 7.000 экз.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА.

Переводчик старался, по возможности, дать полный текст записок Уорда, нисколько не переделывая глав, имеющих непосредственное отношение к главной теме книги, и стремясь сохранить небрежный стиль автора, заносившего наблюдения и мысли в свой дневник тут же, под живым впечатлением событий; следы таких записей кое-где сохранились в книге Уорда. Исключение представляют только четыре первых главы, описывающие события в Гонконге до путешествия в Сибирь, самое путешествие и чисто местную операцию по Уссурийской железной дороге в августе 1918 г.; эти главы сильно сокращены, местами переложены с сохранением всего того, что может быть интересным для последующего хода событий [1]). Совершенно выпущена глава 20, повествующая о производстве Уорда в сибирские казачьи атаманы, как имеющая только личное значение.

В то же время переводчик считал себя в праве исключить из книги Уорда все то, что могло бы показаться известным, неинтересным или даже скучным для русского читателя, вроде описания красот природы, русского базара, православной церковной службы, одежды и тому подобного.

Таким образом, печатаемый текст записок по отношению к оригиналу представляется в таком виде: главы 1, 2, 3 и 4 переделаны, главы с 5-й по 19-ю даны полностью, глава 20 выпущена, главы 21—24 даны целиком.

---

[1]) Сокращенные места отмечены в начале и в конце звездочками.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Всякая крупная переломная эпоха обыкновенно создает обширную мемуарную литературу. Это вполне понятно, и это очень хорошо. Записки, впечатления, воспоминания очевидцев и участников больших событий имеют громадную историческую ценность. Они, конечно, не история, а материал для истории. Но, как материал, они незаменимы, ибо дают ученому исследователю те живые краски в изображении исторических процессов, без которых его работа потеряла бы половину своего значения и своей яркости.

Однако далеко не все произведения мемуарной литературы одинаково ценны для историков. Многое, слишком многое тут зависит от личности автора. Умный и тонкий наблюдатель, обладающий литературным талантом, даже не играя особенно крупной роли в описываемых им событиях, может дать для понимания последних гораздо больше, чем ограниченный и литературно-бездарный деятель, хотя бы он и занимал видное место в общественно-политической борьбе.

Автор предлагаемых вниманию читателей записок, полковник Уорд, несомненно принадлежит ко второму типу мемуаристов. По своему прошлому он—средний английский рабочий,

прошедший долгую школу тред-юнионистского воспитания. Школа эта не первоклассная и не слишком способна расширить умственный кругозор типичного английского обывателя. Уорд не социалист, а самый типичный либерал, для которого максимум возможных для пролетариата достижений сводится к широкому развитию профессиональных организаций и к изданию парламентом кое-каких законов по охране труда. Социализм он считает блажью, несбыточной утопией, а социалистов, особенно на русской почве, приравнивает к каким-то полуанархистам—полубандитам. Во время мировой войны Уорд, следуя «патриотической» проповеди Ллойд-Джорджа и К-о, пошел в армию. Вскоре он стал офицером. Новое звание не только не углубило его понимания движущих сил современных исторических процессов, но наоборот—к ограниченности его тред-юнионистского мышления прибавило еще целую кучу специфических, чисто военных предрассудков. В таком духовном состоянии Уорд осенью 1918 г. попал сначала на русский Дальний Восток, а затем в Сибирь. С таким интеллектуальным багажом за плечами он воспринимал разыгрывавшиеся в то время политические события. И не только воспринимал, а принимал в них весьма активное и до известной степени даже руководящее участие. Одновременно он вел свои записки, предназначенные первоначально, как он сам об этом сообщает, для пользования его оставшегося в Англии сына. Вполне понятно, что произведение Уорда оказалось очень несовершенным. Оно несовершенно литературно, ибо автор его не отличается талантом писателя. Оно,—что еще важнее,—несовершенно и как исторический документ. Ибо Уорд ничего не понял в русской революции и очень плохо представлял себе действительное значение тех событий, которые разыгрывались на его глазах.

Политическая ситуация в России в тот момент, когда автор настоящих записок появился в Сибири, в основных чертах сводилась к следующему.

В Москве Советское правительство напрягало все свои силы для организации красной армии и создания своего государственного аппарата. Территория, которой оно располагало, была весьма изменчива в своих границах, но в основном исчерпывалась сравнительно небольшим кулаком центральных губерний плюс Петроград. Контр-революция везде по окраинам открыто подымала голову и со всех сторон протягивала свои жадные руки к Москве. Фронты были почти на всех границах Совегской республики—на севере (Архангельский фронт), на востоке (Самарско-Сибирский фронт), на юго-востоке (Деникинский фронт). На юге и западе не было открытых фронтов, но зато было постоянное давление сначала со стороны Германии, а позднее—со стороны различных белогвардейских государств и отрядов, возникших на развалинах германского империализма. Советская Россия была в кольце и с героическим напряжением отстаивала Октябрьскую революцию.

В контр-революционном лагере к концу 1918 г. уже наметились первые признаки разложения. Ярче всего это сказалось на востоке—в Поволжьи и Сибири.

Первоначально здесь объединенным фронтом против большевизма шли все анти-советские силы от меньшевиков и эс-эров с одной стороны, до черносотенных царских генералов—с другой. Однако постепенно началось расслоение. «Демократическая» контр-революция имела свой центр в Самаре в лице так называемого «Комитета членов Учредительного Собрания», состоявшего почти исключительно из эс-эров с небольшой примесью меньшевиков. «Генеральская» контр-революция укрепилась

в Омске под фирмой так называемого «Сибирского правительства». Летом 1918 г. между Самарой и Омском возгорелась открытая борьба. Очень скоро выяснилось, что в этой борьбе все шансы на победу остаются за Омском. Ибо в эпохи революций общественные силы всегда группируются около двух крайних полюсов, делая невозможным существование какой-либо «третьей силы». Так было и сейчас. Все революционные элементы народа стягивались к Москве под Советское знамя, все реакционные— в Омск, под знамя монархической реставрации. Желто-розовое Самарское знамя не в состоянии было увлечь за собой никого, кроме ничтожных кучек «прекраснодушных» интеллигентов. И так как омские генералы были людьми дела, а самарские «демократические политики» представляли собой чистейший тип позеров и болтунов, то этот естественный процесс шел еще более ускоренным темпом.

Прежде, однако, чем он достиг своего логического конца, была сделана попытка достигнуть известного компромисса между правым и левым крылом контр-революционного лагеря. В сентябре 1918 г. в Уфе состоялось государственное совещание, на котором было создано «Всероссийское Временное Правительство», получившее в просторечии наименование Директории. В состав Директории вошло 5 человек: Авксентьев, Зензинов, Вологодский, Виноградов и ген. Болдырев. Двое первых были представителями правого крыла эс-эров, Вологодский довольно хорошо отражал в себе настроение черносотенного сибирского офицерства, Виноградов был кадет, а ген. Болдырев являлся членом пресловутого «Союза Возрождения России», политические идеалы которого не шли дальше куцой монархической конституции. Директория воплощала таким образом компромисс между левыми и правыми, причем перевес в этом компромиссе явственно склонялся на сторону правых.

«Генеральская» контр-революция однако не успокоилась на достигнутом. Для нее Уфимское соглашение было лишь одним из этапов в борьбе за собственную власть. Поэтому, едва образовалась Директория, как из Омска начался против нее решительный поход. Так как в начале октября 1918 г. красные войска заняли Самару, то Директории пришлось переехать в Омск и здесь устраивать свою столицу. Остатки «Комитета членов Учредительного Собрания», переименовавшегося в «Съезд членов Учредительного Собрания», избрали своей резиденцией Екатеринбург [1]). В Омске между Директорией, теоретически представлявшей всероссийскую власть, и Сибирским правительством, воплощавшим собой областную власть Сибири, разыгралось крупное столкновение на вопросе о создании так называемого делового министерства. (По конструкции, принятой на Уфимском совещании, пятичленная Директория должна была являться чем-то в роде коллективного монарха, который осуществлял свою власть через ответственный перед ним кабинет министров.) Директория хотела составить министерство как из «сибиряков», так и из «самарцев». Наоборот, Сибирское правительство категорически требовало, чтобы министерство состояло исключительно из «сибиряков», предлагая Директории признать в качестве своего «всероссийского» кабинета наличный состав Сибирского правительства. В этой борьбе полная победа осталась за сибиряками, причем в навязанный Директории кабинет в качестве военного и морского министра вошел адмирал Колчак.

Дальнейший ход событий носил катастрофически-стремительный характер. В первых числах нобяря 1918 г. Директория

---

[1]) Подробности см. в книжке Н. Святицкого: «К истории Всероссийского Учредительного Собрания», 1921, Москва.

распубликовала имена своих министров, а в ночь с 17 на 18 ноября был совершон уже государственный переворот. Эс-эровские члены Директории были арестованы офицерской организацией и благодаря вмешательству иностранцев, в частности полковника Уорда, отправлены не на тот свет, а заграницу. Оставшийся кабинет министров передал власть адмиралу Колчаку, объявив его верховным правителем всей России. «Демократическая контр-революция» была таким образом окончательно бита и против диктатуры пролетариата, утвердившейся в Москве, открыто стала диктатура генералов, укрепившаяся в Омске. Правда, Колчак на первых порах что-то лепетал о «национальном собрании», которое после победы над большевиками должно окончательно решить судьбы России. Но никто, конечно, этих заявлений всерьез не принимал. Не принимали их в серьез и окружавшие Колчака офицеры и генералы. Все они мечтали о восстановлении монархии, и несомненно, что улыбнись Колчаку победа, в Москве сейчас сидел бы белый царь, независимо от того, какие политические идеалы гнездились в голове сибирского диктатора. История судила иначе. После почти годовой борьбы с Советской Россией Колчак пал под ударами красной армии и сибирских восстаний, очистив путь Москве к Тихому океану [1]).

Такова была политическая обстановка, в которой пришлось действовать полковнику Уорду. Посмотрим же, в какой степени он ее понимал и как на нее реагировал.

«Русский народ остался верен своим друзьям (союзникам),— пишет Уорд,—деморализация и разложение началось с верхов,

---

[1]) См. также И. Майский: «Демократическая контр-революция», Госиздат, 1923.

просочившись постепенно до самых низов общества... Германская измена подточила самые верхушки и таким образом разложила великую нацию, которую она никогда не могла бы завоевать. Расстроив русскую военную машину, Германия послала своих агентов продолжать беспорядок и предупредить восстановление порядка».

Таково объяснение причин русской революции, даваемое автором записок. Все дело, стало быть, в немецкой интриге. Не будь ее, в России ничего не случилось бы. Глубина мышления поистине замечательная!

Не меньшую глубину полковник Уорд обнаруживает, когда пытается охарактеризовать различные явления русской жизни. Внимание Уорда не могло не привлечь огромное партизанское движение, разыгрывавшееся в эпоху Колчака на всей территории Сибири. Как же он его объясняет?

По словам Уорда, партизанское движение состоит из двух элементов: из беглых каторжников, выпущенных большевиками из тюрем, и богатых крестьян, «жадность и ловкость которых составляют предмет зависти армян, открыто признающихся, что в торговых сделках русский крестьянин превзойдет еврея в обмане». Не правда ли, очень убедительно?

Говоря о «большевиках», действовавших в 1918—19 гг. в Сибири, Уорд дает такую их характеристику:

«Они представляли кружок революционеров, связанных общей целью—грабежом и убийством каждого порядочного человека, будь то рабочий или буржуа, если только он отказывается поддержать политику анархии. Эти 5 или 6 определенных злодеев образовали что-то вроде кровавого братства, и, прикрываясь анонимностью, издавали приказы от имени русских рабо-

чих, которым последние не могли сопротивляться, боясь применения грабительского террора».

Какой удачный портрет большевиков!

В другом месте, говоря о бедных русских рабочих, среди которых «нет ни одного достаточно интеллигентного человека, чтобы организовать их и управлять ими», Уорд внушительно заявляет: «профессиональный русский лидер рабочих—анархист и ничего больше».

При столь сугубой строгости по отношению к «революционерам», полковник Уорд оказывается, однако, трогательно нежным по отношению к такому совершенно исключительному бандиту, как забайкальский атаман Семенов. Он изображает его в следующих выражениях:

«Его огромная физическая сила была причиной того, что японцы назвали его «самураем», или «бравым рыцарем полей», и мне кажется, что это хорошо определяет его характер—неутомимый, храбрый и вместе с тем доброжелательный. Монгольские князья просили его стать их императором, и, если он выберет эту тропинку, то вихрь промчится по соседним землям. Быть может, подо всем этим он прежде всего—добрый русский человек».

Какая тонкость чувств и какое доброжелательство по отношению к человеку, от злодеяний которого воистине даже камни вопияли!

Но полковник Уорд приехал в Сибирь не для того, чтобы описывать русских революционеров и генералов, а для того, чтобы делать политику. В политике же необходима какая-нибудь точка зрения, какой-нибудь взгляд на существующее положение вещей. Есть такой взгляд и у автора записок. Вот он.

Большевики—это немецкие агенты. Во славу германского империализма они творят анархию. Все, кто борется с большевиками,—сторонники порядка и друзья Антанты, а потому заслуживают самой энергичной поддержки. Русские «демократы» в роде Авксентьева и Зензинова—болтуны и фразеры. Они не надежны, их лучше убрать с дороги и, когда это совершается, полковник Уорд приветствует перемену декораций. Однако и черносотенные генералы Уорда тоже мало утешают. Он не раз то с горечью, то с гневом повествует о совершаемых ими безобразиях, но не решается сделать отсюда необходимых логических выводов. Свои главные надежды он возлагает на... Колчака и на «честную интервенцию» со стороны союзников, главным образом со стороны Англии.

Отсюда проистекает двойная идеализация—Колчака и Англии. О Колчаке полковник Уорд не выражается иначе, как в тоне величайшей симпатии, почти преклонения. Для Уорда Колчак—это герой, это великий политический деятель, убежденный демократ и поклонник британской конституции. «Какое счастье—восклицает он в одном месте—было для России, что в час ее нужды она призвала такого человека!». А между тем все, что мы знаем о Колчаке, даже от его ближайших сторонников, говорит о том, что он совершенно не был политиком. Это был с головы до ног военный человек, для которого высочайшая государственная мудрость олицетворялась в уставе о полевом управлении войск [1]). И несомненно прав был чешский генерал Гайда, который однажды в споре с Колчаком бросил:

— Да, господин адмирал, уметь управлять кораблем это еще не значит уметь управлять Россией.

---

[1]) См., напр., книгу колчаковского министра Г. Гинса—«Сибирь, союзники и Колчак», Харбин, 1921.

Под пером же Уорда Колчак выступает не то русским Бисмарком, не то сибирским Гладстоном.

Забавнее всего, однако, та курьезная идеализация, которой Уорд предается в отношении своего собственного отечества. Он свято верит, что государственные люди Англии полны истинно-сократовского бескорыстия, так как все британские «правительственные теории исключают возможность скрытой личной выгоды при ведении государственных дел». Теории! А как на практике?

Далее, он твердо убежден, что Англия вмешалась в российские дела из самых альтруистических побуждений. Он с детской самовлюбленностью подчеркивает, что сибирское население только в отношении Англии обнаруживало абсолютное доверие, подозревая все остальные державы, участвовавшие в интервенции, в разных корыстных побуждениях. Он многократно воспевает доблести своего Миддльсекского баталиона, который на своих плечах вынес чуть ли не всю тяжесть борьбы за Колчака во время различных омских переворотов; он утверждает даже, что именно ему, полковнику Уорду, на банкете в Иркутске в октябре 1918 г. удалось положить начало «возрождению русской души», приведенной в смятение большевистской революцией.

За этим почтенным занятием полковник Уорд совершенно упускает из виду реальную действительность. Так он сам же однажды сознается:

«У меня существует полное доверие к характеру адмирала, но пигмеи, которыми он окружен, то и дело вставляют палки в колесницу государства. Тут нет ни одного, которому бы я доверил управление мелочной лавкой, а не только государством, у них нет никакого представления о долге государственного

человека. Мелкие кляузы из-за личного соперничества и прибыльных делишек занимают все их время, если только они не заняты свойственным им делом—поступать на зло верховному правителю. Патриотизм офицеров и солдат на фронте и средневековое рыцарство казаков—единственные вещи, оставшиеся для восстановления России».

Прекрасная характеристика колчаковской банды! Тем более ценная, что она исходит не от врага, а от друга. Но, видя все это, как можно было верить в «возрождение России» через Колчака? Как можно было строить будущее огромной страны на «патриотизме офицеров» и «рыцарстве казаков»? Не слишком ли это узкая база для создания даже буржуазной государственности?

Здесь явно вступает в силу та мещанская ограниченность мышления, которую полковник Уорд разделяет с большинством других тред-юнионистских лидеров Англии.

* * *

Но если книга Уорда не представляет из себя ничего интересного в той части, где он пытается изображать и анализировать русскую действительность, то это не значит, что она вообще не имеет никакой ценности. Нет, ценность у нее есть, и она состоит в том, что автор записок приподымает край завесы над одной чрезвычайно важной стороной интервенции: над отношениями между представителями Антанты и Колчаком и над взаимоотношениями отдельных держав Антанты на сибирской территории. Эта сторона событий 1918—19 гг. до сих пор была и еще остается весьма темной. И потому всякий луч света в этом темном царстве весьма желателен. Полковник же Уорд, благодаря своему официальному положению, имел возможность знать многое из того, что совершалось за кулисами тогдашних политических

и военных событий, и в своих записках он отчасти (к сожалению, только отчасти) изображает эту закулисную жизнь. Отметим наиболее важные моменты в разоблачениях английского полковника.

Прежде всего бросается в глаза его сообщение о том, что первый приказ о переброске его баталиона из Гонконга, где тот стоял, во Владивосток, полковник Уорд получил в ноябре 1917 г. Лишь в силу целого ряда случайных причин действительная высадка его баталиона на русской территории совершилась 3 августа 1918 г. Данное сообщение с несомненностью свидетельствует о том, что планы интервенции в русские дела родились у британского правительства тотчас же после Октябрьской революции и явились его непосредственным ответом на захват власти в России рабочими и крестьянами. Это следует хорошенько запомнить русскому читателю.

Другим не менее интересным моментом является роль английской миссии в Сибири во время и после колчаковского переворота. Я очень хорошо помню, что в Омске в тот период (я был тогда в Сибири) открыто говорили о весьма активном участии английской миссии и в частности ее главы, ген. Нокса, в перевороте 18 ноября. Рассказывали, что накануне переворота на собрании офицеров-заговорщиков, арестовавших членов Директории, присутствовал представитель ген. Нокса, который благословил заговорщиков на задуманное ими дело. Не знаю, верны ли все эти подробности, но зато знаю очень хорошо, что *сущность* тогдашних омских разговоров вполне соответствовала действительности. В этом меня в особенности убеждают записки полковника Уорда, несмотря на то, что он несомненно в них кое-чего не договаривает. Однако, даже и то, что он сообщает, с несомненностью свидетельствует, что ген. Нокс был

духовным патроном переворота 18 ноября и что ему Колчак обязан своим возведением на трон верховного правителя. Права была шансонетка, которую в 1919 г. широко распевали по Сибири:

Фасон английский,
Товар японский,
Погон российский—
Правитель омский.

Действительно Колчак пытался все время рядиться в английский костюм. И не случайность, конечно, что в наиболее критические моменты он оказывался под защитой английского конвоя и английского флага.

В высшей степени интересны также те сведения, которые Уорд сообщает об отношениях, господствовавших между представителями различных держав Антанты в Сибири, а также о мотивах их участия в интервенции.

Здесь мы прежде всего сталкиваемся с чрезвычайно красочным изображением поведения японцев на Дальнем Востоке. Автор записок рассказывает, что, когда Япония высадила свой первый дессант во Владивостоке, она обратилась к командующему русскими войсками на Дальнем Востоке с предложением уплатить ему 150 миллионов рублей золотом, взамен чего тот должен был подписать соглашение, предоставляющее Японии «владение всеми береговыми и рыбными правами вплоть до Камчатки, вечную аренду Инжильских копей и все железо (исключая принадлежавшего союзникам), находящееся во Владивостоке». Так как командующий возражал, ссылаясь на то, что он не имеет полномочий говорить от имени русского правительства, японские представители заявили: «Берите наши деньги и подписывайте соглашение, а риск относительно законности поделим

пополам». Мотивы японской интервенции здесь выступают яснее ясного.

Когда в конце 1918 г. во Владивостоке поднят был вопрос об отправке иностранных войск на Уральский фронт для поддержки Колчака, Япония, по словам Уорда, систематически саботировала осуществление этого предложения. Уорд следующим образом объясняет ее поведение: «Крепко утвердившись в столь желательных ей приморских провинциях, Япония смотрела без энтузиазма на предложение покинуть то, что ей более всего было нужно, в целях ослабления давления на фронте, в котором она не была нисколько заинтересована (имеется в виду западный фронт во Франции. *И. М.*), То, что Париж может пасть под ударами германцев, не имело для нее никакого значения по сравнению с американским контролем над Восточно-Китайской жел. дорогой или присутствием «Бруклина» (американский броненосец) во Владивостоке».

Так как Колчак в первый период своего правления, ориентируясь главным образом на Англию, сопротивлялся японским требованиям на Дальнем Востоке, токийское правительство стало поддерживать атаманов Семенова и Калмыкова в их неподчинении Омскому правительству. Полковник Уорд в целом ряде мест совершенно определенно указывает, что возникшая в силу этого политическая анархия в Забайкальи и Приморской области входила в расчеты японского правительства. «Я видел многое, убедившее меня,—пишет он,—что страна Восходящего Солнца была в то время более заинтересована в поддержании беспорядка, как наивернейшего средства для укрепления своих собственных честолюбивых намерений».

Все это не составляет тайны для современного русского читателя. И все же, свидетельство полковника Уорда, полностью

подтверждающее обвинения Советской России против хозяйничанья Японии на Дальнем Востоке, нельзя не признать весьма ценным: ведь оно исходит не от врага Японии, а от ее друга.

Не менее любопытно то, что автор записок сообщает об отношениях, существовавших на Дальнем Востоке между японцами с одной стороны, и англичанами—с другой. В августе-сентябре 1918 г. эти отношения были крайне напряженными. Японцы, по словам Уорда, твердо верили в победу Германии, которой они сочувствовали, и старались на каждом шагу проявить свое недоброжелательство к Великобритании. Японские солдаты не отдавали чести английским офицерам. Японское командование заставляло британских полковников ездить в скотских вагонах. Японская контр-разведка без всяких оснований задерживала поезда английской миссии. Когда полковнику Уорду на станции Манчжурия потребовались два классных вагона для проезда с Дальнего Востока в Омск, ему пришлось добывать их почти буквально с помощью оружия. Японцы требовали даже, чтобы он снял с своего поезда английский флаг,— на том основании, что в оккупированном ими районе не допускается никакой иной флаг, кроме японского. Только после разгрома Германии японцы в Сибири изменили свое поведение и стали заискивать перед представителями британской короны. При таких условиях нисколько не удивительно, что в действиях оккупационных властей на Дальнем Востоке не было должного единства, что они на каждом шагу подставляли друг другу ножку, и что в силу этого, к счастью для местного населения, нажим интервенции сказывался слабее, чем он мог бы быть.

Чрезвычайно ярким примером последнего обстоятельства может служить рассказываемая Уордом история о поведении американских войск на Дальнем Востоке. По словам автора

записок, американские войска под командой ген. Гревса были присланы во Владивосток не столько для борьбы с большевиками, сколько для наблюдения за действиями японцев в Приморской области и в Забайкалье. В соответствии с этим американцы старались, чем можно, портить дело японцам. С этой целью они объявили Сучанский округ нейтральной зоной, которую не может переходить ни та, ни другая сторона, и тем самым помогли красным партизанским отрядам оправиться от нанесенных им ранее поражений. Далее американцы вступали в различного рода соглашения с партизанами, заключали с ними договоры и условия, и вообще, к великому ужасу Уорда, вели себя с ними «как равные с равными». Не берусь судить, насколько точны все подробности, сообщаемые по этому поводу автором записок, но несомненно во всяком случае одно: в пику японцам американцы вели на Дальнем Востоке свою особую политику, которая сильно затрудняла объединенное выступление всех интервентов.

Эта конкуренция между представителями отдельных союзных держав принимала подчас совершенно анекдотические формы. Трудно представить себе что-нибудь более комичное, чем история с конвоем колчаковского поезда, которую рассказывает Уорд. Колчак отправлялся из Омска на Уральской фронт. Полковник Уорд предложил ему дать в качестве конвоя 50 английских солдат. Предложение было с благодарностью принято, но когда представитель Франции ген. Жаннен узнал о происшедшем событии, он страшно вознегодовал на столь явное умаление своего престижа и потребовал, чтобы конвой был составлен поровну из французских и английских солдат. Уорд согласился. И тогда решено было, что каждая из двух «великих держав» пошлет для охраны Колчака по 25 человек. Но когда это решение состоялось, Жаннен заявил, что 25 французских солдат у него налицо

нет, и что при максимальном напряжении своих сил он может командировать только 9 человек. Уорд и тут пошел ему навстречу и, по обоюдному соглашению, было постановлено, что конвой Колчака будет состоять лишь из 20 человек—по 10 человек (включая офицера) с каждой стороны. Однако ген. Жаннен оказался не в состоянии выполнить даже и это взятое на себя обязательство. На вокзал не явился ни один французский солдат, и поезд Колчака так и ушел под одной английской охраной. Рассказанный эпизод воистину достоин кисти Щедрина.

Борьба между различными иностранными державами являлась одним из основных элементов сибирской интервенции 1918—19 гг., причем на Дальнем Востоке борьба эта шла главным образом между японцами и американцами, а в Омске—между англичанами и французами. Страницы, посвященные описанию данной борьбы, принадлежат к числу лучших и наиболее ценных частей записок Уорда. Их можно порекомендовать для чтения каждому, кто интересуется участием иностранных держав в нашей гражданской войне.

И. Майский.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА.

Написанный сначала для личного пользования моего сына в случае моего невозвращения, этот рассказ о событиях, связанных с экспедицией в Сибирь, должен по необходимости страдать отсутствием многих из тех элементов, из которых строится история. Я описывал события, как они происходили, и отмечал соображения и мотивы, руководившие участниками.

Много прошло с тех пор событий, указывающих, что не всегда мы были на высоте в оценке окружавших нас сил. Вещи не всегда таковы, какими кажутся, и это, повидимому, более всего справедливо в области русских дел, чем каких-нибудь других. Конечно, относительно было бы не трудно изменить текст записок и округлить его результатами опыта, но это нарушило бы основную цельность рассказа.

Государственный человек и солдат редко пишут историю; их несчастье в том, что они творят ее. Ведь очень просто быть пророком после того как известны результаты. Обычно очень нетрудно судить, что данный народ предпримет в данных обстоятельствах; но когда вы имеете дело с государственной политикой, на которую влияют события и обстоятельства, часто не имеющие даже и отдаленного отношения к затронутому вопросу, невозможно строить какие бы то ни было предположения относительно поведения людей даже в самом элементарном случае.

Недавние трагические события, разыгравшиеся на обширных пространствах Сибири, в сущности обязаны случаю. Определенно можно утверждать, что адмирал Колчак никогда бы не отправился в Сибирь, никогда бы не стал во главе русского конституционного движения и правительства, если бы он не был вынужден на это советами и настояниями Союзников. Он полу-

чил самые категорические обещания на искреннюю помощь и немедленное признание со стороны Союзников, прежде чем принял на себя опасный долг главы Омского правительства. Если бы все эти настояния и обещания были выполнены от доброго сердца, то в настоящее время в Москве заседало бы Учредительное Собрание, выковывая федеративную конституцию для мощи Русской Республики или же парламентарную систему на подобие нашей.

В ответ на декларацию правительства Колчака, генерал Деникин, генерал Дутов, генерал Говарт и Северно-Русские правительства передали свою власть Омску. Выход намечался сам собой—террористы в Москве, конституционалисты в Омске. И если при этом стечении обстоятельств Союзники претворили бы свои обещания в дело —от скольких несказанных страданий были бы избавлены Россия и Европа.

Простой акт признания произвел бы удивительное впечатление на сознание русских и кроме того дал бы в руки Союзников рычаг для направления событий и для создания устойчивого положения на Балтийском море; он укрепил бы положение русских финансов и облегчил бы коммерческие сношения, завязавшиеся тогда с наиболее здоровой частью русских владений.

Переустройство России, о котором так развязно говорили Союзники, совершилось бы совокупностью естественных усилий, которым не помешали бы даже союзные препирательства. Омское правительство могло бы получить деньги на лучших условиях, чем кто-либо из Союзников, так как, будучи принято в общество наций, оно представило бы лучшие гарантии, чем любая союзная держава, включая сюда и Америку. Европа была бы накормлена, Россия была бы одета и весь мир был бы избавлен от величайшей трагедии. Все это—и еще больше того—естественным образом воспоследовало бы в результате простого выполнения наших обещаний.

Но мы сделали нечто худшее, чем это. Неисполнение обещания—только отрицательное преступление. Союзники ударились в другую крайность: их помощь, приняла характер прямой, преднамеренной обструкции. Японцы няньчились с Семеновым и Калмыковым, а американцы, поддерживая и организуя врагов, поставили Омское правительство перед невозможностью под-

держивать свой авторитет и существование. Самое большее, на что можно было бы рассчитывать, состояло в том, что как японцы, так и американцы во-время заметят всю опасность своей политики для того, чтобы предотвратить крушение. Японцы так действительно и поступили; что касается американцев, то они дали злу разростись, увеличиваться, пока оказались не в состоянии справиться с ним. Колчака погубили не столько действия его врагов, сколько глупость и небрежность его союзных друзей.

Джон Уорд.

ИЗ ГОНКОНГА В СИБИРЬ.

25-й батальон Миддльсекского полка имел на своей памяти уже столько путешествий и замечательных приключений, что было вполне в порядке вещей, когда однажды утром, в ноябре 1917 г., я получил приказ приготовиться и подготовить людей для следования в неизвестном направлении. Во время совещаний обнаружилось, что батальон подлежит отправке в очень холодный климат, а затем выяснилось, что мы едем во Владивосток.

Но когда все приготовления к этому были закончены, в январе 1918 г., военное министерство посылает распоряжение, отменяющее все ранее сделанные приказы. Так дело продолжалось до июня 1918 г., когда вдруг пришел приказ грузиться для немедленного отправления. Наконец, в одну из суббот, в июле, после ненужного шума и спешки, мы погрузились на борт «Ping Suie» и двинулись в путь.

Тщательные приготовления были сделаны для нашего приема в виду того, что мы были первым контингентом союзных войск, которые ожидались во Владивостоке. Рано утром 3 августа, в сопровождении двух японских истребителей, мы подошли к Владивостоку, где союзные военные суда были ярко разукрашены по этому поводу.

К 10 часам утра на набережной собрались для нашей встречи: батальон чешских войск, с оркестром и почетным караулом от корабля «Суффольк», под начальством командора Пэна; М. Ходгсон, британский консул; председатель Земской Управы, и, наконец, русские и союзные офицеры.

Наши бараки помещались в предместьи города, в так называемом Гнилом Углу; они были ужасно грязны, с санитарными

приспособлениями самого примитивного свойства, хотя, мне кажется, местные британские власти потратили немало и времени и денег, пытаясь придать им более жилой вид. Офицерские помещения были не лучше, и я со своим штабом должен был спать на грязном и вонючем полу.

5 августа я участвовал на совещании союзных командиров. Тут обсуждалось не мало вопросов высокой политики, но особенно интересен был один пункт. Главнокомандующий чешскими войсками генерал Дидерихс сделал доклад о военном положении на Манчжурском и Уссурийском фронтах. Условия на Манчжурском фронте были не блестящи, но положение Уссурийского фронта можно было признать критическим; туда требовалась немедленная помощь, без которой командующий фронтом должен был отступать, не имея возможности удержать за собой позиций. Уссурийские силы состояли всего из 3.000 плохо вооруженных чехов и казаков. В день моей высадки произошло сражение, закончившееся поспешным отступлением на 12 верст за Краевск. Союзные войска численностью до 2.000 человек не могли выдерживать дальнейшего напора соединенных сил большевиков. Если произойдет дальнейшее отступление Уссурийского отряда, то оно неизбежным образом будет сопровождаться крупными потерями, как в людях, так и военном материале. Ближайшая позиция может быть расположена позади местечка Спасское, имея на левом фланге в виде прикрытия озеро Ханку, а на правом—болотистую лесистую местность. Если эта позиция не будет удержана, то подвергнется опасности железнодорожный узел в Никольске, с угрозой перерыва сообщений между войсками, оперирующими по Забайкальской железной дороге и у Иркутска, и Владивостоком. В виду этих обстоятельств, совещание решило добиться разрешения военного министерства отправить мой батальон на Уссурийский фронт, чтобы насколько возможно облегчить создавшееся положение. Я естественно указал, что мой батальон принадлежит к гарнизонным войскам и не приспособлен для несения службы на передовых линиях, что солдаты уже утомлены службой на других фронтах, и наконец упомянул, что из моего распоряжения изъято около 250 человек перволинейных войск, неуместно откомандированных от меня распоряжением верхов-

ного командования в Сингапуре для несения гарнизонной службы в Индии. Я продолжал отстаивать эту точку зрения, пока мне не было приказано из Лондона принять на себя эту задачу. Тем не менее, я уведомил Совет, что в виду отчаянного положения, в котором оказался Уссурийский фронт, я готов оказать всякое содействие в пределах моих сил.

Около 2 ч. пополудни ко мне зашел командор Пэн и показал мне полученную им каблограмму из Лондона от военного министерства. Последняя разрешала отправку половины моего батальона на фронт. Что касается меня, то оставалось дать необходимые для этого распоряжения. В эту же самую ночь, 5 августа, я двинулся через Владивосток для посадки своего отряда в поезд. Мой отряд состоял из 500 хорошо вооруженных пехотинцев, с пулеметной командой из сорока трех человек.

Мы прибыли в Никольск рано утром, но на платформе толпились уже жители и два почетных караула—чешский и казацкий, с оркестром, который вместо национального гимна сыграл «Rule Britannia». Для солдат был устроен завтрак местными войсками, а мы воспользовались гостеприимством британского вице-консула Лидвардса и его энергичной жены. Затем мы двинулись через город для того, чтобы показать жителям, что долго ожидавшаяся помощь Союзников, наконец, действительно прибыла.

Оказывается, несколько месяцев тому назад тут побывал какой-то очень сангвинический французский офицер, надававший кучу обещаний о помощи Союзников, что, кажется, совпадает с первыми приказами о выступлении, полученными в Гонконге к концу 1917 г. Союзники гораздо раньше решили сделать попытку для восстановления русского фронта против германцев, но, подобно всем усилиям Союзников, их действия в этом направлении были парализованы несогласием и неразумным национальным соперничеством.

Только под влиянием угрозы Фалькенгайна бросить полумиллионную армию, разгромившую Румынию, на западный фронт, они решились на нашу запоздалую экспедицию в Сибирь.

Так же радушно нас встречали и на других станциях, пока мы не прибыли, наконец, в Свиягино, последний большой город перед Краевском, который уже находился в сфере дей-

ствия неприятельской артиллерии. Здесь также прошла полная программа встречи, с чешским оркестром, церемониальным маршем и речами английских и русских командиров. Речь моя соответствовала полученным мною инструкциям и состояла в следующем: «Мы, британцы, вступаем на территорию Святой Руси не как завоеватели, а как друзья. Союзники смотрят на власть большевиков просто как на часть общей германской угрозы, одинаково враждебной британской и русской демократии. Мы пришли для того, чтобы помочь, воскресить и восстановить все устойчивые элементы русской жизни, и если последние примкнут к нам в нашем крестовом походе, мы обещаем, что не прекратим наших усилий, пока наш общий враг не будет окончательно разгромлен» [1]).

На следующее утро, 7 августа, я с моим переводчиком посетил Краевск и долго совещался с командующим фронтом капитаном Померанцевым. Я лично осмотрел боевую линию на правом фланге, при чем было решено, что я направлю туда 243 человека с 4 пулеметами для занятия позиции на угрожаемом пункте нашего правого фланга. Так как я был старше чином, капитан Померанцев передал мне командование над фронтом, обещав при этом свою помощь [2]).

* Таким образом полковник Уорд становится командующим Уссурийским фронтом. Остальная часть главы повествует о его энергичных шагах для подготовки наступательной операции

---

[1]) Во всех этих строках проявляется характерный для Уорда взгляд на причины, ход и следствия русской революции. В русской революции он усматривает только немецкие интриги, а в гражданской войне, вспыхнувшей в России, видит не борьбу социальных сил и экономических интересов, а продолжение войны с германской коалицией тех слоев русского общества, которые остались верными Союзникам. Незнакомство автора с исторической подпочвой социального переворота в России и непонимание им психологии русского народа неоднократно сказываются на страницах его записок. *(Прим. перев.)*.

[2]) Краевский разъезд—почтово-телеграфный и железнодорожный пункт по Уссурийской железной дороге, на линии Владивосток—Хабаровск, в 275 верстах от Владивостока; тут же поселок с населением в 600 душ.

Свиягино (в транскрипции автора Svagena), называемое автором городом,—большая железнодорожная станция перед Краевском, в 19 верстах к югу от него (256 верст от Владивостока). *(Прим. перев.)*.

против левого крыла красных войск. Все приготовления к атаке были закончены, как вдруг из Владивостока получается приказание от политического представителя приостановить всякие наступательные попытки и держаться только оборонительной тактики. В досаде Уорд замечает: «Я был убежден, что это небольшое усилие произведет решительное военное и политическое впечатление в Восточной Сибири. Но «политики» в мундирах не всегда отличаются смелостью, а в данном случае они в самом деле оказались чрезмерно робкими, благодаря чему наше положение ухудшалось со дня на день».*

УСПЕХИ БОЛЬШЕВИКОВ.

Обходное движение неприятеля, которое я предполагал, как только принял командование над фронтом, и которому я собирался противопоставить свой план контр-атаки, теперь было в полном ходу, но пока еще не нанесло удара нашей основной позиции.

Генерал Дидерихс посетил фронт и сообщил мне, что Союзный Совет решил поручить командование этим фронтом майору Пишону из французского отряда, который ожидается на следующий день. После личного осмотра генерал выразил свое удовольствие моими диспозициями и указал, что я должен был бы сохранить командование за собой, а решение, принятое относительно назначения майора Пишона, следовало бы пересмотреть в виду найденных им изменившихся условий. Но мне казалось, что пересмотр решения Союзного Совета может задеть французское самолюбие и поставить как Совет, так и командующего в ложное положение. Поэтому я попросил генерала Дидерихса не предпринимать никаких шагов к изменению решения Союзного Совета и сказал, что я охотно буду служить под начальством майора Пишона или какого-нибудь другого командира, избранного Советом. Британский престиж, прибавил я, укреплен достаточно хорошо, чтобы стоило заниматься такими пустяками, когда единственный смысл нашего пребывания здесь заключается в помощи нашим друзьям—чехам и русским. Он, однако, добавил, что невозможно позволить, чтобы британский полковник был подчинен французскому майору, и что мое командование необходимо рассматривать как независимое.

Майор Пишон прибыл 18 августа, и я формально передал ему командование. Он попросил меня считать себя одинаково ответ-

ственным с ним за положение на фронте и предложил время от времени совещаться относительно предполагаемых операций. Он оказался как воспитанным, так и рассудительным человеком, вникавшим в различные вопросы в связи с командованием; действительно он был джентельменом, с которым было приятно встретиться и работать. Батальонным командиром у него был майор Малле, тоже воспитанный человек, и все вместе мы представляли довольно счастливую комбинацию.

Весьма выдающейся личностью на этом фронте был капитан Стефан, командир 8-го чешского батальона. По профессии пивовар из Праги, он с началом войны должен был поступить в ряды австрийской армии, где служил солдатом, пока не попал в плен к русским; революция освободила его из лагеря военнопленных, и он был одним из тех, кто организовал своих земляков и предложил свои услуги делу Франции и Союзников, веря, что с победой английского оружия будет освобождена его обожаемая Богемия. Я спросил его, почему он предоставил свою шпагу Франции, на что он ответил: «Конечно, великую Англию мы считаем своей спасительницей, но германские полчища находятся во Франции: повстречаться с нашим врагом на поле битвы всегда было и будет нашей первой гордостью, ибо если Англия заявляет что мы—нация, то мы знаем, что будем таковой».

Я должен сказать, что был польщен той почти детской верой, которую поляк, чех и русский питают к имени и чести Англии. Без сомнения мы представляем единственную нацию, из всех представленных на этом фронте и вообще в Сибири, против которой не направлено ни одного слова подозрения. Я естественно ожидал, что французы сохраняют большой престиж в России, особенно в виду своего давнего союза, но из ближайшего ознакомления со всеми слоями русского общества я вынес впечатление, что трудно сказать, кому больше всего не доверяют русские—Франции, Америке или Японии. Однако, присутствие французских солдат и вежливость французских офицеров могут содействовать возрождению более теплых чувств в России по отношению к Франции. Напротив, присутствие солдат Восходящего Солнца, манеры и общее поведение его офицеров к сибирскому населению несомненно превратит страх в общую ненависть к ним.

*

* Между тем на правом фланге боевого участка обнаружился упорный нажим красных войск, который повлек за собой потерю позиций у Антоновки и Руновки и отступление к Краевску [1]). Превосходство неприятельской артиллерии заставило Уорда обратиться к содействию пушек броневых поездов, но и это не спасло положения. Чехи первые стали отходить с правого фланга в тыл. За ними потянулись британцы, французы и казаки атамана Калмыкова. Положение на фронте, так неудачно сложившееся для Союзников, радикально изменилось только с прибытием крупных японских сил. *

---

[1]) Боевой участок тянулся от восточного берега озера Ханки, пересекая Уссурийскую железную дорогу между разъездом Краевском и станцией Шмаковской (293 версты от Владивостока) и упираясь затем в болота, расположенные по р. Уссури. Антоновка и Руновка—деревушки к северо-востоку от Краевского разъезда.

(Прим. перев.)

ЯПОНИЯ ВМЕШИВАЕТСЯ.

Необходимо напомнить, что диверсия в Россию была непосредственно решена на Парижском Совете, как вернейший способ ослабить давление на французский фронт [1]). Повидимому англичане первые решили участвовать в ней. Хотя бесспорно Япония находилась в самом благоприятном положении для оказания скорой помощи, однако, были известны такие обязательства ее по отношению к Германии, которые исключали всякое ее руководительство во всем том, что являлось в это время скорее борьбой с тевтонами, чем защитой русских интересов. Японская печать была явно германофильской, оставаясь такой во все продолжение войны, и как ни старался токийский кабинет сохранить верность англо-японскому договору, тем не менее и он должен был прислушиваться к голосу общественного мнения страны. Если бы дело шло только об английской экспедиции, Япония едва ли бы вынудила себя на вмешательство. Но когда телеграммы из Америки стали сообщать о спешной организации Соединенными Штатами грандиозной экспедиции в Сибирь, японское правительство, начавшее готовить еще более внушительные силы, чтобы затмить американцев и принять участие со своей стороны в готовящихся событиях, получило полное оправдание даже в глазах самых ярых пропагандистов германской ориентации. Уже несколько месяцев ранее японские подозрения были возбуждены телеграммой, посланной в Сибирь одной частной строительной железнодорожной компанией с предложением помочь России

---

[1]) В начале ноября 1917 г. состоялась Конференция в Рапалло, на которой союзники для объединения командования решили создать Верховный Военный Совет, состоявший из главных министров Антанты, ежемесячно заседавших в Париже. *(Прим. перев.)*

реорганизовать железнодорожную сеть. Эта компания широкой благотворительности, оказанная народам Дальнего Востока, заслужила признательность со всех сторон. Но действительные успехи американского предприятия на этом пути возбудили в умах японцев сомнение в правильности политики, предоставлявшей американцам свободно проникать на восток. В виду всего этого японцы поспешили со своими приготовлениями, и несколько дней спустя после того, как я принял командование на Уссурийском фронте, 12-я дивизия под командой генерала Ои высадилась во Владивостоке. Он сразу же расположил свою главную квартиру в Никольске, и начальник его штаба генерал Канака занял свою позицию позади наших линий у Свиягино, пользуясь ими как прикрытием для развертывания своих сил [1]).

Далее Уорд рассказывает о нескольких мелких стычках между союзными и красными силами, причем первые терпели частые неудачи, благодаря несогласованности и неналаженности командования над разноязычными и разноплеменными отрядами, с одной стороны, и непрекращавшемуся соперничеству между начальниками—с другой. Японцы во всяком случае держали себя господами положения. Наконец, 23 августа ночью Уорд получил следующий приказ:

Полковнику Уорду, командующему резервом. Приказ об операции генерала С. Ои, командующего 12-й дивизией. Свиягино. 23/10 августа 1918 г.

1. Все неприятельские атаки сегодня отбиты. Мы захватили два пулемета и пять пленных.

2. Союзные войска атакуют неприятеля сегодня утром, 24 августа, чтобы причинить ему решительный урон.

3. Японские войска начнут атаку утром, 24-го, в 3 часа.

4. В резерве останутся британские и французские войска, казаки Калмыкова, а также несколько японских рот под коман-

---

[1]) Станция Никольск-Уссурийск в 102 верстах от Владивостока. О других пунктах см. примечания на стр. 32 и 36.

(Прим. перев.)

дой японца. Полковник Инагаки прибудет на северо-западную часть Духовской завтра в 2 ч. утра.

Подписано: С. Ои, генерал-лейтенант, командующий 12-й дивизией.

Следующая глава: «Бой у Духовской и Краевского» подробно описывает развитие этой местной операции, закончившейся отступлением красных сил на север по р. Уссури, по направлению к Иману и Хабаровску. Таким образом угроза, нависшая над Никольским узлом, где пересекаются на пути к Владивостоку Восточно-Китайская и Уссурийская железные дороги, была окончательно ликвидирована в результате этой операции.

ЯПОНСКИЕ МЕТОДЫ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА СОЮЗНИКОВ.

Японцы на основании своих особых соображений, как мы уже видели, решили еще в начале операций, что приморские провинции будут находиться под их специальной охраной. С величайшим подозрением они смотрели на войска и усилия других союзников, в особенности британцев и американцев, предумышленно стараясь своими приказами исключить их из своих совещаний и по возможности удалять их от управления отвоеванными территориями. Так 27-й баталион американской пехоты высадился во Владивостоке за несколько дней перед боем под Духовской; ему было обещано сделать все возможное для своевременной доставки на фронт, чтобы он мог принять участие в сражении; но японцы, в ведении которых была железная дорога, постарались, чтобы баталион прибыл на день позже; вместо того, чтобы двинуть американцев вперед, их отцепили в Свиягине, а затем везли день за днем, держа их все время верст на пять позади японского фронта. К тому же японцы никогда не доверяли своим союзникам. Ни один приказ по японской армии никогда не сообщался союзным командующим, пока операция не была выполнена или доведена до степени, не дающей им возможности принять в ней участие или предложить свою помощь. Японцы никогда не совещались со своими союзниками и никогда не сообщали им о каком нибудь своем передвижении, пока оно не совершилось. С чешскими командирами они обращались недостаточно вежливо, а вагоны английских офицеров наводнялись их рядовыми, которые дерзко спрашивали, что нам нужно в Сибири и когда мы предполагаем отправиться домой; но наивысшее презрение они питали к русскому народу. Этих несчаст-

ных людей они сбрасывали с железнодорожных платформ, пуская в ход приклады своих винтовок как против женщин, так и мужчин, обращаясь с ними точь-в-точь, как с племенем покоренных готтентотов. Я не понимал такого поведения со стороны нашего восточного союзника и чувствовал, что это могло быть только безответственным буянством и озорством нескольких солдат и офицеров. Позже оказалось, что это было общей политикой японской армии обращаться с каждым свысока; они превосходно усвоили эти уроки у современных гуннов.

Я приведу два примера, не ярких и не единственных, но о которых без сомнения имеются официальные протоколы. Я стоял в Никольске на платформе, ожидая поезда; кругом была толпа русских; недалеко находился японский часовой. Вдруг он бросился вперед и ударил прикладом своей винтовки в спину русского офицера; последний упал плашмя, катаясь от боли по полу, между тем как японец, скаля зубы, взял ружье «на караул». Хотя кругом стояло не мало народа, ни у одного из русских не хватило духу пристрелить японца; не желая вмешиваться, я ничего не предпринял, но наблюдал, что будет дальше. Десять минут спустя другой японский часовой повторил то же самое, но на этот раз жертвой была хорошо одетая русская дама. Русские были так запуганы, что даже ее друзья побоялись помочь ей. Я подошел, чтобы помочь; японец отстранился, но продолжал смеяться, точно все это было милой шуткой. К нам подошло несколько английских солдат, и японец заметил, что дело начинает принимать серьезный оборот. Я отправился в японскую главную квартиру, находившуюся недалеко в вагоне, и донес о происшедшем. Офицер казался удивленным, что я вступился за каких-то русских, которые, как он сказал, могли быть большевиками,—кто их знает,—и осведомился, не испытал ли я какой нибудь неприятности от часового. Я отвечал, что первый же японец, который дотронется в моем присутствии до английского офицера или солдата, будет убит на месте. Это повидимому удивило японского офицера, который указал на то, что они оккупировали Сибирь и имеют право делать все, что им угодно. Я счел необходимым поставить ему на вид, что японцы действуют в союзе с другими державами, включая сюда и Россию; что мы здесь находимся в качестве друзей русского народа, а не завоева-

телей. Этого как раз он не мог или не хотел понять. Кончил я тем, что предупредил его: если его часовые не получат приказа вести себя менее дикарски, то будет положен конец их подвигам. Позже я слышал, что разговор помог, но по отношению к японским войскам он мог только слегка смягчить их обращение с беззащитным русским населением.

Но это только образец их поведения по отношению к простому народу. Впрочем, для них есть некоторое извинение: при подходящих условиях они обращаются со всеми одинаково. Еще батальонный командир был не особенно подходящим объектом для их шуток по той простой причине, что был обыкновенно окружен достаточным количеством солдат для внушения себе должного уважения, но генерал без конвоя был всегда желательной мишенью для их милого внимания. Даже глава британской военной миссии не мог надеяться избежать самого оскорбительного обращения. Однажды моя часть занимала для охраны телеграфную сеть, так что я имел возможность лично передать депешу японской главной квартире относительно особого поезда, который ожидался на их станции. Содержание ее было таково: «Особый поезд № ... ожидается на ваш участок в такой то час . . .; он везет главу британской военной миссии, генерала . . . и его штаб из Владивостока в Уфу для важного совещания с генералом главнокомандующим русскими и чешскими войсками. Соблаговолите приготовить линию для проезда». Так, вы думаете, японцы соблаговолили «очистить путь для движения»? Они остановили поезд, окружив его отрядом солдат с примкнутыми штыками. Затем оскорбили главу британской миссии, посадив его вместе со штабом под арест, и тогда приступили к тщательным расследованиям, чтобы выяснить, не были ли это переодетые германские эмиссары. Наглость всего их образа действий была так необычайна, хотя и характерна, что когда штаб генерала передавал мне о случившемся, я в первую минуту не знал, смеяться мне или негодовать.

Я отправился в Сибирь в общем благоприятно настроенный по отношению к этому довольно-таки удивительному народу. Я постарался внушить своим солдатам отдавать честь каждому японскому офицеру и быть как можно вежливее с каждым японским солдатом, что они буквально и выполняли. Скоро я обра-

тил внимание на то, что только в редких случаях японский офицер брал на себя труд отдать ответную честь моим солдатам и еще реже японский солдат приветствовал английского офицера; всего чаще он отвечал презрительной гримасой. Скажу вполне откровенно, что я восхищался преданностью японцев своим воинским обязанностям, но невозможно пройти мимо их упорной дерзости по отношению к тем, кто стремится сохранить с ними мир и дружбу. К сожалению, правда, что они были введены в заблуждение своей уверенностью, что Германия предназначена управлять миром, поверив чему они стали брать пример с этого ужасного образца. Они совершенно открыто бахвалятся, что они «германцы востока». Будем надеяться, что они правильно поймут недавний урок истории.

Во время моего пребывания в Приморской области мне не доводилось ни видеть, ни слышать о каком-нибудь деянии или распоряжении со стороны японской главной квартиры, которые хоть в малейшей степени могли бы содействовать административной реорганизации страны. Наоборот, я видел многое, убедившее меня, что страна Восходящего Солнца была в то время более заинтересована в поддержании беспорядка, как наивернейшего средства для укрепления своих собственных честолюбивых намерений.

УПРАВЛЕНИЕ.

Вскоре после очищения Уссурийского фронта от большевиков, я получил предписание от генерала Отани взять на себя управление железной дорогой и округами по обе стороны ее на 50 верст в глубину, между Спасским и Уссури включительно. Моей обязанностью было оберегать путь и управлять округом, принимая все нужные меры для поддержания свободного движения по путям сообщения. Мне было указано избрать Спасское своим местопребыванием и сделать все приготовления для зимовки там. Согласно с этим, я постарался завязать сношения со старыми русскими властями, военными и гражданскими, где таковые еще оставались, и с новыми там, где они оказывались.

Начали мы также с трудом восстанавливать разрушенную структуру человеческого общества. Уже более года в этих областях не знали другого закона, кроме силы, и много старых грехов и общественных язв требовало ликвидации. Я совершил не мало поездок по окрестным деревням и заимкам в сопровождении небольшого личного конвоя, ставил посреди улицы стол и с помощью приходского священника и старосты местного общества выслушивал и разбирал общественные и частные препирательства, начиная с угроз и оскорблений личности до прав на владение и занятие хутора. Апеллировать было не к кому— бравые Томми, стоявшие за мною со штыками, ставили мои приговоры вне всяких сомнений. Я передал одно или два дела по вопросу о правах собственности законному суду, но стороны в обоих случаях протестовали против этого, заявляя, что они предпочитают мое немедленное решение. Трех убийц я предал уголовному суду, который я созвал с одним старым русским офицером в качестве председателя, но последний был так напуган

перспективой произнести подсудимым смертный приговор, что я принужден был отослать их в другой округ для осуществления над ними правосудия. Слух об этом судопроизводстве распространился с такою быстротой, что стало весьма затруднительно, если не прямо невозможно, успешно и подробно разбирать дела, благодаря с каждым днем все увеличивавшемуся наплыву тяжущихся. Я начал понимать, почему в более цивилизованных обществах судебные процедуры стоят так дорого. Или русский крестьянин— страшнейший сутяга, или он ошибочно принял систему доступного суда за здоровый английский спорт, который его весьма забавлял.

Было крайне лестно слышать, что этот народ предпочитал обращаться для улажения своих споров к «английскому полковнику Ворпу», чем в русский суд. Это была самая интересная работа, которую мне пришлось выполнить в этой стране. Самый простейший случай лучше знакомил меня с русскими учреждениями и характером народа, чем годы изучения их по книгам. Я понял разницу между правами крестьянина-арендатора и правами казачьей общины. Закон о лесах уже один требовал специального изучения. Интимная сторона русской семейной жизни обнажалась передо мною сверху до низу со всем ее романтизмом, средневековым укладом и грязной подкладкой насилия и суеверия. Действительно, я так увлекся этой работой, что с величайшим сожалением должен был оставить ее для более важной и значительной деятельности.

Союзные войска в Забайкальи выполнили теперь свою задачу, рассеяв неприятельские силы и достигнув некоторых успехов в деле управления; но если было необходимо укрепить эту работу и придать ей прочное значение, нужно было создать некоторый центр, отличный от союзного командования, вокруг которого она могла бы объединиться и который придал бы ей надлежащее руководство и поддержку.

Сибирское правительство было установлено живыми элементами старого режима и наиболее видными членами партии социалистов-революционеров, но их авторитет не признавался, а распоряжения не всегда свидетельствовали о знании ими дела. Эти заметные люди могли кое-что сделать, но даже они не могли обойтись без главы, и весь вопрос был в том, как им обеспечить такого главу правительства. Союзники взяли на себя управление

дальневосточными провинциями, но если они хотели осуществить свою цель и разрушить германские замыслы, было необходимо распространить их власть к Уралу и, если возможно, даже за Урал. Блестящие подвиги чехов временно произвели смятение среди террористов, но богатая, беспомощная Россия могла снова возбудить их жадность, что было вполне достаточно для возобновления их усилий снова овладеть ею. Для того, чтобы стать более действительной, помощь и деятельность союзников должны были придвинуться ближе к сцене настоящей борьбы. Екатеринбург и Омск, казалось, были единственно возможными центрами, которые могли доставить нужные удобства и подходящую обстановку для этого дальнейшего шага союзной программы. В общих чертах все соглашались с этим предположением, но каждый держался особого мнения касательно того, как это должно было быть выполнено.

Япония, крепко утвердившись в столь желательных ей приморских провинциях, смотрела без энтузиазма на предложение покинуть то, что ей более всего было нужно для ослабления давления на фронте, в котором она была нисколько не заинтересована. То, что Париж может пасть под ударами германцев, не имело для нее никакого значения, сравнительно с американским контролем Восточно-Китайской железной дороги или присутствием «Бруклина» во Владивостоке.

Америка еще, казалось, не сообразила, какая часть Дальнего Востока имела всего больше значения в ее глазах, но желала жить со всеми в мире и выиграть как можно больше из всего этого. Армии ее были на западном фронте, но взоры ее были обращены на восточные берега Тихого океана, а разве не лучше всего было оставаться там, где можно было зорко следить за тем, что сделают другие.

Да и кто мог думать о возможности отправить войска за шесть тысяч миль от базы, в страну, которая местами была враждебно настроена. Удастся ли преодолеть множество опасностей и затруднений, которые наверно встретятся на пути. А если бы это и удалось, кто мог ручаться за любезный прием. А в случае неудачи, как можно было бы предотвратить ужасное крушение. Таковы были некоторые из задач, которые предстояло решить,

а разрешенные в одном направлении, они исключали всякое отступление назад.

Американцы и японцы были заняты другим и потому не могли годиться для этого предприятия. Не боясь упрека в национальном самолюбовании, можно утверждать, что была налицо только одна сила, в которую абсолютно верили умеренные русские люди всех партий и которая могла предохранить от всех случайностей. Взоры всех были обращены на испытанный в боях старый батальон, доказавший свою храбрость на суше и на море.

У русского общества были подорваны все корни, и вся страна обратилась в огромный человеческий хаос. Жизнь человека была обесценена и в самом деле была самой дешевой вещью в стране. При наличии центра для создания порядка, необходимо было иметь силу для первоначальной его защиты. Государственная власть не может действовать насилием, не угрожая при этом своему собственному существованию. Риск был велик: крупные военные силы могли возбудить подозрение, а небольшие силы должны полагаться для своей безопасности на нечто иное, чем простые штыки. С должным вниманием к ее опасности, но с убеждением, что дело стоит того, чтобы им заняться, я принял на себя задачу, которую судьба возложила на меня.

Мы устроились зимовать в Спасском, когда я получил приказание проследовать в Омск; при этом было указано, что было бы хорошо, если бы я раньше посетил Владивосток и переговорил с генералом Ноксом. Я попробовал достать подходящий вагон для моего штаба у железнодорожного начальства, но потерпел неудачу, и кончил тем, что захватил скотский вагон. Таким образом мы добрались до Никольска, где наш вагон должны были прицепить к харбинскому экспрессу. Но начальник станции, лучший образец русского служебного персонала, счел унижением, что командующий и штаб самой верной союзницы путешествуют таким образом. Он предоставил в мое распоряжение свой собственный вагон, который я обещал вернуть ему, когда смогу найти другой. Мы прибыли во «Влади» и в четыре дня закончили все приготовления, получив устные и письменные инструкции относительно общей политики, которой следовало держаться. Средства же для того, чтобы пробраться к Уралу, были предоставлены на мое личное усмотрение.

Я уже успел составить себе высокое мнение о русском характере. Многое можно сделать лаской и убеждением, но если это не удается, тогда «большая дубинка» Петра Великого, примененная в меру,—единственно верное средство обеспечить повиновение приказаниям.

На обратном пути я был задержан в Никольске на несколько дней благодаря дождям, повредившим железнодорожный мост. Японцы не хотели поправить повреждения, и некоторое время препятствовали даже русским сделать это. Двинувшись из Спасского, мы направились к Никольску, а затем повернули на Восточно-Китайскую железную дорогу. По прибытии в Никольск мы узнали, что французский тонкинский батальон получил приказание также двинуться на запад за несколько дней до нас, но не был еще готов и навряд ли будет готов ранее двух-трех дней.

Французская часть была под командой майора Малле. Он и его офицеры были превосходными людьми, хотя атмосфера Южного Китая лишила их отчасти свойственной им энергии. Он уведомил меня, что назначением его был один пункт на линии железной дороги вблизи от границ северо-западной Манчжурии, и просмотрев свои собственные инструкции, я догадался о цели этого движения. В случае нужды я по крайней мере найду открытой границу. Кроме того передвижение это служило косвенным указанием на то, что, поскольку дело касается осуществления рискованного предприятия, английская и французская политика идут параллельно друг другу.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Как раз на станции Манчжурия произошел случай, о котором много говорили в это время, давая ему много разных версий. Впрочем он легко объясняется, если знаешь все факты. Ни в Спасском, ни в Никольске невозможно было обеспечить для моих офицеров подходящих удобств для путешествия, но мне сообщили, что они будут предоставлены нам в Харбине. В сопровождении британского консула в Харбине, я посетил с этою целью начальника железных дорог в Харбине. Он был очень учтив, обещал сделать все, что будет в его силах, но на следующее утро сообщил мне, что не нашлось ни одного подходящего вагона, прибавив, если я смогу найти себе свободный вагон, то могу воспользоваться им. Поиски мои кончились неудачею, о чем я и уведомил его. Он ничем не мог помочь, но сказал, что множество вагонов находится на станции Манчжурия, задержанные полковником Семеновым и японцами, которые не пропускают ни одного вагона через эту станцию, а полковник Семенов собирает большой доход, предоставляя вагоны тем, кто платит ему высокую мзду.

Погода начинала становиться все холоднее, и с каждой милей наши неудобства увеличивались, а между тем единственным удобством для моих офицеров являлись скотские вагоны. После своего официального визита я попросил предоставить мне два вагона. Комендант станции сделал вид, что собирается посоветоваться с русскими и японскими властями, а затем сообщил мне, что нет ни одного подходящего вагона. Я сказал ему, что это неправда. Тогда он согласился предоставить мне вагоны, если я смогу найти незанятые. Он отправился со своим списком к вагонам, на которые я указал, и удостоверившись, что они не заняты, предоставил их в мое распоряжение. Я поставил у вагонов караул и полагал, что инцидент исчерпан, но ничто

не решается так скоро на Дальнем Востоке. Я попросил перевести эти вагоны на запасный путь к моему поезду, но, прождав два часа, отправился на станцию узнать, в чем дело; там преспокойно сообщили мне, что им ничего неизвестно относительно вагонов. Комендант, с которым я сговорился, ушел домой,— старый плут назавтра не был дежурным, и ничего другого нельзя было сделать.

Мне было доложено, что причина, почему вагоны не могли быть предоставлены мне, заключалась в том, что железнодорожные власти одной державы дали распоряжение ни в коем случае не отпускать «классных» вагонов для британских офицеров, так как необходимо было, чтобы население вдоль железной дороги не видело в них представителей первостепенной державы. Англичане, мало путешествовавшие по Дальнему Востоку, едва ли поймут ход мыслей восточного человека. Офицер какой-нибудь державы, путешествующий в скотском вагоне, не только лично лишается уважения со стороны восточной публики, но унижает также знамя той страны, которую представляет, какое бы положение она ни занимала среди других наций. Без сомнения, это очень глупо, но это так. Способы вашего передвижения определяют ваше место в уважении со стороны Востока, потому что последние кидаются в глаза, тогда как верительные грамоты остаются незаметными.

Тогда я решил действовать и, если будет нужно, пойти на все. Я объявил властям, что прекращу движение, пока эти два вагона не будут прицеплены к моему поезду, и начал занимать войсками станцию. До этой минуты я не видал и не слыхал ничего об японцах в связи с этим делом, но теперь они выступили на сцену, и я скоро открыл, что это они интриговали против британских офицеров, препятствуя получить им приличные средства передвижения, и спрятали старого коменданта, закрепившего вагоны за мной. Сначала они не знали, какого тона держаться, но попросили, чтобы караул был снят со станции. Моим ответом было: «Да, тотчас же, как только эти вагоны будут прицеплены к моему поезду». Они согласились с этим, и мой караул, занимавший станцию двадцать три минуты, был снят.

Я поужинал и собирался двинуться, когда мне сообщили, что японцы поставили стражу у моих вагонов и не позволяют

прицепить их к моему поезду. Я подумал, что это уже перешло всякие границы, но, прежде чем предпринять что-нибудь, решил узнать причину того, что казалось определенным вероломством. Я посетил японского станционного офицера, который сообщил мне, что они только-что узнали о том, что эти два вагона отставлены в сторону, так как предназначаются для путешествия генерала Фуджи в Харбин. Я отказался поверить, чтобы такое открытие было сделано только теперь, и решил, если будет нужно, завладеть вагонами силою.

Создалось очень натянутое положение, и был прислан японский штабной офицер. Я послал своего адъютанта, полковника Франка, отыскать отсутствующего коменданта, предназначившего мне вагоны. Японский штабной офицер выразил свое сожаление, что я не могу получить вагонов для своих офицеров, и указал на невозможность расстроить поезд генерала Фуджи предоставлением этих вагонов мне. В эту минуту вошел русский комендант и рассеял все эти оправдания, заявив, что эти два вагона не имеют ничего общего с поездом генерала Фуджи, что они свободны и принадлежат мне. Я решил усилить охрану вагонов до 18 человек на каждый и взять под свою защиту железнодорожных рабочих, прицеплявших их к моему поезду. Японские солдаты последовали за вагонами до моего поезда, так что мы представляли странную картину: ряд Томми на вагонах с примкнутыми штыками и ряд японцев на перроне, охраняющих те же самые вагоны. Не появилось ни одного офицера для отдачи им приказаний, и они исчезли один за другим, пока мои солдаты не остались бесспорными владельцами вагонов.

Мы вернулись к моему вагону и нашли его под охраной китайских солдат. Я осведомился о причине этого и узнал, что в самом начале инцидента меня посетил китайский офицер с письмом для уведомления меня о том, что великая дружба, которую китайцы всегда питали к великой английской нации, не позволяет им быть безучастными свидетелями, чтобы на их друзей нападали во время их переезда через китайскую территорию. Я поблагодарил их за дружбу и указал, что англичане всегда в состоянии сами защитить себя, в какой бы части света им ни пришлось выполнять свой долг, но они не хотели ничего слышать и остались на карауле, пока мой поезд не отошел от станции.

*

Я не предполагал, что могла возникнуть действительная опасность столкновения между союзными войсками на станции Манчжурия, но налицо была видимость весьма некрасивого инцидента, который мог получить международное значение. Я отстаивал свою позицию с единственной целью поддержать на должной высоте достоинство британской армии. Другие инциденты, связанные с этой маленькой ссорой по поводу дорожных удобств офицеров и не имеющие с ней ничего общего, заставили меня настаивать на своем.

Во время этих происшествий я заметил, что мой адъютант сердито спорит с двумя японскими офицерами возле платформы с британским флагом, прикрепленным для указания национальности поезда. Японцы так резко указывали на флаг, что я понял, что спор шел об этой оскорбительной эмблеме. Когда японские офицеры отошли, я подозвал полковника Франка к себе и осведомился о причине спора. Он сказал: «Я могу еще понять презрение японцев к России: она ниспровергнута и больна; но мне не совсем ясно, почему они хотят оскорбить свою союзницу—Англию. Японские офицеры, которые только-что ушли, спрашивали, где английский командир получил разрешение повесить английский флаг на своем поезде. Я ответил, что это английский поезд, везущий английский баталион в Омск, и что никакого разрешения не требуется. Японцы на это возразили, что они считают оскорблением для Японии каждый флаг, кроме их собственного, развевающийся в Манчжурии и в Сибири. Я сказал им, что они сошли с ума, и что если бы английский командующий услышал их разговор—оба они говорили по-русски—он потребовал бы удовлетворения. На это они усмехнулись и ушли». Такова была атмосфера, в которой приходилось спорить из-за всякого пустяка, и этим можно объяснить упрямство обеих сторон; во всяком случае, им пришлось считаться с моим решением.

Следующим интересным пунктом было озеро Байкал или, как его более правильно называют русские,—«Байкальское море». Байкал был ареной титанической борьбы между чехословацкими войсками и большевиками, которые, в случае поражения, предполагали совершенно уничтожить железнодорожный путь, взорвав многочисленные туннели вдоль берега озера, на

восстановление которых потребовалось бы по крайней мере два года. Однако, чехи двигались так быстро, что неприятель должен был сосредоточиться у Байкала для защиты своих собственных путей сообщения. Прежде чем они успели понять, что уже проиграли сражение, удачный чешский выстрел взорвал на воздух склад динамита, станцию, поезда и около трехсот человек команды. Остатки их сил бросились отступать к югу от линии и после долгого преследования затерялись в густых лесах, составляющих главную границу между Сибирью и Монголией; позднее они появились на одном важном железнодорожном пункте вблизи Омска.

Мы остановились на ст. Байкал, чтобы запастись водой и топливом, и осматривали повреждения, произведенные взрывом. Большой железный пароход, перевозивший поезда с одной стороны озера на другую, был почти разрушен, его трубы и верхняя палуба были сметены и скручены, так что невозможно было их исправить. *В этом полуразрушенном ледоколе нашли убежище германские и австрийские военнопленные.* Эти германцы нисколько не сомневались,—как я слышал от наших солдат,—что мы направлялись в Германию на верную смерть. Все до одного они верили, что Германия выиграет войну и уничтожит не только Англию, но и Америку. К Франции они не питали никаких чувств и смотрели на нее, как на уже проглоченный наполовину кусок. Квартирмейстер капитан Баультон спросил одного пленного: «Ну, а представьте себе, что Германия будет побеждена». «Тогда—сказал пленный—я никогда бы не вернулся в Германию». Мы встречались с тысячами германских пленных, и у всех у них были самые запутанные представления о нас. Они говорили о нас, как об единственных настоящих и злейших врагах своей родины. Но эти же самые люди охотнее всего шли к нам работать, чем к кому-нибудь из других союзников, потому что, по их словам, мы обращались с ними хорошо, относились к ним по-человечески и выслушивали их жалобы. Во всяком случае, это что-нибудь да значит.

ЗА БАЙКАЛОМ.

От Байкала до Иркутска—короткий переезд по левому берегу Ангары. Мы прибыли в Иркутск почти в одно время с небольшим отрядом японской армии, который нес службу по охране своих торговцев и складов, обыкновенно путешествующих вместе с армией. Я был немного удивлен, что японские коммерсанты устроились в Иркутске, хотя их главная квартира находилась в Чите, где пребывал также их агент Семенов. Для чего они прибыли в Иркутск, остается загадкой. Поговаривали, что некоторые из союзников готовы были уступить им лучшую часть Сибири, прилегавшую к озеру Байкалу. Может быть, до их ушей дошли слухи о минеральных богатствах Урала.

Иркутск, расположенный на правом берегу Ангары, довольно красивый старый город Сибири. Командующую позицию занимает православный собор, который удачно спорит о первенстве с кадетским корпусом и своей выдающейся архитектурой поражает взор. К городу ведет оригинальный низкий деревянный мост, образующий арку над быстро несущейся рекой. Когда мы увидели город, в нем мрачно собирались разбитые остатки человеческого общества после нескольких месяцев анархии и убийств. Целые улицы превратились просто в ряды почерневших развалин, и затихшая было совсем торговля только-что начала подавать первые признаки жизни. Пуская свои щупальцы, она принуждена была существовать в зависимости от случая, не освободившись еще от опасности.

Был устроен публичный банкет (первый со времени революции), повидимому, для встречи Вологодского, социалиста-

революционера, председателя Сибирского Совета [1]), но на самом деле для чествования первого британского полка, который когда-либо находился и сражался в Сибири. Это было крупным событием, первым и настоящим проявлением, которое я видел, возможного национального возрождения. Но даже здесь оно отличалось решительным сепаратизмом и носило японский характер: прославление Сибири и сибирских жертв, полное игнорирование усилий остальной России в различных частях Империи. Казачий атаман Иванов-Ринов [2]) произнес панегирик Сибири, а председатель и секретарь по иностранным делам — длинный молодой человек с водянистыми глазами—присоединились к хору. Все они, без сомнения, были довольны собой и вполне наслаждались этим частичным возвращением к старым условиям. Полковник Франк шопотом переводил мне все, что говорилось, так что я мог получить хорошее представление о моральной атмосфере этого в своем роде единственного собрания. Тост за их союзницу Великобританию заставил и меня подняться. Оркестр заиграл: «Rule Britannia» вместо «God save the King» (Боже, спаси короля) по той простой причине, что публика—в большинстве социалисты-революционеры, и не решались заиграть роялистский гимн, не узнав чувств своей аудитории. Это объяснило мне многое. Я смеялся над их опасениями и объявил им, что наш национальный гимн, представляющий в настоящее время единство нашего народа, будет завтра же сыгран на параде, что бы там ни случилось, и что все большевики в России бессильны помешать этому. После этого я перешел к флагу, другой великой эмблеме

---

[1]) П. В. Вологодский—член Сибирского Омского правительства, глава делового кабинета при нем, так называемого «Административного Совета»,—по взглядам нечто среднее между правым эсером и кадетом, сторонник диктатуры. Впоследствии на Уфимском Государственном Совещании в сентябре 1918 г. он вошел в состав образованной на нем пятичленной Директории, как представитель Сибирского правительства. Одновременно был председателем делового Совета Министров при Директории.

(Прим. перев.)

[2]) Иванов-Ринов—один из генералов сибирской армии, подчиненной Омскому Сибирскому правительству; делегат от Сибирского правительства на Уфимском Государственном Совещании, затем главнокомандующий сибирской армией. *(Прим. перев.)*

единства нации. Я обратил внимание на полное отсутствие русского флага от Владивостока до Иркутска и спросил: «Неужели эти пространства принадлежали некогда великой и мощной России, пространства, проезжая по которым теперь, путешественник даже не знает, что это за страна». Я прибавил, что если бы у нас было 20 революций, то я все-таки не мог бы представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага или бояться называть себя англичанами. Перевод моих замечаний вызвал шумную овацию, и я начал думать, что оркестр никогда не будет играть ничего другого, кроме нашего национального гимна, который повторялся им бесконечное число раз.

Список телеграмм и пожеланий разного рода и характера, полученных мною со всех концов России и вне ее, вместе с постоянным повторением моей речи в печати, ясно указывает на то, что с этого дня началось возрождение русской души. Другим признаком возобновленной силы и жизни был тот факт, что русский флаг (без короны) развевался теперь на каждой большой станции, которую мы проезжали, и над каждым общественным зданием. Русские в высшей степени впечатлительны, и мне удалось на этот раз задеть их чувствительную струнку.

На следующий день мы отправились на четырехугольную площадь, окружающую собор, где я сделал смотр вновь сформированным частям армии. Великолепные люди, хорошо сложенные, но еще неповоротливы и неловки в движениях. Оставшиеся кадеты, избежавшие избиения, представляли удивительно славный подбор красивых мальчиков, которых я издали, смотря на их хорошенькие лица, принял за девушек, что очень не понравилось командовавшему полковнику. Все это вместе представляло выразительную картину на фоне величественного собора. Когда заиграли английский гимн, все присутствовавшие обнажили головы, а одна старушка встала на колени, поцеловала руку моего адъютанта, благословляя нас как «спасителей»; командующий провозгласил ура «за единственную страну, пришедшую к нам на помощь без всяких условий». Я подумываю, что̀ из всего этого выйдет.

Мы были на приеме у британского консула, после чего вечером посетили концерт.

Чувства народа менялись буквально через каждые несколько сот миль. Покинув Иркутск, мы скоро заметили, что находимся на враждебной территории; несколько недель, а в некоторых случаях несколько дней господства большевистских комиссаров делали страну жертвой их неистовства. Безошибочно можно сказать, что большевизм существовал по милости старого режима. У мужика была земля, но русский рабочий не имел ничего. Ни один из тысячи человек не мог бы отличить одну букву азбуки от другой. Рабочий был в полном пренебрежении у государства. Во всем своде русских законов не было ни одного существенного закона, регулирующего условия труда или жизни рабочего. Его положение было и остается, несмотря на революцию, таким же бесправным и безнадежным. У него нет сил ни думать, ни действовать самостоятельно за себя самого, и вследствие этого он делается добычей любого бездельника, умеющего ловко связать дюжину слов. У них нет никаких рабочих союзов по той простой причине, что между ними нет ни одного достаточно интеллигентного человека, чтобы организовать их и управлять ими. Все так называемые представители труда, посещавшие время от времени Англию и претендовавшие на представительство русского рабочего, были большей частью обманщиками, игравшими в депутатов. Таких депутатов не может быть по самой сущности вещей, как это выясняется на основании фактов, изученных на месте. Низшие слои средних классов, в особенности же учителя по профессии, изобрели эту фикцию организованных русских рабочих для своих собственных целей.

Положение русского рабочего таково, что он может только заявлять свои жалобы через разных посредников. С тех пор здесь появилось несколько профессиональных союзов, члены которых за вознаграждение посещают рабочих в их домах и везде, где они собираются, записывают их жалобы и претензии. Но члены этих профессиональных союзов постоянно указывают рабочим, что регулирование таких незначительных вопросов, как заработная плата или число рабочих часов, является только тратой времени и сил; по их убеждению, настоящая цель состоит в сохранении тяжелых условий жизни рабочего, чтобы он возмутился, в одну ночь

разрушил капитализм и на следующее же утро достиг полного земного рая.

Бедный, невежественный, необразованный, заброшенный русский рабочий—превосходная и хорошо подготовленная почва для такого рода пропаганды. Он оказался опутанным по рукам и по ногам в сетях этих профессионалов, не принадлежащих к рабочему классу и только по теории знающих об его затруднениях. Когда эти профессионалы обманули, надули и покинули его, рабочий в бешенстве отчаяния решил уничтожить то, что называется образованием, и в уменье читать, писать увидел доказательство враждебного отношения к себе, на том же основании, как наши необразованные рабочие в первой половине XIX века уничтожали машины и другие прогрессивные новшества, назначения которых они не понимали. Было бы у нас меньше болтовни о революции, если бы наша публика могла только понять, что значит пережить ужасы, разрушившие Россию и ее народ более основательно, чем самое энергичное нашествие неприятеля [1]).

Мы остановились на станции вблизи каменноугольных копей, густо населенной китайскими рабочими - переселенцами [2]). Сняв большевистское знамя, мы настояли, чтобы был повешен русский флаг. Одна русская женщина стала уговаривать нас вернуться домой, говоря: «Хорошего ничего не выйдет; придется сложить вам здесь свои косточки». Но другая

---

[1]) Либеральное прекраснодушие типичного трэд-юниониста Уорда лучше всего сказывается в этой характеристике русского рабочего. Не зная ни слова по-русски, он получал всю «информацию» из тех офицерских кругов, с которыми сотрудничал по насаждению нового строя в Сибири, а последние не хотели, да и не могли, в атмосфере то скрытой, то явной гражданской войны, отзываться о рабочих сколько-нибудь объективно. С другой стороны, Уорд имеет в виду английского читателя, которого старается неоднократно предостеречь от увлечения революционными симпатиями к России. Не нужно забывать, что в это время в самой Англии проявились «некоторые тенденции к большевизму».

(Прим. перев.)

[2]) Станция Черемховская, Иркутской губ., большой поселок около 3 тысяч жителей.

(Прим. перев.)

баба благодарила нас за то, что мы пришли, и надеялась, что еще не поздно спасти страну, находившуюся при смерти.

В эту ночь мы проезжали станцию Зима, где нас вдруг остановили. Я послал адъютанта узнать о причине; он тотчас сообщил мне, что толпа солдат обступила паровоз и грозит убить машиниста, если он двинется с места. Я приказал бить тревогу, и в одну минуту 400 британских солдат высыпало на платформу. Заняв указанные места, они прикрепили к ружьям штыки и стали ожидать дальнейших приказаний. Так как мой вагон находился в хвосте поезда, я прошел вперед, чтобы узнать о причине нашей насильственной остановки, и как раз в это время в темноте увидел толпу вооруженных людей, поспешно покидающих станцию. Я занял станцию и телеграф и узнал затем от служащих, что в местечко пришли большевистские агенты, убедили рабочих прекратить работу, вооружиться, захватить линию для того, чтобы воспрепятствовать движению союзных эшелонов на запад, и ожидать подхода большевистских сил, отступивших от Байкала. Эти силы проложили путь вдоль монгольской границы и теперь нащупывали подход к линии, чтобы разрушить мост через реку Оку, в трех верстах от станции Зима. Я поставил кругом караулы, у железнодорожных мастерских, у депо паровозов, на путях, и, заметив, что большевики продолжают обмениваться с жителями телеграммами, захватил силой также помещение почты и телеграфа в местечке. Был издан приказ, чтобы население местечка поручилось друг за друга не мешать движению поездов и к 6 часам утра приступить к работе, иначе, указывалось, с ними будет поступлено по законам военного времени. Прошло два часа, в продолжение которых к станции подошли остальные мои поезда с пулеметной командой, так что я мог располагать на случай атаки всеми своими силами.

Войска окружили помещение, где жил предводитель движения, но оказалось, что птичка улетела. Тут я нашел некоторую большевистскую литературу, призывающую к истреблению буржуазии и интеллигенции[1]) (я забыл кого из них сначала), а также 3.600 рублей деньгами, которые я отдал

---

[1]) Курсив везде автора.

его жене, говоря: «Вот вам подарок от меня». Этот поступок не понравился начальнику местной жандармерии, который уверял меня, что эти деньги германские и должны быть конфискованы. Потом появился обычный учитель, спросив, может ли он поговорить с «английским полковником». Получив разрешение, он вошел и начал разговор. Он прежде всего наивно признался, что если бы он знал, что идет «английский» поезд, то разрешил бы пройти ему. Они прочли мой приказ относительно обязанности выйти на работу и хотели бы знать, что я собираюсь предпринять, если они не выполнят моего приказа. Я ответил, что, раз подняв оружие, они не могут ожидать никакой пощады, и если они не выполнят моего приказа, я расстреляю каждого пойманного зачинщика. Учитель осведомился, могу ли я позволить им собраться на совещание по их обычному сигналу на работы. Я согласился, если они придут без оружия. Скоро послышался ужасный вой огромной фабричной сирены. Была полночь, и воздух разрывался этим воющим звуком, который то рос, то умирал в рыданиях эхо. Каждый британец почувствовал это каким-то особенным образом; а мне этот вой сирены казался не чем иным, как могучим стоном несчастной нации. Полковник Франк, мой гид по России, философ и друг, оторвался от стола, за которым сидел, и начал в тоске шагать взад и вперед по вагону, восклицая под умирающие звуки: «Бедная Россия!»—и я чувствовал, что та же самая мысль мелькала и в моем мозгу.

Моей задачей было как можно скорее двинуться дальше, оставив за собой путь в безопасности. Небольшого отряда милиции было совершенно недостаточно, чтобы справиться с вооруженным населением; поэтому я приказал жителям выдать мне все оружие и дал на это двенадцать часов.

Наступило 6 ч. утра, и офицеры сообщили мне, что все люди встали на работу, исключая восьми, да и те пришли и стали просить извинения, которое им было охотно дано. Тогда я уведомил управление о своем намерении созвать митинг рабочих и выслушать их жалобы. Управление пробовало разубедить меня в моем намерении, но я приказал устроить митинг в их присутствии в помещении конторы к 10 ч. утра. К этому времени как раз работы кончились, и толпа запрудила указанное

место. По одному британскому солдату с заряженным ружьем встало по обе стороны от меня, когда я сел за стол, а, кроме того, в известных местах находились мои солдаты. Прежде всего я вызвал руководителей и начальников всех цехов и предупредил их, что раз я был принужден столкнуться с беспорядком, то намерен также уладить его, а потому если они вызовут недовольство рабочих благодаря строгим мерам или мстительным преследованиям, то с ними будет поступлено на основании военно-полевого суда, равно как с каждым рабочим, который начнет препятствовать правильной работе на линии. Это заявление произвело настоящее смятение среди рабочих. Затем я предложил людям заявлять свои жалобы. Первый же рабочий сказал, что у него нет никаких экономических претензий, но имеются политические: ему говорили, что союзники были контр-революционерами и как таковые должны быть уничтожены. Напротив, два или три протестовали против этого и сказали, что у них имеются экономические требования. Я хотел добиться от них указаний на низкую заработную плату, но они не согласились с этим, указывая, что их плата поднялась в пять раз сравнительно с 1917 годом.

Я пришел к заключению, что это скорее военное движение под влиянием большевистских вожаков, чем обыкновенная стачка, как мы понимаем это в Англии. Я решил, что вожаки движения подлежали общему военно-полевому суду. Комитет рабочих тогда заявил, что они вовсе не желают стать врагами английского народа, что если я прекращу дальнейшие репрессивные меры по отношению к ним, то они согласны продолжать работу до окончания войны. Они слышали о приближении к ним большевиков и знали, что подвергнутся преследованиям с их стороны, если будут помогать союзникам продвигаться к Уралу. Если я обеспечу для них защиту, они готовы подписать со мной соглашение, что никогда не будут бастовать до окончания войны в России. Я им поверил, и соглашение было подписано; но я настаивал на разоружении.

Как раз в этот вечер истекал срок сдачи оружия. Местная милиция сообщила нам, что некоторые добровольно сдали оружие, но еще много остается на руках.

На следующее утро подошел поезд с генералом Ноксом и его штабом. Я рассказал ему о происшедшем, и в ответ он мне сообщил об оскорблении, нанесенном ему японскими офицерами, несмотря на то, что британский флаг развевался на каждом вагоне его поезда.

Обитатели станции Зима уже готовились поздравить себя, что дешево отделались от «английского полковника», как вдруг они увидели, что местечко окружено пулеметами, готовыми начать стрелять при первом же волнении. После этого были обойдены кварталы города, дом за домом, пока груды набранного оружия не потребовали особого транспорта для их увоза.

Отголоски событий на ст. Зима разошлись вдоль и поперек и дали властям предметный урок, как ковать железо, пока горячо. Когда Керенский разрушил старую русскую армию, шестнадцать миллионов невежественных и необразованных солдат разошлись по домам, захватив оружие и амуницию. И в этом заключалась неразрешимая задача для всех попыток восстановить порядок в русских владениях. Миддльсекский полк первый рискнул на это в Зиме, и скоро последовали другие факты по проторенной дорожке. Мы перевооружили местную милицию, а остаток оружия захватили с собой в Омск, где оно было передано русским властям для новой русской армии. Кроме того, я телеграфировал в Иркутск, прося подкреплений для местной милиции, так как не думал, что она достаточно сильна, чтобы справиться в затруднительном положении. Иркутский комендант отвечал на это указанием, доказывавшим, что там не верили слухам о приближении большевиков; из опыта, полученного в России, я уже знал, что такой ответ просто свидетельствует о нежелании ослаблять свою собственную охрану.

В полночь я тронулся, наконец, в дальнейший путь. Около двух недель спустя я получил отчаянную телеграмму от начальника милиции на ст. Зима, взывающую о помощи; он оказался со всех сторон окруженным байкальскими большевиками, которые неожиданно появились. Я показал телеграмму в русской ставке в Омске, обратив внимание на свою телеграмму в Иркутск и на полученный отказ. Позже я получил рапорт от командующего русским отрядом, посланным для усмирения;

он сообщал, что большевистские вожаки вошли в Зиму, ожидая получить от населения материал и военную помощь. Население оказалось разоруженным и настроенным недружелюбно, так что они решили воздержаться от дальнейших выступлений против установленного порядка. Один из вожаков обрушился тогда местью на некоторых из своих неверных друзей, но был захвачен правительственными войсками, рассеявшими его силы.

Приближаясь к Красноярску, мы проезжали целыми милями мимо брошенного военного материала всякого рода: тут были и тракторы, и вагоны, и пушки разных систем и калибров; все это лежало в стороне, как ненужное, без всякой попытки исправить или воспользоваться им. Некоторые предметы не имели внешних дефектов, но продолжали лежать бесполезными и ненужными памятниками полного отсутствия какой бы то ни было организации в России.

Я нашел город в большом беспорядке и волнении, а так как необходимо было охранять большой мост (через Енисей), я согласился оставить здесь роту под командой капитана Истмана в превосходных казармах, приготовленных для моей части. Первоначально этот пункт предназначался местопребыванием для всего батальона, но в Омске происходили важные события. Наш верховный уполномоченный сэр Чарльз Элиот и глава британской военной миссии генерал Нокс уже прибыли туда и потребовали охраны, вследствие чего я был вызван с остальной частью моего батальона. Всего мы оставались в Красноярске два дня. Вечером на второй день состоялся обычный банкет в нашу честь, и о нем стоит сказать несколько слов по случаю происшедшего там инцидента, наделавшего не мало шума.

Гости состояли из большого числа офицеров и других должностных лиц в мундирах, гражданских представителей Городской Думы, местного Земства и других общественных организаций. Говорились обычные братские речи, провозглашались тосты, и не менее чем шесть ораторов пытались на перебой друг перед другом прочесть свои адреса. Против меня за столом сидело несколько человек штатских с мрачными, но возбужденными чертами лица; весь их внешний вид и угрюмые взгляды не подходили к атмосфере банкета и резко выделялись среди мундиров казачьих атаманов и русских генералов.

Они, казалось, не питали ни малейшего интереса ко всему происходившему, исключая нескольких моментов, когда им были переведены некоторые из моих слов. Социалисты-революционеры—представители города—выступили с такой бешеной тирадой, что мой офицер решился передать ее мне только частично, но и та часть, которую я узнал, свидетельствовала о глубоком разброде мнений среди моих русских хозяев.

Оркестр, составленный из немецких и австрийских военнопленных, в продолжение всего вечера занимал нас приятной музыкой, чередовавшейся с праздничным красноречием казаков и татар. Какой-то казачий офицер, выпив немного водки, встал и приказал оркестру что-то сыграть; но пленные успели взять только две-три ноты. Что было в этих нотах, одно небо знает. Но банкет в ту же минуту превратился в сцену невообразимого скандала. Татары и казаки радостно подпевали, старые русские офицеры приказали оркестру замолчать, тщетно стараясь установить тишину и порядок. Штатские с мрачными лицами, отбросив куда то броню непроницаемости, бросали проклятия и потрясали сжатыми кулаками, грозя своим военным соотечественникам. Потом они толпой разом бросились из помещения, со свистом и гвалтом. Все это было похоже на взрыв небольшого порохового погреба. Я не понимал происшедшего, но вполне осознал все значение только что происшедшей сцены, когда узнал, что ноты, оказавшие действие бомбы, принадлежали к мелодии «Боже, Царя храни». За несколько сот миль отсюда подвергся позорной смерти самодержец России, будучи сброшен в опустелую шахту недалеко от линии, разделяющей Европу от Азии [1]). Но и по смерти своей, как и при жизни, он не перестал быть предметом разделения и раздора среди своих подданных.

Наконец мы прибыли в Омск, цель нашего путешествия, сделав зигзагами путь длиною почти в полсвета. Несколько миль к Уралу, и снова Европа—так близко и однако так далеко!

---

[1]) В книге полковника Уорда помещены не особенно точные данные насчет событий, сопровождавших гибель бывшего царя. *(Прим. перев.)*

ОМСК.

18 октября мы прибыли в Омск, где нас ждал пышный прием. Станция была убрана флагами всех наций, причем в первый раз русский флаг занимал первое место. Нас встретил генерал Матковский со своим штабом, приветствуя от лица новой русской армии; тут же были Головачов, товарищ министра иностранных дел, представители городских властей и кооперативных обществ. Женщины поднесли нам хлеб и соль, и, вообще говоря, народ в Омске устроил нам настоящую русскую встречу. После церемонии солдаты были приглашены на чай в кадетский корпус, а русские офицеры устроили торжественный прием миддльсекских офицеров в офицерском клубе. Как водится, нас стали приглашать в каждый дом и скоро большинство из нас завязало длительные дружеские связи с этими очаровательными людьми. Их прием, без сомнения, был окрашен уверенностью в безопасности, которую доставляло присутствие хорошо дисциплинированных войск.

В день прибытия я воспользовался несколькими минутами для разговора с сэром Чарльзом Элиотом, нашим верховным уполномоченным, о политическом положении. От него и от его штаба я узнал, что делаются отчаянные попытки для соединения сил Директории Пяти, представлявшей собою Всероссийское Правительство, получившее свою власть от Учредительного Собрания в Уфе, — настроенной в духе социалистов-революционеров,—с Сибирским правительством, отпрыском Сибирской Областной Думы, собравшимся в Томске, сильно реакционным по духу, со слабой примесью социалистических

элементов [1]). Английский и французский представители естественно были озабочены тем, чтобы между обеими группами был заключен деловой компромисс и образован кабинет с преобладанием умеренного течения русской общественности. Такие весьма желательные попытки со стороны союзных «политиков» имели за собой симпатии всякого истинного друга России, но давать совет—это одно дело, а исполнить его — другое. Невозможно и ожидать, чтобы результаты сотен лет тирании и скверного управления могли быть сразу же устранены по мановению дипломатического жезла. Сибирское правительство состояло из людей «старого закала», революционеров и монархистов, и находило свою поддержку в желании народа избежать дальнейшего кровопролития; оно находилось под охраной казаков-монархистов, настолько же непризнающих никаких законов, насколько они храбры. Напротив, Уфимская Директория вела свою власть от умеренной партии социалистов-революционеров и состояла из «интеллигенции»—республиканцев, визионеров, непрактичных людей. Керенский является во всех отношениях лучшим экземпляром этого класса, многоречивого, но бесполезного, как только дело касается практической строительной работы. Эти люди обвиняли казаков за их безотчетную лояльность, а офицеров армии за все преступления, в которых виноваты цари, и в худшие дни Второй Революции они травили их, подобно крысам, в подвалах и на улицах. Офицеры и казаки в свою очередь проклинали Керенского и социалистов-революционеров за расстройство старой армии, за то, что именно они развели в стране анархию и большевизм.

Не может быть никаких сомнений, к кому надлежит отнести порицание. Керенский в глазах всех слоев русского общества является причиной всех бедствий. Они думают, правильно или

---

[1]) Ко времени, к которому относится рассказ Уорда (средина октября 1918 г.), уже был заключен компромисс между комитетом членов Учредительного Собрания, так называемым Самарским правительством, и правительством, вышедшим из недр Сибирской Областной Думы, на Уфимском Государственном Совещании 5—23 сентября 1918 г. Подробнее об этом—в воспоминаниях В. Л. Утгофа: «Уфимское Государственное Совещание 1918 г.», «Былое», 1921 г., № 16, стр. 15—21.

(Прим. перев.).

нет,—другое дело, что в высший момент, когда судьбы нации и страны были вверены ему, он изменил общественному доверию; что если бы он обладал десятою частью смелости Ленина или Троцкого, миллионы русского народа были бы избавлены от положения худшего, чем смерть.

Соединить эти враждебные и противоположные элементы в единую партию для воскрешения России казалось мне невозможным, также как и другому британцу, Дэвиду Фрезеру, пекинскому корреспонденту «Таймса». Но «политики» думали иначе. Что они руководились при этом высокими мотивами и что они искренно старались ради русского народа, никто не может их заподозреть, имея хоть малейшее представление о высоких личных достоинствах наших представителей; но, к сожалению, они старались выполнить недостижимое.

Наконец, под влиянием большевистских пушек, грохочущих на Урале, и монархистских заговоров в Чите, был составлен список с несколькими именами на нем, имевший видимость делового соглашения между двумя противоположными группами.

Пишу я это спустя три недели после событий и мог бы позднее изменить свои взгляды, но никогда в своей жизни я не мог понять удовлетворения наших «политиков» от своей работы. В один прекрасный день им все равно пришлось «сложить оружие» и покинуть сцену своих триумфов, как будто несколько имен на клочке бумаги могли решить всю совокупность проблем о будущности России. Но было бы очень интересно узнать характер их донесений соответствующим правительствам. Одному обстоятельству, впрочем, суждено было иметь крупные последствия в будущем. Вице-адмирал Колчак был введен в новый совет министров с титулом военного министра. Я никогда раньше не встречался с этим офицером, ничего не знал о нем, ни об его репутации и взглянул на него, как на добавочную единицу в одержавшей верх комбинации. Мы много говорили с Фрезером обо всех этих событиях, но ничего реального, кроме опасности, не могли уловить в положении.

6 ноября мы все были приглашены на банкет в честь нового Всероссийского правительства. Это должно было быть вершиной всех наших усилий и осязаемой очевидностью счастливого выполнения великой дипломатической задачи. Я немного опоздал

и комнаты были уже наполнены военными и дипломатами в великолепных мундирах, сверкавших оружием и орденами.

С величайшим интересом я наблюдал за этой особенной, торжественно настроенной толпой, и, исключая одной фигуры,—что-то мрачное и угрюмое, среднее между методистским священником или плимутским монахом, — я был поражен глубоким безличием собравшейся публики. Персона со священническою наружностью оказалась социалистом-революционером Вологодским, главой Сибирского Совета, перенесшего теперь свои симпатии с Сибири на всю Россию. В то время, когда мой адъютант повторял имена присутствующих, проворная, маленькая, энергичная фигура вошла в комнату. Орлиными глазами он вмиг окинул всю сцену. Другие офицеры грациозно кланялись своим друзьям и галантно целовали руки дам в то время, как кругом шумел разговор.

Новый председатель совета министров Авксентьев председательствовал на банкете, и когда уселись, я оказался в конце главного стола, откуда мне было удобно наблюдать за незнакомцем, которого я видел в вестибюле, так как он сидел вторым вокруг угла. Обед был хорош, водка разливала приятную теплоту по телу и представляла очень приятный контраст с 60-тиградусным морозом за окнами. Авксентьев говорил речь. Моя мысль перенесла меня сразу в уголок Гайд-Парка. Оратор говорил с нарочитой искренностью, разрубая воздух своими руками на подобие того, как казаки снимают головы шашкой. Он опускал свой голос и начинал шипеть сиплым шопотом, указывая на потолок драматически-вытянутым указательным пальцем. Другими словами, это был великолепный актер, слушать которого можно было с удовольствием, второе издание его более знаменитого коллеги, ничтожного Керенского. Меньше всего я думал, что через несколько дней мне придется спасать жизнь этого человека, а Миддльсекскому полку сохранить его от вечности.

Затем последовала речь генерала Нокса, главы британской военной миссии; обращаясь ко всем классам русского общества, он умолял соединить усилия для установления армии и правительства, способного поддержать законность и порядок; речь, дышавшая патриотизмом и сказанная весьма кстати. Потом

говорил генерал Болдырев, главнокомандующий новой русской армией и военный член Уфимской Директории [1]). У него был вид грузного, бравого и глупого русского офицера; он не особенно мозговат; хитер, но не ловок. Впрочем, я мог поверить ему больше чем обычно-честному человеку. Последним говорил адмирал Колчак, высказавший несколько коротких сентенций. Его слова были покрыты очень немногочисленными возгласами одобрения. Он казался более одиноким, чем всегда, но представлял собою личность, которая возвышалась над всем собранием. Происходил обычный обмен меню и их подписывание. Свое я послал непосредственно адмиралу на подпись, и когда он автоматически хотел передать ее генералу Болдыреву, я сказал: «в чистом виде», и меню вернулось ко мне с единственной подписью этого единственного человека. Теперь я был вполне удовлетворен, что новое русское правительство было комбинацией, которая не имела устойчивости, и принял строжайшие меры, чтобы моя часть не была увлечена при его неожиданном падении. Впрочем, мне удалось на этом торжественном банкете сделать важное открытие, что Россия еще обладает одним человеком, который способен спасти ее от анархии.

Дела в Омске пошли обычным порядком и омское общество начало перешептываться более, чем обычно. Одна клика натыкалась на другую, конспираторы взаимно подсиживали друг друга, в то время как в воздухе чувствовалась какая-то особенная напряженность.

Во время переговоров, связанных с образованием нового правительства, встретилась помеха, которая одно время угрожала разрушить весь проект. Генерал Болдырев в политике был известен как социалист-революционер. Через него последние имели полное наблюдение за новой армией. Авксентьев и К°, стремясь провести контроль социал-революционной партии над всеми силами нового правительства, потребовали, чтобы социалисты-революционеры наблюдали также за вновь организован-

---

[1]) В. Г. Болдырев—член союза «Освобождения России». Принимал участие в Уфимском Государственном Совещании в сентябре 1918 г. и вошел в состав Директории, образовавшей временное Всероссийское правительство; Уорд неправильно считает его социалистом-революционером.

(Прим. перев.)

ной милицией, которая должна была представлять собою что-то вроде военной полиции при новом режиме. Это было отвергнуто умеренными членами обеих групп, как мера, которая отдаст всю власть в руки одной группы. В добавление к этому, самое намерение внушило умеренным подозрение относительно употребления, для которого предназначена эта сила. Однако присутствие союзников и решение образовать что-то вроде управления превозмогло подозрения, и умеренные уступили, оставив обе силы под командой группы социалистов-революционеров.

Союзники двинули вперед военные запасы, предназначенные для новых армий, сражающихся с террористами вдоль уральского фронта, но скоро стало известно, что вооружение не дошло до своего прямого назначения. Линия фронта оказалась без оружия и снаряжения, в которых ощущалась огромнейшая нужда, а милиция в тылу, под наблюдением социалистов-революционеров, была укомплектована в полки и снабжена всем необходимым. Призывы с фронта к генералу Болдыреву, социал-революционному главнокомандующему, не достигали цели, и дела приняли серьезный оборот. Адмирал Колчак, как военный министр, представлял требования генералу Болдыреву, подкрепляя их самым определенным образом. Болдырев много распространялся на этот счет, заявляя, что требования с фронта фиктивны. После одного из таких споров он известил адмирала, что это вовсе не его дело, добавив, что группа социалистов-революционеров была принуждена одной союзной державой включить адмирала в состав правительства, что они согласились на это только для того, чтобы обеспечить за собой признание союзников и их помощь, и что он останется членом правительства, поскольку не будет вмешиваться в дела, от которых он нарочито отстранен решением Директории. Адмирал Колчак в ответ на это пытался добиться отставки, но в конце концов согласился взять ее обратно для того, чтобы сохранить видимость гармонии перед союзными державами. Он, однако, настоял на необходимости личного осмотра фронта, на которое и дали ему позволение как для того, чтобы удалить его из Омска, так и для исполнения его прямых обязанностей министра.

ВДОЛЬ УРАЛА.

4 ноября я получил телеграмму от Престона, британского консула в Екатеринбурге, с просьбой командировать туда отряд к 9 ноября для празднования начала чешской национальной жизни и для участия в церемонии пожалования знамен четырем батальонам чешской национальной армии. Я посоветовался с генералом Ноксом, который получил подобное же предложение от генерала Гайды, командующего войсками в Екатеринбурге; отряд должен был также посетить различные части уральского фронта для моральной поддержки, утомленных войною ветеранов наших союзников. Было решено, что я для этой цели возьму с собой хор музыкантов и сотню отборных людей для эскорта. Как русские, так и чехи давно с нетерпением ожидали обещанную помощь Англии и появление на сцене первого одетого в хаки солдата.

Все приготовления для моего путешествия были сделаны, и я назначил день отъезда из Омска на пятницу в 3 ч. пополудни. Рано утром в пятницу меня известили, что военный министр адмирал Колчак, отправляясь также на чешскую церемонию, в виду редких поездов, просит, не позволю ли я прицепить его вагон к моему составу. Я охотно согласился.

Ни один русский чиновник не подумает сделать что-нибудь прямо, если существует какой нибудь извилистый путь, который приведет его к цели. Так было и тут. Полковник Франк телеграфировал от моего имени всем станционным комендантам по линии, приказывая им под страхом высшего наказания очистить соответствующие участки пути и на всех остановках держать наготове специальные паровозы, чтобы брать поезд адмирала в момент подхода его к станции. Подкупив старого русского про-

водника, мы добыли русский флаг, прикрепив его к вагону адмирала; мы сделались, таким образом, первым русским поездом, который осмеливался носить русский флаг втечение почти года. У нас было также два английских флажка, так что русские чиновники стали подозревать, что тут во всяком случае была комбинация цветов, заслуживающая величайшего уважения.

В результате, отправившись почти на сутки позднее назначенного срока, мы прибыли к месту назначения за час раньше. Нас ожидал почетный караул и завтрак более или менее разнообразного характера. Затем подношение хлеба-соли на изящном деревянном блюде, на котором руками дам был изображен древний монастырь, под стенами которого и должна была происходить церемония. Проходили мы мимо здания, в котором был заключен царь Николай II со своей семьей и откуда они были выведены на смерть. Мне не хотелось верить рассказам о несказанных ужасах, которым подверглись женщины царской семьи, но об этом говорили категорически. Лучше всего не верить ничему, о чем слышишь в России, и даже то, что видишь, в действительности не всегда таково, каким оно кажется.

По дороге мы приветствовали флаг на консульстве, где наш добрый товарищ и приятель-земляк, консул Престон, давал уют и бодрость как человеку, так и животному. Вдруг мы повернули направо и вошли в квадратный сквер, уже окруженный со всех сторон чешскими войсками, пехотой, артиллерией и кавалерией. Было действительно грандиозное зрелище. В высоком углу сквера была устроена платформа, справа от которой нам отвели почетные места; по какой-то странной причине, которую я не мог понять, потребовали исполнения британского национального гимна, во время которого вся чешская армия взяла «на-караул», так как вошел генерал Гайда и его штаб со знаменами. Я чувствовал, что мы присутствуем на празднике рождения новой нации. Сцена носила отпечаток особой торжественности. Одной из частей был мой старый Уссурийский батальон, и мой старый кум, капитан (теперь полковник) Стефан, был теперь самым гордым человеком, когда он нес полученное из рук священника только-что освященное знамя своей страны.

Тогда же я был представлен молодому блестящему чешскому офицеру, генералу Гайда, который благодаря своей отваге

сыграл такую важную роль, пробивая для своей армии путь с запада на восток. Затем был обычный банкет, на котором адмирал Колчак произнес свою первую значительную речь со времени назначения своего на пост военного министра. Со своей стороны, я выразил удовольствие моей страны по поводу рождения новой нации и возрождения свободы среди угнетенных народов мира. Я выразил также удовольствие, что первым делом нового русского военного министра было посещение фронта и личное ознакомление с условиями русского солдата, который так доблестно сражается для защиты народа и государства от насилия и анархии.

После церемонии мы тотчас же направились на кунгурский фронт и раннее утро застало нас скользившими вниз с европейского склона Урала. Огромные леса, отягощенные снегом, покрывали склоны гор, а температура стояла совершенно немыслимая для военных операций британской армии. Около 11 ч. утра мы прибыли в главную квартиру армии, находившейся под командой генерала князя Голицына. Мы долго беседовали, а затем завтракали за офицерским артельным столом, который помещался на восьмиколесном американском тракторе. Случайная бомба разорвалась сначала справа, а затем слева, но ни одна не подлетела ближе, и около 2 ч. пополудни огонь замер совершенно. Решено было отправиться на передовой пост и захватить с собой оркестр, чтобы дать возможность как друзьям, так и врагам насладиться британской музыкой. Мы достигли крайнего пункта, вблизи которого железнодорожная выемка давала великолепное прикрытие для оркестра, в то время как адмиральский штаб и моя охрана из Миддльсексов отправилась вперед взглянуть на неприятеля. Оркестр сыграл «Colonel Bogey», потом еще что-то, чего я не могу припомнить; в то время как мы ощупью пробирались среди пулеметных гнезд, окопов, оркестр позади начал «Типперари». Это как-раз нарушило терпение большевиков. Знаменитая военная мелодия ударила по нервам их артиллеристов и они начали обстреливать песенку из всех своих сил. Не нужно и говорить, что ни один снаряд не достиг своей цели; они визжали над нашими головами и разрывались среди леса. Это показывает крайний недостаток культуры среди большевистских офицеров, не сумевших оценить хорошей музыки, после того как мы потратили столько стараний поместить

ее так, чтобы они слышали. Оркестр кончил и бомбардировка прекратилась.

Генерал князь Голицын представляет собою прекрасный тип офицера старого порядка; аристократ до кончика ногтей, но превосходный руководитель солдат, рожденный для команды. Можно думать, что в его наружности сильная струя татарской крови, но вообще он из того сорта людей, с которыми предпочитаешь встречаться скорее друзьями, чем врагами. Мы обсуждали возможность наступления в направлении на Пермь, двинувшись откуда, я намекал юмористически, мы могли бы освободить войска генерала Пуля, который забрался на свои зимние квартиры где-то около Архангельска. Отсюда мы вернулись в Екатеринбург и не останавливаясь проследовали на лысьвенский фронт к генералу Пепеляеву.

Мы прибыли на лысьвенский фронт около 10 ч. утра на следующий день, но не видели неприятеля и не слышали его пушек. Эта армия принуждена была отступить приблизительно верст на 60 в тот самый день, когда мы обсуждали возможность наступления на ст. Пермь, и ее настоящая позиция была еще не обеспечена. Пепеляев—молодой генерал, не более 30-ти лет, но выглядит настоящим старым солдатом. Мундир его так же грязен и заношен, хотя и не в таких лохмотьях, как у большинства его солдат. Он в полной уверенности, что сможет разбить врага, если его люди будут снабжены оружием и амуницией, которых многие не имеют. Половина его солдат ждет ружей от своих товарищей, которые могут быть убиты или замерзнут в снегу. Разговоры были совершенно деловые, а присутствие адмирала Колчака как бы гальванизировало армию, придав ей жизнь и энергию. Русский солдат, сапоги у которого давно проносились и ноги которого обмотаны тряпками для защиты от снега, сразу ощутил уверенность, что и сапоги и платье скоро последуют за визитом военного министра. Пепеляев зашел ко мне в вагон, чтобы посетить генерала Гайду, а адмирал уплетал британский солдатский рацион, пока мы обсуждали разные вопросы, включая сюда предполагаемое наступление и необходимые меры, чтобы оно вылилось в победу.

Мы должны были отправиться на крайний правый участок, где на фланге оперировал генерал Вержбицкий, но адмирал

заявил, что положение солдат настолько тяжело, что его непосредственным делом явится организация тыла и обеспечение мер, благодаря которым солдат на фронте сможет исполнять свой долг. Мы присутствовали при церемонии пожалования знамени II-му Сибирскому стрелковому полку,—красивое зрелище, значение которого увеличивалось еще тем, что три офицера полка освободили эти знамена от революционеров-большевиков, целые месяца пробираясь через большевистские линии в виде разнощиков или крестьян, пока не пронесли их благополучно для нового полка.

Адмиралу было необходимо повидать генерала Сырового [1]) и Дидерихса с их штабами в Челябинске, а также осмотреть уфимский фронт. Пропутешествовав всю ночь, мы на следующее утро прибыли в Челябинск, где после формального осмотра войск засели за завтрак. Я не помню дня, но вдруг ко мне влетает, нарушая всякий этикет, мой старый приятель, полковник Пишон, и сообщает мне условия перемирия между Германией и Антантой; с собой он захватил бутылку шампанского, припасенную на этот случай. Мы поклялись всеми небесными и подземными силами, что мы были величайшими народами, которые когда-либо существовали во все времена и намеревались остаться таковыми и впредь.

После завтрака я оставил адмирала у генералов и отправился немного побродить по этому разбросанному, покрытому снегом городу, будучи твердо уверен, что отсюда мы едем на уфимский фронт. В 5 ч. пополудни меня уведомили, что совещания окончены и что есть неотложные причины для нашего непосредственного возвращения в Омск. Я ничего не ответил на это, так как со своей стороны более не нуждался в осмотре армии, скверно питающейся, плохо одетой, но продолжающей борьбу за спасение государства при этих невыносимых условиях. Мы отправились в обратный путь и около 11 ч. утра на следующий день прибыли в Петропавловск. Здесь станционный комендант уведомил нас, что генерал Болдырев хотел, чтобы мы дождались

---

[1]) Генерал Сыровой, главнокомандующий чешскими армиями.

(Прим. перев.)

его поезда, так как ему очень важно переговорить с военным министром. Это было первое сообщение о том, что генерал Болдырев покинул Омск и находится на пути для посещения уфимского фронта. Адмирал пригласил меня в свой вагон, обрисовал критическое положение в Омске, но не мог понять внезапного решения главнокомандующего покинуть Омск и искать с ним встречи в пути. У меня были подозрения, что обе правительственные группы схватились друг с другом и что одна решила покончить с другой; что адмирал Колчак должен будет определить свои отношения к этим группам и что, быть может, его жизнь, а также жизнь его британского эскорта будет зависеть от его ответа. Болдырев и Омск не знали ничего о наличии британского эскорта или об его численности, и если им было известно наше совместное появление на торжествах в Екатеринбурге, то не существовало никакого предварительного решения о том, что мы будем сопровождать адмирала в Челябинск. Это было решено только накануне. Во время революции вы никогда не можете чувствовать себя в полной безопасности, и поэтому я приказал своим людям зарядить ружья и быть готовыми к действию каждую минуту, если это окажется необходимым. Отданы были также приказы патрулю на платформе не позволять публике, ни военной, ни гражданской, собираться около поездов; двум солдатам, приставленным к адмиралу, было приказано ни в коем случае не выпускать его из виду, сопровождая его и давая мне об этом знать. Двое солдат стали охраной у вагона генерала Болдырева. Увидев лица спутников генерала, я понял, что мои приготовления были более, чем необходимы. Когда поезд генерала вошел на станцию и адмирал Колчак вошел в вагон Болдырева, было ровно полдень 16 ноября 1918 г. Я попросил моего слугу, Мурмана, «зафиксировать» два поезда, так как чувствовал, что это свидание полно крупных событий для России. Во время фотографирования какой-то рабочий, возвратившийся эмигрант, заговорил с Мурманом на хорошем английском языке. Он спросил, кто все эти офицеры и о чем все они говорят, и когда мой слуга ответил ему, что он не знает, эмигрант сказал: «Все это, конечно, хорошо, если только они не собираются восстановить старого режима; но если таковы их намерения, я могу сказать им, что Россия никогда не согласится снова жить при старом режиме».

Я подумал и думаю теперь, что в словах этого рабочего мне слышался подлинный голос России. Переговоры между адмиралом и генералом прервались в 5 ч. вечера; таким образом, они продолжались пять часов.

Адмирал был голоден и зашел ко мне что-нибудь перекусить; его прислуга ничего не приготовила, так как по русскому обычаю никогда не начинают готовить раньше, чем вы хотите есть. После обеда мы заговорили, и по разговору я мог определить характер вопросов, обсуждавшихся на совещании с Главнокомандующим. Адмирал спросил меня, является ли в Англии военный министр ответственным за снабжение армии одеждой, экипировкой и за общее положение британской армии. Я ответил, что в Англии военный министр несет ответственность перед кабинетом, а через парламент перед страной за снабжение британской армии всем необходимым. Он ответил: «Что подумали бы вы в Англии, если бы Главнокомандующий сказал военному министру, что все эти вещи вовсе его не касаются, что он может иметь при себе небольшое управление из двух чиновников, а не штаб; что Директория (а в вашем случае Кабинет) нуждается только в титуле военного министра и что чем меньше он будет вмешиваться в дела своего департамента, тем будет лучше для всего остального». Я отвечал: «Если бы я был министром, я потребовал бы абсолютного контроля над всеми делами моего ведомства или же отказался бы». Помолчав минутку, он сказал: «Это как раз то, что я сделал» или «то, что я намерен сделать»—я не помню точно. Из того, что потом произошло, я думаю, что он сказал первое, так как на мой вопрос, что же генерал Болдырев сказал ему в ответ на его просьбу, он продолжал: «Генерал Болдырев очень хороший человек и хотя он и не видит всего, что я хотел бы, все же я думаю, он понимает обстановку и сам будет просить, чтобы мне была предоставлена бóльшая власть, которая дала бы мне возможность спасти новую армию, могущую воскресить русское государство». Я очень хорошо помню слово «воскресить», так оно запечатлелось во мне своей правдой. Государство было *мертво*, России не было; воскресение было необходимо.

Мы прибыли в Омск на городскую станцию в 5 ч. 30 м. вечера, 17 ноября 1918 г. Адмирал поблагодарил меня за мою помощь,

мою охрану, мою благосклонность и защиту, которую я оказал ему. Я обещал ему и впредь свою помощь и симпатию в его патриотической попытке оживить дух его народа. Он прямо отправился на свою квартиру, где и оставался.

Корреспондент «Таймса» в своей депеше указывал, что Колчак уже знал о том, что должно было произойти в эту ночь в Омске. Я не думаю, чтобы это было так. Он мог лишь догадываться, что нечто очень неприятное носится в воздухе—даже наименее проницательные люди из тех, кто был вне сцены, знали это; но как все должно было произойти, откуда исходили директивы, на кого должно было все обрушиться, было секретом, который знали только немногие, и я убежден, что адмирал не был в их числе, если только не играл второстепенной роли. Полковник (теперь генерал) Лебедев мог бы рассказать всю эту историю, хотя его имя даже не упоминалось во время coup d'état. Молодой и симпатичный казачий офицер, он находился в штабе Корнилова, когда Керенский пригласил этого великого казачьего генерала двинуть свою армию на Петроград для спасения только что избранного Учредительного Собрания. Хорошо известно, как Корнилов повиновался приказу Керенского, как последний изменнически отвернулся от него и разбил единственную силу, которая была двинута по его же собственному требованию и могла спасти Россию. Напротив, Корнилов оказался жертвой, которую и обвинили в этом акте разрушения. Лебедев ускользнул, но можно быть уверенным, что он сохранил продолжительную ненависть к социалистам - революционерам, которые обманули его великого вождя.

Сотоварищи Керенского, а в некоторых случаях и настоящие изменники, нашли убежище в Директории Пяти и в Совете Министров и продолжали вести ту же двойную игру, которая принесла гибель первому Учредительному Собранию. Они принадлежали к той же самой ничтожной толпе бесполезных шарлатанов, которые своей трусостью сделали свою страну притчей во языцех и допустили заключение Брест-Литовского мира. Я был в состоянии судить об этом. Я был уверен, что этот молодой человек был из тех, кто может позволить отде-

латься от своего начальства, оказавшись при этом недостижимым для наказания [1]).

Он пробрался в Южную Россию, присоединился к Деникину и участвовал в его первом походе против большевиков. Посланный Деникиным с депешами в Омск, он стал центром группы отчаянных людей, которым недоставало холодного рассудка, чтобы сделаться страшными. Положение в Омске в это время было просто неописуемое. Каждую ночь, как только темнело, начинали раздаваться ружейные и револьверные выстрелы, крики по всем направлениям. На утро санитарные двуколки поднимали от пяти до двадцати мертвых офицеров. Не было ни полиции, ни судов, ни закона, ни чего-нибудь подобного. В отчаянии офицеры группировались вместе и без разбора мстили населению, которое считали ответственным за убийство своих сотоварищей. Таким образом изрядная пропорция гражданских трупов была смешана с теми, кто носил мундир; что в этом отношении офицеры действовали верно, доказывается тем, что эти ночные убийства скоро сделались редкими, а потом и совсем прекратились.

Такова была кровавая сцена, на которую мы были заброшены, и таковы были условия, ставшие совершенно ненормальными в столице под управлением пятичленной Директории. Члены ее были самыми отчаянными банкротами, которых когда-либо производила Россия, и народ ждал с нетерпением и надеждой их скорого удаления. Я нисколько не удивился, когда на следующее утро мой адъютант, полковник Франк, в страшном возбуждении и волнении вернулся из русской главной квартиры, говоря мне, что, повидимому, Россия осу-

---

[1]) Характеризуя личность ген. Лебедева, Уорд обнаруживает очень неточное представление о событиях, предшествовавших падению Временного Правительства Керенского. Так Учредительное Собрание кажется ему существующим еще в августе 1917 г., когда состоялось выступление ген. Корнилова. Самое это выступление представляется ему направленным на защиту Учредительного Собрания. Уорд повторяет здесь версию офицерских кружков, защищавших позицию ген. Корнилова. Противоположная точка зрения высказана у Керенского в *«Деле Корнилова»* и в *«Воспоминаниях»* В. Б. Станкевича, разобранных мною на страницах «книги третьей» журнала «Дела и Дни». Все это *дело* ждет еще своего беспристрастного исследователя.

(Прим. перев.)

ждена на вечную смуту. Я спросил, почему? Он отвечал, что в эту ночь несколько негодяев арестовали членов Директории и правительства из социалистов-революционеров, что в главной квартире никто не знает лица, кто мог бы стать во главе правительства в стране, и что для него нет никаких сомнений в том, что члены бывшего правительства уже убиты [1]). Я принял необходимые меры для безопасности моей команды и начал ожидать развития событий. Я узнал, что телеграф на восток прерван и что coup d'état уже в стадии завершения.

[1]) Этот торопливый рассказ о случившемся со слов полк. Франка во многих чертах разнится от последующих реляций Уорда. Франк в данном месте передает настроение правительственных кругов под первым впечатлением совершившегося переворота, произведенного тайной офицерской организацией. Правительство Директории из партии Петра Вологодского хорошо знало как о готовящемся перевороте, так и о его ближайших исполнителях; и тем не менее оно в первую минуту не было в курсе всех деталей ареста министров-эсеров. Последнее сказывается в первом «*Правительственном сообщении*», помеченном 20 ноября, которое и было сообщено полк. Франку, прикомандированному к Уорду. В нем мы читаем:

«Утром 18 ноября к председателю Совета Министров поступило сообщение о том, что минувшей ночью в квартирах членов Временного Всероссийского Правительства Авксентьева и Зензинова и товарища министра внутренних дел Роговского произведен был обыск людьми, одетыми в военную форму, и после обыска указанные лица были арестованы и увезены, при чем местопребывание их Председателю Совета Министров установить не удалось». Далее в «Сообщении» говорится, что Совет Министров, осуждая самоуправные аресты, постановляет «безотлагательно назначить под личным наблюдением министра юстиции расследование событий, имевших место в ночь на 18 ноября, поручив вместе с тем министрам юстиции и военному принять решительные меры к обнаружению местонахождения незаконно лишенных свободы членов правительства и к обеспечению личности их от всяких насилий. После сего Совет Министров занялся обсуждением вопроса о возможности дальнейшей деятельности Вр. Всероссийского Правительства» . . . Если сопоставить этот *дипломатичный* документ с только что приведенными словами полк. Франка, мы получим ясное представление, откуда последний заимствовал свой рассказ.

(Прим. перев.)

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОМСКЕ.

В 11 ч. утра 18 ноября я был официально уведомлен, что в 9 ч. утра собрался Совет Министров и продолжает свое заседание, имея целью рассмотреть положение, созданное арестом Директории; что он уже просил адмирала Колчака принять верховную власть, но тот отказался; что министры питают надежду, что ради спасения России можно будет убедить адмирала принять на себя бремя правительства, так как это является единственным средством вывести страну из ее отчаянного положения. Разнообразнейшие слухи ходили по городу: что мой вагон будет обстрелян бомбами, что британцы будут принуждены сражаться для спасения своей жизни. Я говорил моим осведомителям, что им нет нужды заботиться о нас, что мы в состоянии сами сделать это. Но они не могли понять нашего равнодушия. Действительно, ни один солдат и ни один офицер из моего батальона даже и не чуяли того, что происходит. Тогда мелодия изменилась: меня стали спрашивать, буду ли я защищать министров, находящихся на заседании, если на них нападут? Мой ответ был, что всякий политический беглец, ищущий убежища в моих рядах, найдет защиту, но он должен при этом оставить всякую мысль о дальнейшем участии в русских делах. «Но что вы будете делать, если восстанут русские войска и попытаются убить тех, кто скрывается у вас. Выдадите вы их?»—«Никогда».—«А что, если этого потребуют командиры чешских войск?»—«Тем более никогда, не говоря уже о том, что чехи настолько порядочны, что никогда не потребуют того, что не может выполнить ни один солдат».—Последний вопрос был самым главным из всех, и тут без сомнения заключалось зерно всех остальных вопросов, которые были простыми камуфлетами.

Чехи только-что отпраздновали начало своего национального республиканского правительства и были естественно охвачены обычными делами в духе «свободы, равенства и братства»; поэтому нельзя было ожидать, чтобы они отнеслись с равнодушием к установлению диктатуры, и с этой стороны можно было ожидать серьезного недоверия. Враждебная позиция, с которой встретила русская фракция Чешского национального совета в Екатеринбурге и Челябинске принятие Колчаком верховной власти, является лучшим доказательством опасности, которая могла распространиться с этой стороны.

Ни Совет Министров, ни сам Колчак не могли принять окончательного решения, пока у них не было полного представления о позиции Британии в этом вопросе. Позиция чешских войск в Омске сделала невозможным для них приближение к месту, где заседали министры, без того, чтобы не наткнуться на британцев, а мои пулеметы командовали над каждой улицей, которая вела к помещению русской главной квартиры.

Дела были в таком состоянии напряжения, что я для безопасности своей команды уведомил как русских, так и чешских властей, что не позволю группам войск или каким-либо гражданам приближаться или собираться вблизи моего расположения; что всякое такое сборище или попытка приблизиться будут сочтены враждебным актом и на него будет отвечено соответствующим образом. А что все эти распоряжения дали министрам больше уверенности продолжать их политику, в этом не может быть никакого сомнения. Это было одним из неизбежных следствий наших приготовлений к самозащите и не имело характера влияния на их решения, которые всецело принадлежали им одним; но это придало устойчивость всей обстановке.

Я отмечаю все эти факты с той целью, чтобы все те, кто является заинтересованным, могли указать их настоящее значение и важность. Позже уже я узнал, что немало высокопоставленных дам сделали все приготовления для скорейшего спасения в Миддльсекских казармах.

Около 2 ч. 30 м. пополудни 18 ноября меня известили, что адмирал Колчак принял неограниченную власть с титулом «верховного правителя», с советом министров, который будет ответственным перед ним за ближайшее осуществление его обя-

занностей; что он предполагает вечером зайти для представления к французскому представителю М. Рено, что потом он собирается посетить меня, как старшего британского офицера в Омске и в этом случае ответит на вопросы, которые я предложу ему. Он действительно зашел ко мне, и будет хорошо поместить здесь отчет, написанный мною относительно происходивших тогда дел.

От полковника Джона Уорда, члена парламента. Омск. Сибирь.

Через британскую военную миссию во Владивостоке.

Сэр! Из государственных соображений я считаю необходимым дать вам нижеследующую информацию, которая может быть отправлена соответствующим властям на родину.

Около 2 ч. 30 м. пополудни 18 ноября 1918 г. мой адъютант (русской армии полковник Франк) известил меня, что на заседании Совета Министров, только что состоявшемся, Совет предложил передать верховную власть в руки адмирала Александра Колчака. Адмирал сначала отказывался принять ее, но к нему было применено такое сильное давление, чтобы принудить его принять власть, что он, наконец, окончательно согласился.

Адмирал Колчак принял титул «верховного правителя России» и зашел вечером к французскому посланнику, после чего зашел также и ко мне, как старшему британскому офицеру, занимающему официальное положение в Омске.

Около 9 ч. пополудни адмирал Колчак зашел в мою главную квартиру. Следующие джентльмены присутствовали при его приеме: полковник Нельсон, капитан Стефан, полковник Франк (русской армии) и М. Фрезер (корреспондент «Таймса»). Он был в полной форме русского адмирала.

Адмирал, который говорит превосходно по-английски, уведомил меня об обстоятельствах и причинах принятия им верховной власти над всей Россией.

Была сделана попытка соединить все партии в правительство, которое могло бы умиротворить страну, так, чтобы народ оказался в состоянии решить вопрос о будущей форме правления России. Совет, избранный Уфимским собранием, пытался работать в этом направлении, но потерпел неудачу. Окончательное

падение его было вызвано воззванием, выпущенным Центральным Комитетом партии социалистов-революционеров, которая намеревалась насадить в новой армии те же самые условия, что разложили старую армию. Воззвание было подписано председателем социал-революционеров Черновым; когда было предложено начать дело против тех, которые стремятся разрушить в армии дисциплину, два социалиста-революционера члены Совета Авксентьев и Зензинов, отказались видеть что-нибудь вредное в разрушительной прокламации Чернова. Позднее выяснилось, что оба они состоят членами Центрального Комитета партии социалистов-революционеров, который выпустил вышеуказанный документ, и отказались как покинуть социал-революционный комитет, так и отвергнуть пропаганду своих друзей, направленную против дисциплины [1]).

Это привело новое правительство к состоянию застоя и поставило лицом к лицу с анархией. Совет Министров не нашел другой альтернативы, как распустить старую Директорию Пяти и сосредоточить верховную власть в одной личности, перед которой Совет Министров будет ответственным за управление отдельными департаментами.

Я отвечал, что эти доводы, в связи с моим личным знакомством с делами, повидимому, оправдывают происшедшее, но что я слышал также и об аресте социалистов-революционеров, членов Директории; если допустить также их убийство, то это придает всему делу характер попытки со стороны части старых армейских офицеров ниспровергнуть существующие учреждения для возвращения к старому порядку вещей. И прибавил далее, что если английский народ будет думать, что такова политика адмирала и его друзей, то они лишатся дружеской симпатии не только со стороны английского народа, но также Америки и Франции.

Адмирал Колчак ответил, что он сейчас не знает, что и как с арестованными, но что он произведет расследование и уведомит

---

[1]) Необходимо прибавить, что в момент выпуска воззвания ни Авксентьев, ни Зензинов не входили в состав Центрального Комитета партии эс-еров.

(Прим. перев.)

меня позднее. Он сказал, что единственной целью принятия им на себя бремени подавляющей ответственности, связанной с долгом верховного правителя России в этот печальный час ее истории, было предупредить крайние элементы как справа, так и слева, пытающиеся продолжать анархию, препятствующую установлению свободной конституции; что если его деятельность когда-нибудь в будущем не окажется в гармонии с установлением свободных политических учреждений, как их понимает английская демократия, он будет убежден, что дело его потерпело неудачу.

Я поблагодарил его за доброе мнение о моей стране и обратил его внимание на письмо его величества короля к президенту Вильсону, полученное в Омске 14 ноября 1918 г., в котором провозглашаются принципы демократии и свободы, и предупредил его, что всякая попытка вернуть русский народ назад, к системе тирании и бедствий, встретит сопротивление всех свободных народов мира.

Адмирал Колчак ответил, что он читал письмо его величества короля Англии и что единственной его надеждой является, чтобы Россия как можно скорее начала пользоваться благами таких же свободных установлений.

Омск. Сибирь. 20 ноября 1918 г.

От полковника Джона Уорда, члена парламента. Омск. Сибирь. Через британскую военную миссию в главную квартиру британской военной миссии во Владивостоке.

Дальнейшее сообщение о политическом кризисе в России.

Продолжая свой рапорт о принятии адмиралом Колчаком верховного управления в России, я хочу прибавить нижеследующее:

Так как я не мог получить какого-либо официального извещения о положении членов Директории, арестованных ночью 17 ноября, я написал русским властям (через полковника Дж. Ф. Нельсона) в ночь на 18-е, прося извещения относительно этого обстоятельства. 19 ноября, не получая осведомления, я послал нижеследующее письмо прямо адмиралу Колчаку, верховному правителю.

Омск. 19.11.18. 3 ч. пополудни.

От полковника Уорда.

Адмиралу Колчаку.

После нашего разговора вчера вечером, я послал вам письмо (через полковника Нельсона), прося осведомления и некоторых гарантий для заключенных членов Совета.

До сих пор я не получил никаких сообщений относительно этого.

Я уже говорил вам о моей уверенности, что моя страна почувствует серьезное огорчение, если указанные арестованные подвергнутся какому-нибудь оскорблению без соответствующего суда над ними; я сочту особой любезностью с вашей стороны, если вы уведомите меня на этот счет. Искренне преданный

Джон Уорд, полковник.

Полковник Франк, мой адъютант, отнес письмо в русскую главную квартиру и по своем возвращении уведомил меня, что адмирал благодарит за письмо и что ему очень приятно рассеять мои страхи.

Три офицера, а именно: подполковник Красильников, полковник Волков и подполковник Катанаев сами явились в главную квартиру и объявили, что они берут на себя всю ответственность за арест членов старого русского правительства, что они не нанесли последним никаких оскорблений и что они готовы передать своих пленников в руки властей вместе с несколькими миллионами рублей, по их мнению награбленными, а также все бумаги, найденные при них. Адмирал поместил заключенных под свою собственную строгую охрану и посадил под арест трех офицеров, пытавшихся расправиться с арестованными.

Он далее обещает, что заключенным не будет причинено никакого ущерба и при первой возможности он предполагает выслать их из пределов страны.

20 ноября. 1 ч. пополудни.

Адмирал Колчак, услышав, что вспомогательный отряд моего батальона возвращается во Владивосток, попросил меня, не позволю ли я прицепить к моему поезду вагон, везущий государственных заключенных в некоторый неизвестный пункт

на китайской границе в целях тайны и большей безопасности. Я согласился и для этой цели усилил отряд.

Омск, Сибирь, 21 ноября 1918 г.

(Копия).

От подпоручика Корниш-Боудена, 25-го батальона Миддльсекского полка, адъютанту 25-го батальона Миддльсекского полка.

Сэр. Имею честь сообщить вам для передачи командующему:

1. Поезд с четырьмя русскими политическими изгнанниками (господами Авксентьевым, Аргуновым, Роговским и Зензиновым) и русской охраной, вместе с отрядом британских войск под моей командой, оставил Омск 21 ноября в 2 ч. ночи и прибыл в Харбин 27 ноября. Проезд был спокоен. Почти все большие города, где предполагались волнения, мы проехали ночью.

2. Уже здесь офицер, командовавший русской охраной, уведомил меня, что все движение на перегоне Иркутск—Чита приостановлено по приказанию генерала Семенова, и что поезда тщательно обыскивались с целью обнаружения высылаемых, после того, как мы уже проследовали. Впрочем, никаких данных для подтверждения этого у меня не имеется.

3. Высылаемые выразили самую живейшую признательность за присутствие британских войск и говорили, что они не доверяют своей русской охране. Впрочем во все время пути я ничего не заметил такого, что подтверждало бы их опасения [1]).

4. По прибытии в Харбин, высылаемые стали настойчиво просить меня, чтобы я сопровождал их до Чанг-Чуна, и так как офицеры русской охраны были вполне с этим согласны, я решил сопровождать поезд до Китайско-Манчжурской границы. Мы достигли Чанг-Чуна 28 ноября около 2 ч. утра и изгнанники выехали отсюда вечером в тот же день.

5. Мы вернулись в Харбин 29 того же месяца, откуда я отправился далее вместе с русской охраной. Во Владивосток

[1]) В своей книге «Из жизни революционера» (Париж, 1919 г.), написанной под свежим впечатлением сибирских злоключений, Владимир Зензинов ни словом не упоминает о данном факте, как и вообще о роли иностранцев в перевороте 18 ноября 1918 г. *(Прим. перев.).*

мы прибыли утром 2 декабря. Я непосредственно сообщил обо всем отделу Центрального Управления и устно доложил о вышеупомянутых фактах генералу Ноксу.

6. Поведение моряков и солдат моего отряда за все время путешествия было хорошим и не наблюдалось увеличения случаев заболеваний. Имею честь оставаться, сэр, вашим покорным слугой: П. С. Корниш-Боуден, подпоручик.

Владивосток, Сибирь, декабря 2, 1918 г.

У меня уже успела образоваться некоторая опытность в революциях, и если бы я настойчиво не проводил своей точки зрения, Авксентьев и К-о были бы зарезаны, как бараны. Я хорошо также знал страх моих соотечественников перед диктатурой, и если бы принятие адмиралом Колчаком верховной власти было связано или ускорено убийством его противников без суда, содействие и вероятное признание британским правительством новой власти могло бы сделаться невозможным. Мои собственные агенты раскрыли место, где находились арестованные, а также то, что они должны были быть приколоты штыками в ту же ночь, так как стрельба в них привлекла бы внимание. Я также уверен, что Колчак ничего не знал об этом. Все дело было в руках офицерской карательной организации, которая поклялась убить как раз столько же большевиков-революционеров, сколько офицеров было убито людьми вроде Троцкого и Авксентьева. Обе партии имели одинаковые цели, которые оставляли следы своих безумных поступков каждую ночь на улицах города [1]).

Положение вещей было таково, что только одна диктатура могла установить самый простейший порядок. Я, демократ,

[1]) Уорд здесь ошибочно приурочивает террористические выступления офицеров против социалистов-революционеров к ноябрьскому перевороту атамана Красильникова, произведенного совершенно по другим соображениям, как это достаточно ясно видно из текста самих Записок.

Об участии Уорда в событиях омская официозная газета «Русская Армия», № 1 от 19 ноября 1918 г., говорит следующее: «Полковник Уорк (sic!), командир английского батальона, прибывшего в г. Омск, сказал: «Несомненно Россия может быть спасена только установлением единой верховной власти, цель которой—создание национального правительства». *(Прим. перев.).*

верящий в управление народа через народ, начал видеть в диктатуре единственную надежду на спасение остатков русской цивилизации и культуры. Слова и названия никогда не пугали меня. Если сила обстоятельств ставит передо мной проблему для решения, я никогда не позволяю, чтобы предвзятые понятия или идеи, выработанные абстрактно, без проверки на опыте живой действительности, могли изменить мое суждение в выборе того или иного выхода; и я осмелюсь думать, что если бы те же обстоятельства предстали вообще перед англичанами, то девять из десяти поступили бы так же, как я. Я только «продолжал»; традиции нашей расы и страны делали остальное.

Признав позицию верховного правителя, как это видно и из моих разговоров с адмиралом и из рапорта, сделанного мной, я не полагал, что следует оставить его одного, без помощи, в борьбе с окружавшими его врагами. Другими словами, в то же время, как с внешней стороны я оставался нейтральным, я постоянно делал указания и давал советы, когда он просил их, относительно всего, что касалось и внутренних и внешних дел; и здесь может быть интересно для нашего народа познакомиться с некоторыми из тех проблем, которые стояли перед верховным правителем. Японский вопрос был первым. Генерал Розанов был у Болдырева начальником штаба, и для верховного правителя было очень важно узнать от него о положении дел, а также и самому ознакомиться с политикой павшей Директории. Он беседовал с генералом Розановым так же, как с другими штабными генералами, и узнал следующее: после падения Самары, большевистская армия бросилась к Уфе; Директория настолько была встревожена, что потребовала от главнокомандующего определенных решений для устранения нависшей опасности. Болдырев никогда не думал о действительной организации новой русской армии; полагая, что дела действительно принимают критический оборот, а Франция, Англия и Америка недостаточно сильны для помощи, он решил, что существует только одна альтернатива—пригласить Японию, которая двинет свои армии к Уралу. Это как раз и было то, чего добивалась Япония; но японский штаб потребовал, как некоторой компенсации за наступление к Екатеринбургу и Челябинску, предоставления в его полное обладание Сибирской железнодорожной линии

и телеграфа вплоть до этих пунктов. Болдырев и Директория некоторое время колебались, но так как большевики стали подступать близко к Уфе, а также сконцентрировали стотысячную армию для наступления на Екатеринбург, то создалось настолько затруднительное положение, что Директория уступила, и за несколько дней перед переворотом Болдырев сообщил Японии, что ее условия принимаются.

Японцы сделали все приготовления, чтобы двинуть войска, когда Колчак принял бразды правления в свои руки. Он попросил моего совета. Я посоветовал ему сказать японцам, что перемена правительства заключает в себе также перемену в политике и что для Японии было бы неприлично двинуться за пределы их позиций в Чите до того, пока дело не подвергнется дальнейшему обсуждению. Японцы стали делать ему много соблазнительных предложений о помощи как оружием, так и деньгами, но он отказался от всего, так что они были не в состоянии сдвинуть его с занятой позиции.

Обстоятельство, которое повело к несчастным недоразумениям между адмиралом Колчаком и французами, заключалось в назначении Союзным Советом в Париже генерала Жанэна командующим союзными и русскими войсками в Сибири.

Это очень важный пункт в общем банкротстве союзной политики, чтобы обойти его без упоминания. По самой природе вещей, главным усилием союзников было формирование и организация новой русской армии.

Наша политика заключалась не в том, чтобы постоянно помогать России, а дать ей возможность самой встать на ноги. Генерал-майор Нокс был послан от военного министерства для выполнения этой задачи и никто не мог бы лучше и с большим знанием дела выполнить ее, в сравнении с ним.

Но едва генерал Нокс начал выполнять свой долг, как французские агенты в Сибири начали тревожиться за свое собственное положение. Полетели в Европу каблограммы, указывающие на опасность для престижа Франции, заключающуюся в миссии генерала Нокса. Если англичане сделаются ответственными за реорганизацию русской армии и преуспеют в этом, то это заставит новую Россию ориентироваться в сторону Англии, а не Франции, как было до сих пор. Было бы лучше при таком

исходе оставить Россию без армии, чем организовать ее под таким влиянием.

Эти бессмысленные страхи наших французских друзей нашли охотных слушателей в Париже. Генерал Нокс уже произвел некоторый отбор среди офицеров и дела шли полным ходом, как вдруг телеграмма из Парижа от Союзного Совета свела к нулю всю его работу. Его распоряжения были отменены и ему предписали ничего не делать, пока не будет назначен французский главнокомандующий, имя которого собирались указать позднее.

Благодаря этому ни на что не похожему союзному вмешательству, хорошо продуманная схема реорганизации армии висела в воздухе четыре самых драгоценных месяца для России. Пока прибыл генерал Жанен, время было упущено, и все дело было изъято из рук союзников.

Положение России в это время было таким, что даже четырехдневная отсрочка могла стать фатальной, и если ничего не было бы сделано за эти четыре месяца, мы были бы выгнаны из страны.

Находя, что взаимное соперничество союзников настолько велико, что делает бессильными все их старания, сначала генерал Болдырев, а потом его преемник, верховный правитель, начали самостоятельно организовывать армии для защиты народа и его владений. Эти армии были плохо экипированы, плохо дисциплинированы—вовсе не тот сорт армии, который возник бы, если позволили бы осуществиться планам генерала Нокса,— но они выполнили свой долг, взяли Пермь и довели свою численность до 200.000 человек, прежде чем появился на сцене генерал Жанен.

Когда генерал Жанен заявился к верховному правителю с приказом Союзного Совета принять командование над всеми союзными и русскими силами в Сибири, его ждал прямой отказ со стороны Омского правительства.

Со мной советовались по этому вопросу и я поэтому могу привести соображения Омского правительства на этот счет. Позиция его была очень проста: «Если бы генерал Нокс, или какой нибудь другой союзный генерал, организовал, содержал и экипировал новую русскую армию, естественно он имел бы

наблюдение над нею до того времени, когда русское правительство, окончательно окрепнув, могло бы взять на себя ответственность. Французы не позволили сделать это и мы сами принялись поэтому за выполнение этого долга. Сформировав нашу собственную армию в своей стране, мы должны поставить во главе командования ею нерусского офицера. Это неслыханное требование нарушило бы влияние и достоинство русского правительства и унизило бы его в глазах народа».

С этой позиции Омское правительство никогда не отступало, тогда как союзные препирательства поставили генерала Жанена, способного и превосходного офицера, в неособенно почетное положение.

Болдырев, как я уже отметил, находился на уфимском фронте, когда Колчак принял верховную власть. Он пребывал там в совещаниях с Чешским Национальным Советом и с членами бывшего Учредительного Собрания около пяти или шести дней, ни одним словом не выражая своих намерений. Это было критическим положением для Колчака, который не знал, что он делает или намеревается делать. Горячие головы советовали действовать немедленно, но я рекомендовал благоразумие. Основной канвы болдыревских совещаний мы не знали, но нам было известно следующее: генерал Дутов, командовавший русскими армиями к югу от Уфы, получил оттуда некоторые предложения, но, отвечая на них, советовал осторожность, так как де ему известно из бесспорного источника, что за спиной Колчака стоят англичане. Это известие, мне рассказывали, свалилось, как разорвавшаяся бомба, на уфимских конспираторов, и вскоре после этого генерал Болдырев вернулся в Омск. Здесь он беседовал с Колчаком, как с верховным правителем, и дал удовлетворительные объяснения насчет своего отсутствия. Ему был предложен пост, от которого он отказался, мотивируя тем, что хочет оставить страну, так как не верит, чтобы диктатура могла бы вывести Россию из ее затруднений. Он получил отставку, и так закончилось свидание между этими двумя людьми, встретившимися в Петропавловске за несколько дней перед тем.

Несколько дней спустя японский представитель в Омске потребовал, чтобы ему объяснили, принужден ли генерал Болды-

рев покинуть страну или же уезжает добровольно. На это было отвечено самым определенным образом, в соответствии с фактами. В той же ноте японцы просили сообщить им, были ли британцы в том поезде и в той охране, которые везли изгнанных социалистов-революционеров, членов Директории, в Чанг-Чун, на китайской границе. На этот вопрос был дан ответ не столь определенный, но интерес Японии к этим людям показывает, как сильно coup d'état расстроил ее планы относительно оккупации Урала.

Верховный правитель издал ряд приказов к различным частям русских войск, разбросанных по всей стране. Все командующие в большей или меньшей степени повиновались этим приказам, исключая одного, генерала Семенова, главная квартира которого представляла собой второе издание японского штаба в Чите, откуда он послал нахальный отказ признать власть Колчака. Колчак приготовился разделаться с этим мятежным и разбойничьим офицером. Тогда Япония просто сообщила Омскому правительству, что генерал Семенов находится под ее покровительством и что она не позволит русскому правительству столкнуться с ним.

Под японским покровительством этот молодец продолжал производить всевозможные экзекуции, как порку рабочих, пока, наконец, вся область не обезлюдела, а союзники потребовали от Японии объяснения относительно этого экстраординарного поведения. Японцы так боялись, что скоро разделаются с их ставленником, что когда 19-й батальон Гемпширского территориального полка выехал из Владивостока, они запросили Омское правительство, не продвигаются ли эти британские войска для нападения на генерала Семенова. Мы ответили, что движения всех британских войск руководятся распоряжениями британской военной миссии, куда и надлежит обращаться за осведомлением. Я уже больше никогда не слышал об их вопросах.

Около этого времени группа казаков, с офицером во главе, зашла однажды ночью в тюрьму и предъявила смотрителю соответствующий ордер для выдачи девяти политических заключенных. Ничего не подозревающий смотритель выдал заключенных, которые были уведены и на следующее

утро найдены расстрелянными [1]). Кого-то должны были повесить, но никого не нашли для того, чтобы исполнить экзекуцию. Начальник штаба Колчака мог бы раскрыть некоторые факты относительно преступления, но он отказался сделать это. Действительно, он даже не сообщал адмиралу о преступлении в течение четырех дней, пока это не сделалось достоянием общественной гласности. Колчак был ошеломлен сначала от бешенства из-за самого преступления, затем от своего бессилия предотвратить его. Но Омск продолжал однообразный темп своей жизни: замечательно, какие ужасы приучается народ встречать без содрогания, если только он привыкает к ним, как это обыкновенно случается при революциях.

---

[1]) Этот эпизод относится, в сущности, к восстанию 22 — 23 декабря в Омске и Куломзине, о котором Уорд рассказывает дальше; фамилии расстрелянных следующие: Нил Фомин, эсер, Брудерер, эсер, Маевский (Гутовский), эсдек-плехановец, Кириенко, эсдек, Девятов, эсер, Григорий Саров, эсер, Барсов, Макровецкий и Ландау. «Сборник документов» Зензинова, стр. 152—153. *(Прим. перев.)*

ВЗЯТИЕ ПЕРМИ. ЧЕХИ ВЫХОДЯТ ИЗ СТРОЯ.

Coup d'état отодвинул предполагаемое наступление на Пермь совершенно на задний план. Чехи, под влиянием своего политического комитета, с которым соединился комитет социалистов-революционеров со своим вождем Черновым, отступили в тыл. Каждая часть выбрала себе комитет или установила солдатский совет по строго большевистскому плану и перестала быть в дальнейшем пригодной как для русского дела, так и для своего собственного. Офицеры новой русской армии обеспокоились за неприкосновенность своих собственных молодых войск, имея перед глазами поразительные примеры отсутствия дисциплины, и начали просить распоряжений у адмирала Колчака удалить эти враждебные политические организации из Екатеринбурга. Адмирал предложил им город в тылу, где бы они могли вдоволь наговориться относительно политики, не представляя опасности для фронта. Последнее, однако, не соответствовало их планам, так как их очевидной целью было разложить новую русскую армию. Адмирал Колчак в отчаянии дал приказ арестовать вожаков и разрушить заговор. Генерал Гайда, хотя и чешский офицер, привел в исполнение приказ адмирала и передал арестованных главнокомандующему, генералу Сыровому в Челябинске. Последний, под давлением Чешского Совета и Черновского Комитета, выпустил арестованных и начал преследовать знаменитого молодого генерала Гайду, стремясь удалить его из его также знаменитой армии. Спасаясь от преследований своих политических врагов, генерал отказался от своего поста в чешской армии и, примкнув к русской армии, был тотчас же восстановлен на своем посту, как командующий русской армией на правом фланге.

С точки зрения чисто русской тактики было необходимо ударить южнее Уфы, имея целью достигнуть соединения с оренбургскими казаками, действующими под командой Дутова, и по возможности стараясь связаться с войсками генерала Деникина в южной России. Но никаких точных или достойных доверия сведений относительно сил и снаряжения генералов Деникина и Дутова получить не удавалось.

С другой стороны было известно, что англо-американское войско высадилось в Архангельске; предполагалось, что оно хорошо снабжено зимним снаряжением, и если удалось бы произвести соединение с этой армией, был бы пробит канал для получения европейской помощи и припасов. Каждый патрон, пушку, ружье и предмет одежды нужно было везти на кораблях вокруг света, а затем доставлять по более или менее дезорганизованной железнодорожной колее, длинною свыше шести тысяч миль. Колчак имел людей, но не имел бы никаких средств сделать их боеспособными, если бы не получал припасов извне. Определенно чувствовалось, что если его армии смогут пробить себе путь через Пермь и займут позицию где нибудь между Пермью и Вяткой, пункт соединения Петроградской и Архангельской железных дорог, то малейшее движение архангельского экспедиционного корпуса даст в результате соединенное движение вперед к Петрограду и освободит северную Россию от террористов.

Первоначально я также должен был принять участие в операции в центре с отрядом 25-го Миддльсекского батальона и четырьмя пулеметами, и дано было распоряжение для моего участия в наступлении.

Полное отпадение чехов нарушило, однако, все предварительные расчеты, и даже неутомимая энергия верховного правителя не могла заполнить этой потери в продолжение почти четырех недель. Тем временем холода сделались такими сильными, что участие британского контингента, не имевшего соответствующего снаряжения, отпало само по себе. Генерал Гайда со своими дивизионными генералами, Голицыным, Пепеляевым и Вержбицким, торопились со своими приготовлениями и после блестящего ряда движений заняли Пермь.

Армия продвинулась к Глазову, 80 миль восточнее Вятки и 60 миль южнее Котласа. Мы были теперь около 300 миль к востоку от Петрограда и тут мы ожидали 7 месяцев движения из Ахрангельска, которого так и не дождались. На некоторое время страна была совершенно очищена от неприятельских отрядов, так что маленькие партии людей безопасно проходили из Глазова в Архангельск и из Архангельска в Глазов. Вероятно террористы получили правильные сведения об этой северной экспедиции, сдерживая ее легким заслоном и концентрируя в то же время огромные силы для того, чтобы отбросить нас за Урал.

ДЕКАБРЬСКИЙ ЗАГОВОР.

Положение диктатора в высшей степени неопределенно. Он издает приказы, но если начальники армий могут уклониться от их выполнения, они делают это под тем или иным предлогом. Русский характер в этом отношении представляет большие особенности. Он повинуется только одной вещи—а именно силе. Патриотизм и чувство общественности, как мы понимаем их, не проявляются в сколько-нибудь крупном размере. Каждый смотрит на всякое распоряжение с личной точки зрения: «Как это коснется меня?»—редко, если и случается: «Как это отразится на моей стране?»

Замечательно, как много успел выполнить Колчак, но казалось, что его карьера вот-вот должна оборваться, несмотря на все предосторожности его друзей. А их у него было немного. Да и ни один настоящий диктатор не может на них рассчитывать. Никто в России, полагающий свои личные интересы на второй план сравнительно с общественным благополучием, не будет иметь друзей.

Приготовления для наступления на Пермь были в полном ходу, когда мы получили телеграмму от генерала Дутова, следующего содержания: «В виду давления наших сил на их левом фланге, вожди большевиков решили то, что они называют «организовать тыл у своих противников». Для этой цели семьдесят лучших пропагандистов и наиболее способных агитаторов и офицеров перешли через фронт и теперь рассеялись где нибудь среди вас». Все, что мы могли сделать,

это ждать и смотреть, где покажутся первые признаки этого движения.

Тот факт, что Колчак объявил себя сторонником созыва Национального Собрания, избранного всеобщей подачей голосов, для решения вопроса о форме правления в России, как только установится порядок,—разбил вдребезги мечты старого офицерства о скором возврате к самодержавию. Его декларация против крайних элементов справа и слева практически толкнула и большевиков и монархистов в один лагерь. Он хорошо знал, как студент, английские обычаи и учреждения, и еще до революции был сторонником конституционализма. Царистская группа надеялась, что принятие им верховной власти знаменует его отказ от демократических принципов, но постепенно его официальные декларации представителю британского правительства внушили страх и в том и в другом течении абсолютистов. Что касается до большевиков, то они никогда не скрывали своего ужаса и страха перед демократией в английском понимании, и объявляли, что они предпочитают вернуться скорее к старому порядку, чем иметь конституцию вроде английской или американской. В этом отношении нет никакой реальной разницы между принципами большевиков и сторонников старого порядка, разница только в том, кому будет поручена власть. На некоторое время они оставили в стороне этот второстепенный пункт и соединились для свержения человека, который был их общим врагом [1]).

Около полуночи 23 декабря русская главная квартира послала мне тревожное донесение. Выстрелы раздавались по всем

[1]) Уорд прав, отмечая недовольство реакционных военных кругов официальными заявлениями правительства адм. Колчака, которое должно было считаться с весьма реальной поддержкой Антанты и по крайней мере теоретически признавать демократические начала управления. На деле правительство Колчака было бессильно что-нибудь поделать с «атаманской» реакцией, как это видно, впрочем, из инцидента самосуда над 9-ю заключенными (см. выше, стр. 92). Атмосфера «старого порядка» незаметно укрепилась вокруг омского правительства, обрекая на неудачу все демократические попытки англичан. В словах Уорда, за одну скобку ставящего и большевиков-революционеров и монархистов-реакционеров, сказывается очень понятная для него досада и разочарование при факте общей оппозиции режиму верховного правителя. *(Прим. перев.)*

*

направлениям и шальная пуля ударила в мой вагон в то время, как я одевался. Всадники окружили маленькими группами ставку, без признака какого-либо приказа. Осмотрев свой батальон в его временных квартирах, я потребовал охраны для сопровождения меня в главную квартиру. Когда мы вошли туда, мы заметили, что она была полна более или менее возбужденными офицерами и солдатами; моя охрана выстроилась по обеим сторонам вестибюля и, не говоря ни слова, принялась чистить ружья и прикреплять штыки. Русские, которые даже и тут продолжали свои споры, на какой стороне им выстроиться, взглянули на моих солдат и сами стали становиться в ряды. Колебаться уже больше было нельзя. «Английские солдаты» овладели русской главной квартирой, а репутация английских солдат в таких исключительных случаях, как этот, была известна всему свету. Я расспросил начальника штаба, генерала Лебедева, относительно его приказов для подавления мятежников, и спустился вниз по лестнице в вестибюль, где нашел только своих солдат. Ни один присутствующий не мог бы поверить в полную перемену обстановки, которую произвело присутствие нескольких английских солдат в этот критический момент. Во время революции всякие законы, всякая охрана общества подорвана в корне; народ чувствует себя, как во время землетрясения, нет ни в чем уверенности, каждый сомневается в своем соседе. Если те, кто готовы поддержать власть, смогут узнать в надлежащий момент, что существует хоть маленькая группа, вокруг которой они могут объединиться и в которой они уверены, что она выполнит свой долг, то опасность разом устраняется: колебания исчезают, и нормальная жизнь тотчас вступает в свои права. Выйдя из здания, мы нашли пехоту, построенную в ряды, и кавалерию, вытянутую в линию, со своими офицерами, ожидающими приказов.

Я проследовал через город в помещение верховного правителя. По дороге нам встретились группы солдат и казаков, спешащих на свои посты, которые подозрительно смотрели на нас, но, увидев меня во главе в форме британского офицера, они громко выкрикивали магическое слово «английский», пока, подобно талисману, это слово не прошло от часового к часовому, по всем улицам, и «английский» не сделалось чем-то вроде пароля,

сохранявшего весь город в порядке и законности. Мы прошли к дому адмирала без окликов часовых, пока казаки и сербы, несшие охрану у самого входа в помещение, не остановили нас в ожидании разрешения. Скоро дан был приказ пропустить нас. Адмирал был болен, очень болен—воспалением легких, но бодр, как всегда. Мои солдаты выстроились в вестибюле тем же способом, как и в главной квартире, и даже личная сербская охрана должна была отступить перед этими решительно выглядевшими посетителями. Я получил необходимые разъяснения. Возмущение было очень серьезным, но я получил возможность сообщить адмиралу, что приняты все действительные меры для предупреждения всех неожиданностей. Я попросил разрешения отправиться, но не раньше, чем моим людям будет дана пища и порция русской водки, которая является единственным действительным противоядием против мороза сибирской зимы.

Согласно моим инструкциям, я не должен был вмешиваться во внутренние дела России, но долгом всякого командующего является принять все возможные меры для защиты его команды. Если бы я оставался в своих квартирах и не подавал бы никакого признака жизни, пока эти монархисты и большевики не овладели положением в городе, я представил бы для них лакомый кусок, который бы они проглотили на досуге. Я должен был показаться достаточно заблаговременно, чтобы быть уверенным, что движение не направлено против меня. Вышло так, что когда я тронулся из своих бараков, как раз пришли новости о бунте двух рот 8-го полка русской армии. Часть большевиков в Куломзине, на другом берегу реки, взялась за оружие и собиралась разрушить мост через Иртыш, образующий путь сообщения с броневым поездом «Суффолькю» и нашими морскими отрядами в Уфе. Чехи (наши союзники), получив такой же приказ, как и я, и узнав, что монархисты также участвуют в заговоре, разрушили весь план, быстро двинув роту для охраны моста, которая прибыла как-раз во-время. Исполняй мы строго одни приказы, бог знает, что из всего могло получиться. И чехи и британцы действовали по своему собственному разумению, и в то время, как технически мы нарушили приказы, мы выполнили политику наших стран и защитили свои команды.

Восстановление порядка стоило только тысячи жизней [1]), но все анархические элементы, как вверху, так и внизу, извлекли урок, который они, повидимому, не забывают. Это случилось среди наступления на Пермь. Оно ни в чем не помогло большевикам, но не мало придало жару борьбе.

---

[1]) По официальным данным, при подавлении мятежа в ночь на 22 декабря, в Омске по приговору военно-полевого суда расстреляно 49 человек. Приговорено к каторжным работам и тюрьмам 13 человек. Убито во время подавления беспорядков 133 человека. В поселке Куломзино по приговору военно-полевого суда расстреляно 117 человек. Оправдано 24 человека. Убито при подавлении мятежа 114 человек. «Сибирская Речь», Омск, 28 декабря 1918 г.—«Сборник документов», стр. 156. *(Прим. перев.)*

БОМБА ИЗ ПАРИЖА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

Предшествующие инциденты сменились более личными делами. Около 28 декабря прибыл штаб канадского отряда под начальством полковника Морризи, и, как водится, были тотчас предложены революционные планы в связи с распределением моего батальона и другими делами. Некоторые из них действительно были проведены, в результате чего в британском лагере Омска создалось довольно напряженное настроение, которое вынудило меня предложить британскому генералу Эльмслею перевести мою главную квартиру во Владивосток. К счастью прибытие 9-го гемпширского территориального батальона, 5 января 1919 г., под командой подполковника Джонсона, повело за собой улучшение положения вокруг нас. Этот офицер сразу разобрался в обстановке и предпринял такие шаги вместе с верховным уполномоченным сэром Чарльзом Элиотом, что меня убедили взять назад просьбу о переводе моей квартиры. Подполковник Джонсон явился подмогой тем, кто держался чисто английской точки зрения, а его батальон, набранный в моем родном графстве, удивительно содействовал тому, чтобы сделать наши отношения сердечными. Генерал Эльмслей позже ответил отказом на мою просьбу, так что все устроилось как следует.

Около середины января британский верховный уполномоченный препроводил адмиралу Колчаку крайне сочувственную телеграмму от британского правительства. На следующий день и французский верховный уполномоченный сообщил ему подоб-

ную же телеграмму от французского правительства, с тем отличием, что здесь отчетливо упоминалось о возможности помощи и признания. В результате этих поздравлений союзные представители почувствовали себя более счастливыми и в более безопасном положении, чем раньше, а русские власти почувствовали возможность торопиться с делом «воскрешения».

Как раз четыре дня спустя беспроволочный телеграф принес депешу из Парижа, гласившую, что Союзный Совет объявляет о том, что он не может ни помогать, ни признать какую-нибудь из воюющих сторон, что различные партии и правительства в России должны заключить перемирие и послать представителей на турецкие «Собачьи острова», вблизи Константинополя, и установить взаимное соглашение. Другими словами, большевики должны быть признаны законной воюющей стороной, с которыми возможно здороваться и сесть за один стол для составления соглашения относительно подходящих способов ведения политики разбоя, грабежа и убийств.

Нет нужды говорить, что каждый британец почувствовал отвращение, а каждый настоящий русский патриот был просто смущен. Одним взмахом долой все наши надежды. Мы были подавлены столько же, если даже не больше, чем русские, так как мы должны были защищать честь наших стран, а защита казалась невозможной.

Сразу же началась реакция против европейских союзников России и сделалась настолько сильной, что как-то однажды один русский джентльмен произнес оскорбительную речь по адресу союзных офицеров, сидевших за чаем в хорошо известном ресторане, а публика не позволила арестовать и увезти его, когда была вызвана охрана. Эти чувства сейчас же были использованы японцами в своих собственных целях.

Было очень натянутое положение вещей, когда я 31 января попросил специального свидания с адмиралом Колчаком, чтобы ввести к нему моего коллегу и сотоварища полковника Джонсона и переговорить насчет создавшегося положения. Адмирал прогуливался у берега реки, без всякой свиты, но на глазах своего конвоя, так как помещение, занимаемое им, находилось на берегу реки. Эта была первая прогулка после поправления, и он выглядел вполне выздоровевшим. Разговор естественно

повернулся к декларации союзников в пользу большевиков и относительно положения, создавшегося в связи с этим в Омске. Точка зрения адмирала была совершенно проста. «Мы можем говорить и заключить соглашение с каждой партией и правительством из существующих в различных областях России, но пойти на компромисс с большевиками, пожать им руки, сесть с ними и вести переговоры как с равными, с людьми, которые оскорбляют и убивают русский народ,—никогда. Ни одно приличное союзное правительство, знакомое с фактами, не станет ожидать этого».

Я просил его смотреть на вопрос так, как если бы не было никакой телеграммы из Парижа, ибо у меня была уверенность, что должны существовать некоторые пункты, связанные с решением, но требующие дальнейшего выяснения. «Согласен»,—сказал адмирал,—«должны существовать некоторые факты, с которыми мы не знакомы, так как, советуя пойти на соглашение с большевиками, британское правительство в то же время продолжает оказывать мне великодушную помощь для русской армии». Я ушел от него вполне удовлетворенным и уверенным, что он еще сохранил свою уверенность в дружбу Англии.

Существовал еще один удивительный пункт, который необходимо отметить. Адмирал Колчак замечал не раз, что японцы все еще продолжают причинять ему много хлопот. Не имея возможности лично приблизиться к нему, они «заручились» содействием его офицеров, которые по своим служебным обязанностям часто посещали уфимский фронт. Японцы осторожно проводили идею, что единственное государство, которое может оказать России действительную помощь,—это Япония. Все другие армии утомлены войной, требуют демобилизации, и поэтому не желают сражаться с большевиками. Если адмирал Колчак заключит подходящее соглашение с Японией, ее армии гарантируют ему ликвидацию в два месяца всех большевистских сил и установление монархии, удовлетворяющей офицеров. Эта пропаганда достигла фронта, и генералы с фронта в своих депешах указывали, что она получила серьезное значение. Для противодействия этому вредному влиянию, адмирал решил сам посетить фронт, чтобы указать на невозможность для Японии, как одной из держав, входящей в Антанту, самостоятельно выполнить такую программу. Я спросил его, как эта пропаганда началась

и кто вел ее. Он ответил: «Генерал Муто со своим штабом из двадцати шести офицеров, а также другие ловкие сотрудники серьезно работали здесь, в Омске, для направления общественного мнения в эту сторону». В заключение верховный правитель сказал: «Я вовсе не жалуюсь на этих отличных японских офицеров,—но они вышли за директивы своих военных и политических руководителей, причинив этим моей работе по восстановлению порядка немало затруднений».

Существовали и другие разлады в общей мелодии. Русские офицеры почти все до одного монархисты и останутся таковыми, так как они совершенно похожи на детей в своей преданности этому принципу. Кто-то распространил слух, что князь Кропоткин еще жив и находится на русском фронте[1]). Один из офицеров, услышав об этом, воскликнул: «О, конечно, адмирал передаст свою власть Кропоткину, как только узнает, что князь жив». На следующий день ему объяснили, что князь вовсе не солдат и тогда его энтузиазм разом испарился. Еще через день подошли британские военные грузы и тогда офицер этот всецело стоял за союз с Антантой. А еще несколько дней спустя, он уже проклинал союзные державы за то, что они не признали русского правительства. На следующий день, услышав в ресторане, что Дмитрий Павлович скрывается в Сибири, как крестьянин, он впал в такое же экстатическое состояние, как пастухи при виде Вифлеемской звезды. Всякая, возможная или невозможная, личность под солнцем представляется ему в виде желанного спасителя его родины; никогда он не думал, что именно он и его сотоварищи могут спасти ее. Русский офицер действительно—«большое, толстое, бравое, балованное дитё и ничего более». «Путешествия Гулливера» имели бы огромный спрос, если бы были переведены на русский язык [2]). «Арабские ночи» покажутся неинтересным тягучим рассказом в сравнении с теми историями, которые циркулируют по Омску и по Сибири вообще.

---

[1]) Речь идет, конечно, не о кн. П. А. Кропоткине, «отце анархии», доживавшем свои дни в г. Дмитрове Московской губ., а об одном из князей Кропоткиных, помещике Казанской губернии, весьма популярном в монархических кругах Омска. *(Прим. перев.)*

[2]) Естественно, что автор мемуаров не знает, что эти книги Д. Свифта давно переведены на русский язык. *(Прим. перев.)*

Два следующие отрывка из моего дневника отмечают случаи, происшедшие за то же время.

«1 февраля 1919 г. Прошлою ночью три заговорщика-большевика, переодетые русскими солдатами, проникли в помещение офицеров 1-го и 2-го Сибирского полка. Первым сигналом наружу о том, что случилось, были револьверные выстрелы, раздавшиеся в помещении; часовой задержал одного из переодетых большевиков, когда они пытались улизнуть.

Меньше чем в пять минут заговорщики перестреляли пять офицеров, двое из которых были смертельно ранены в живот. Один заговорщик был убит, другой схвачен, третьему удалось бежать. Был применен к захваченному кнут и на сотом ударе он выдал весь заговор. После его признания последовало более пятидесяти арестов, после чего все в Омске снова успокоилось».

«3 февраля 1919 г. Только что прибыл из Владивостока лейтенант Монрое с подарками от дам Шанхая, Гонконга и Сингапура. Не хватает слов для описания радости как офицеров, так и солдат при получении этих знаков любви и памяти от своих землячек в этом холодном, негостеприимном климате».

«Слышал новость об общем неповиновении, оказанном канадскими войсками тотчас по прибытии во Владивосток. Если на полученные известия можно положиться, то чем скорее их отправить в Канаду, тем будет лучше. Здесь достаточно и без того анархии, чтобы британское правительство могло сваливать еще свою. По моему мнению, крупная ошибка смешивать канадцев и британские войска в одну бригаду. Естественно, британские солдаты исполняют все приказы, и когда другие этого не делают, то вся тяжесть работы ложится на британские войска. Ничто другое, как удивительное чувство порядка в сознании среднего англичанина, помешало нам превратиться в англо-канадскую чернь, одинаково опасную и для большевиков и для русских. Мы установили превосходные отношения с русскими, портить которые было бы тысячу раз жаль».

ЕЩЕ ИНТРИГИ.

В то время как лояльных русских офицеров убивали во время сна, произошли другие не менее важные события. Когда адмирал Колчак принял верховную власть, Директория была окружена партией офицеров-монархистов, таких же мятежных и беспокойных, как и сам Троцкий. Все эти офицеры совершенно свободно сносились друг с другом по особому телеграфному коду, как будто бы в их руках была даже вся власть. Первым осведомлением об этих заговорах, полученным Колчаком, была шифрованная телеграмма от генерала Иванова-Ринова к генералу Белову, начальнику штаба генерала Болдырева: она обнаруживала многие стремления этих людей и указывала, что цели их были исключительно личными. Я с большим интересом прочел эти телеграммы, так как они превосходно посвящали меня в главные причины революции, а вместе с тем знакомили меня с характером среднего русского офицера. Генерал Антоновский из бывшей Военной Академии, присутствовавший при подписании Брест-Литовского мира с германцами, был одним из участников этих планов и на два пальца отстоял от того, чтобы стать у адмирала начальником штаба. Все шло великолепно, когда шифрованная телеграмма Ринова размотала весь клубок. Белов был отослан на восток, Антоновский на юг, и монархисты оказались разбиты.

1 февраля мой адъютант сообщил мне: когда он ожидал кого-то в коридоре главной квартиры, генерал Белов вышел из комнаты генерала Лебедева. Несколько позже из другой комнаты вышел генерал Антоновский и тогда оба они подошли к одному казачьему генералу, очень кровожадного

вида. Я знал, что это предвещало мало хорошего для порядка, и предупредил адъютанта Колчака. Несколько позже мне было сообщено, что была сделана попытка заменить фиктивной охраной конвой у резиденции верховного правителя. В эту ночь я соединился прямым проводом и слушал до 12 ч. 30 м. ночи и нашел, что он был захвачен русской главной квартирой. Генерал Нокс добыл, наконец, некоторые сведения и тогда я начал действовать; я командировал офицера в русскую главную квартиру с инструкциями сообщить генералу Лебедеву, что мы встревожены относительно безопасности верховного правителя; что если какое-нибудь зло будет задумано против него, мы будем считать его лично ответственным за это, если только он не сообщит нам во-время об опасности, чтобы мы могли устранить ее; далее сообщал, что если офицеры задумают убийство адмирала Колчака с целью провозглашения абсолютной монархии, без санкции русского народа, они жестоко ошибутся; что со всяким, кто сверху или снизу попытается нанести удар настоящему правительству и снова бросить Россию в состояние анархии и насилия, будет поступлено как с врагом. Генерал Лебедев ответил, что он не знал ни о какой особой опасности, угрожавшей адмиралу Колчаку в этот момент, и благодарил полковника Уорда за его предложение помочь правительству в случае необходимости.

Конспираторы были рассеяны, но самые ловкие из них продолжали плести непрерывную паутину русских беспорядков. Мы знали о существовании элементов, которые продолжали контр-революционную работу, действуя часто с ведома и при содействии чиновников колчаковской администрации. Во время революции неожиданные взрывы даже со стороны небольшой партии могут угрожать опасностью всей организации государства. Мы сговорились с полковником Джонсоном сосредоточить наши силы и, сблизившись в этом отношении с русскими властями, мы тем самым внесли дальнейшую деморализацию в ряды заговорщиков. Мы протестовали при этом против обвинения, что мы имели в виду нашу личную безопасность, но конспираторы не верили нам. Я знал, что поезд адмирала готов уже несколько дней для отъезда его на фронт. 3 февраля в Омске было получено известие, что важная японская миссия выехала из Иркутска,

имея своей конечной целью повидать верховного правителя. В то же время адъютант правителя известил меня, что адмирал 7 февраля в 5 ч. пополудни отбыл на фронт.

Генерал Нокс всегда заботился, чтобы не обнаруживать признаков ослабления нашей поддержки Омского правительства, так как тогда, в случае беспорядков, наше положение оказалось бы необеспеченным. После совещания было решено предложить адмиралу личную охрану во время его путешествия в пятьдесят человек с одним офицером Гемпширского полка. Это было принято и отослано начальнику штаба для утверждения; затем препровождено генералу Жанену и во французский штаб. Они сразу же запротестовали на том основании, что наличие чисто английской охраны унизит в глазах русских французский престиж. Наконец, согласились, что конвой должен быть, но состоять наполовину из англичан, наполовину из французов, и на это мы сразу же пошли, уменьшив число солдат до двадцати пяти. Тогда французский штаб указал, что у них нет никаких войск в Омске, а они не могут оставить свой штаб без повара. Наибольшее количество ординарцев, которых они могли достать, оказалось девять, так что выходило: сорок один английский солдат на девять французских. Это обстоятельство совершенно перехватило дух у дипломатов—первое предложение было унизительно для французского престижа, второе грозило гибелью всей Франции. Кончилось дело тем, что адмиральский конвой состоял из девяти солдат с одним офицером от каждой национальности, итого всего двадцать человек.

Ко времени, назначенному для отбытия адмирала, на сцене неожиданно появился английский почетный караул вместе с русским и чешским конвоем. Не было, конечно, ни одного француза, да и не могло их быть; тем не менее, французский престиж продолжал стоять так же высоко, как и всегда. Я сообщаю все эти факты в самом дружественном расположении духа, с надеждой, однако, что английские офицеры будут всегда помнить, что хотя мы и улыбаемся при особенных круговращениях слова «престиж», как его понимают наши континентальные соседи, тем не менее для них это реальность, принимающая порой весьма странные формы.

Прибыл верховный правитель и пожал руки русским, английским и чешским представителям, среди которых находились сэр Чарльз Элиот, британский верховный уполномоченный, и генерал Боуес, глава британской военной миссии у чехословаков. Французского представителя не было. Когда церемония уже кончалась, какой-то французский офицер, чином не выше капитана, локтями протолкался вперед, грубо оттолкнул назад британского верховного уполномоченного и стал спиною к ним, как будто это были простые зрители, не имевшие здесь никакого дела. В тот же вечер инцидент этот обсуждался в группе английских и русских офицеров, и один русский офицер, занимавший высокий пост, заметил: «Вы, англичане, имеете самые странные представления о национальном престиже из всех народов, с которыми мне доводилось знакомиться. Всякий обыкновенный русский, киргизский, татарский или монгольский офицер, увидев, как французский капитан отталкивает представителей и генералов другого государства, тотчас же решит, что он так поступает не по недостатку вежливости, которую знают почти на половине земного шара, но потому, что нация, к которой он принадлежит, настолько велика и могущественна, что нет нужды почтительно относиться к какой-нибудь другой, а в особенности к государству, представители которого позволяют так легко отталкивать себя».

У нас были многочисленные совещания о положении русского рабочего и о том, возможно ли для союзников сделать что-нибудь для него. Британские офицеры делали отчаянные усилия, чтобы организовать и снабдить войска для нанесения ранней весной смертельного удара большевикам. Генерал Нокс работал изо всех сил и давал больше указаний русскому правительству, чем все остальные союзные представители вместе. Действительно, без его проницательности и решительности, нам лучше было бы оставаться дома. Он путешествовал из «Влади» в Омск, из Омска во «Влади», как будто 5-тысячный переезд был для него пробегом из Лондона в Бирмингам. Его сила заключалась в том, что он составил себе определенное решение относительно принятого курса и держался его, тогда как все вокруг него никогда не могли решиться держаться чего-нибудь одного. Если вы хотите что-нибудь сделать, не имейте союзников. Союзники хороши, когда могущественный враг напал на вас или на них; тогда тут все

просто; простого самосохранения достаточно, чтобы держаться вместе для общей защиты. Если же опасность миновала, и шум бури звучит в отдалении, союзники становятся неспособными ни для какого дела, исключая шпионства друг за другом и препятствий для текущей работы. Нет никаких доказательств, что какая-нибудь союзная держава, исключая Англии, сделала что-нибудь для облегчения трудного пути нового русского правительства; только благодаря стойкой энергии генерала Нокса образовались личные и материальные запасы, достаточные для оправдания веры в успех его планов. Тогда неожиданно поднялась другая тень, угрожавшая расстроить все наши расчеты, а именно,—хорошо приуроченный бунт среди железнодорожных рабочих, рассчитанный на то, чтобы парализовать наши пути сообщения и сделать невозможной доставку войск и припасов.

РАБОЧИЙ ВОПРОС В РОССИИ.

Генерал Дутов, как я уже упоминал, известил нас, что большевистские агитаторы перешли наши линии для осуществления своей миссии,—но несколько месяцев ничего не было слышно об этих эмиссарах зла. Теперь мы приблизились к критическим моментам операций 1919 года: раскаты бури слышались по всем направлениям. Были приняты необходимые военные меры, но в английских глазах одного подавления было мало. У себя мы привыкли, что рабочий класс представляет спинной хребет государства, и если труд плохо оплачен, то начинает страдать сердцевина государства. В России нет никаких представлений относительно положения труда. Самодержавие никогда не занималось им. Последней мыслью царя о рабочей реформе было уничтожение доброй водки; после этого он погиб. Офицерское сословие, составляющее большую часть русского общества, никогда не занималось этим вопросом. В государственных законах России не существует особого рабочего кодекса и весь ужас заключается в том, что те, которые до сих пор претендовали на роль вождей рабочего класс, отказывались бороться за законы, защищающие труд. Они верят, что «закон» для рабочего, лишенного самых элементарных прав, является последней вещью, о которой он только может думать; что единственным способом для рабочего получить права является уничтожение всякого «закона». И они осуществили это с мстительностью. Профессиональный русский лидер рабочих—анархист и ничего больше.

Такова, следовательно, была проблема, с которой мы должны были иметь дело, причем в нашем распоряжении было всего несколько недель. Для русского рабочего это был прежде всего социальный вопрос, для нас—и социальный и военный. В заклю-

чение генерал Нокс попросил меня предпринять мирную пропаганду вдоль железной дороги, чтобы увидеть, возможно ли убедить рабочих стать на работу и дать стране возможно интенсивную работу для восстановления порядка. Я пришел к заключению, что если хоть что-нибудь можно сделать для придания практического и устойчивого характера русскому трудовому сознанию, то стоит попытаться выполнить это.

С самого начала я встретился с затруднением, заключавшимся в том, что я не мог предложить рабочим что-нибудь определенное взамен их согласия поддержать сражающуюся часть русского общества. С пустыми руками нечего было рассчитывать на что-нибудь крупное. Единственный человек, который мог говорить за правительство, был сам верховный правитель, и к нему-то я и обратился со следующим письмом:

(Копия)

Омск. Сибирь.

4-го февраля 1919 года.

Его Высокопревосходительству Адмиралу Колчаку, Верховному Правителю.

Сэр. Генерал-майор Нокс, Глава Британской Военной Миссии в Сибири, поручил мне предпринять объезд железнодорожных мастерских вдоль Сибирской железной дороги с целью обратиться к рабочим и призвать их к тому, чтобы отдать весь свой труд Русскому Государству в продолжении настоящих и будущих военных действий, не соединяться в стачечное движение и не учинять всего того, что может помешать продвижению войск и военных припасов, пока не будут закончены военные действия против врагов. Причем я указал генералу Ноксу, что, желая взять на себя эту миссию, я боюсь, что она окажется совершенно бесполезной, если я не смогу обещать рабочим от имени русского правительства некоторого улучшения в их положении.

1. Например, мне сообщили, что некоторые железнодорожные и другие государственные рабочие не получают заработной платы для содержания себя и своих семейств иногда по нескольку недель, а в других случаях и месяцы. Если это так, то невозможно ожидать, чтобы рабочие были довольны, и чудо, если они соглашаются работать, как они это делают до сих пор.

Необходимо, чтобы я был в состоянии обещать им, что эти непорядки будут исправлены и плата в будущем будет выдаваться во-время.

2. В России не существует много такого, что считается необходимым для поддержания промышленного мира и порядка в таких индустриальных государствах, как Англия. Я допускаю, что в настоящее тревожное время для страны можно осуществить только сравнительно немногие реформы созидательного характера, но все же задача моя будет облегчена, если я смогу сказать рабочим, что я имею полномочие от русского правительства обещать, что как только порядок будет восстановлен, будут приняты законы для защиты и помощи русским рабочим и их организациям, на подобие тех, которые применяются в Англии.

Если я заручусь чем-нибудь определенным относительно указанных пунктов, я думаю, это окажет содействие в деле умиротворения рабочих классов в России и сильно укрепит власть Вашего Превосходительства в сердцах русского народа.

Подписано: Джон Уорд.

(Копия)

Омск, февраля 5-го 1919 г.

Полковнику Джону Уорду, члену парламента, командующему 25-м батальоном Миддльсекского полка.

Сэр. В ответ на ваше письмо от 4-го февраля, сообщаю вам, что я с громаднейшим удовлетворением узнал, что вы собираетесь предпринять важную миссию обращения к железнодорожным рабочим и призвать их к тому, чтобы отдать все свои силы для дела России в этот крестный момент нашей национальной жизни. Оба вопроса, которые вы поднимаете в своем письме, не могут остаться без скорого ответа, а потому мне хочется довести до вашего сведения следующее:

1. Повелительная необходимость правильных и регулярных платежей заработанных денег рабочим была предметом моих личных забот, и неотложные мероприятия в этом направлении проводятся правительством. Так как железную дорогу мы считаем такой же важной отраслью, как и армию, то вы поймете, что все, что в силах правительства, будет сделано им в этом отношении, чтобы помочь угрожающему положению.

*

2. Что касается до второго вопроса, упоминаемого в вашем письме, то смею вас уверить, правительство уже установило в своей официальной программе, что рабочие найдут защиту и помощь в законах, которые должны будут укрепить и обеспечить их организацию на началах, сходных с демократическими государствами Европы. Правительство в настоящий момент образовало особый департамент труда, который подготавливает будущее законодательство по этому вопросу, следуя общему ходу конструктивной работы, которая, я надеюсь, будет продолжаться со всей энергией и силой, если позволит военное положение.

Пользуюсь настоящим случаем, чтобы выразить вам, как глубоко ценю тот интерес, который вы проявляете к нашему положению, и то ценное содействие, которое вы так великодушно предлагаете в этом важнейшем деле умиротворения рабочих классов в России.

Искренно преданный вам А. Колчак.

Вопрос, который предстояло теперь решить, был таков: какую позицию займут анархисты при нашем новом проповедничестве?

Влияние правительства Колчака видно, между прочим, в правильном ведении дел, связанных с железнодорожным хозяйством и вообще доставкой грузов.

Не раньше, чем мы достигли Кемчуга, мы могли заметить какой-нибудь признак, что здесь еще оставался неостывший пепел социального ада, который промчался над страной. В этом пункте линия охранялась сильным отрядом, расположенным в бараках около полотна. Начальник отряда сообщил нам, что как раз в этом пункте восставшие произвели нападение, причем захватили на несколько часов движение, но были выбиты, не причинив какого-либо серьезного ущерба; отступая, они подожгли станцию. Он предупредил нас, что мы можем подвергнуться различным случайностям на пути к Красноярску; однако, мы прибыли туда благополучно 25 февраля.

Красноярск—красивый большой город на р. Енисее. Мост через реку постоянно привлекает к себе внимание мятежников. Гарнизон состоит из одной роты 25-го Миддльсекского полка, итальянского батальона, недавно сформированного из итальянских пленных и вооруженных Англией, четырех сотен каза-

ков и одной роты чехов из 10-го полка, прибывших незадолго перед тем. Здесь имеются также большевики, обитающие на возвышенных частях города [1]). В день старого русского Нового года они устроили митинг и вынесли резолюцию, признававшую необходимость убийства всех армейских офицеров везде, где они окажутся изолированными от помощи своих товарищей. Командующие войсками ответили на это тем, что распорядились окружить батареей большевистскую часть города и предупредили, что за каждого убитого офицера будет дан залп по большевистским квартирам. Пока-что не убит ни один офицер. Часть сербов, вооруженных для содействия охране жителей, была поймана в продаже оружия и аммуниции большевикам; среди ночи они были окружены и обезоружены; при этом был убит один казак. Солдаты 25-го Миддльсекского полка были на-готове во время этой операции, на тот случай, если потребуется их содействие.

25-го мы двинулись к Иркутску, получив предостережение, что дорога к Канску фактически в руках повстанцев. Около 8 ч. вечера мы прибыли в главную квартиру генерала Афанасьева, который зашел ко мне в вагон и дал подробное описание положения. Силы неприятеля доходили до 8.000, тогда как правительство - располагало всего 3.000. Последние были разбросаны маленькими отрядами на протяжении сотни верст и прижаты к самой железнодорожной линии.

Было очень интересно узнать о настоящих причинах восстания, так как главные пункты недовольства и жалоб изложены в прокламациях самих повстанцев. Последние большею частью состоят из богатых крестьян, которые владеют таким количеством земли, которое во многих случаях равно пространству, занимаемому, напр., Рутландским графством. В 1917 году они насильственно захватили хозяйственный инвентарь, имущество и земли крупных землевладельцев, убив последних вместе с их семьями.

Другой важный элемент, составляющий армию повстанцев,— беглые каторжники старого режима, выпущенные большевиками; они скрылись в тайгу от преследований, образовав, повидимому,

---

[1]) Уорд разумеет здесь рабочих Красноярска, населяющих гористые предместья города. *(Прим. перев.)*

самый страшный и дикий сорт людей во всем мире. Богатые крестьяне незаконным образом кормили и укрывали этих каторжников, с целью: во-первых, откупиться таким образом от их враждебности к себе самим; во-вторых, заручиться их помощью для сопротивления чиновникам нового правительства, назначенным для обследования способов обогащения этих крестьян за счет их убитых соседей; в-третьих, для того, чтобы помочь крестьянам не только не платить никаких налогов и недоимок, но, вообще, не производить каких бы то ни было казенных платежей в будущем. Последний пункт как раз выдвигается в крестьянской прокламации, в которой говорится также, что поскольку революцию начали городские жители, несправедливо требовать от крестьян платежей за убытки, причиненные в городах; далее крестьяне утверждают, что как раз городские жители продолжают сражаться друг с другом, и пока они не кончат своих междуусобий, крестьяне не будут платить каких-либо налогов или оказывать содействие правительству. Наконец, тот же самый союз крестьян с беглыми каторжниками помог им сопротивляться мобилизации, объявленной колчаковским правительством.

Как уже выше указывалось, все мелкие правительства и генералы, включая Деникина, поспешили признать Омское правительство, когда адмирал Колчак принял власть, исключая одного полковника Семенова. Он, как известно, получал регулярные субсидии от японцев, с целью дать ему возможность помешать распространению власти адмирала до Владивостока, и, только благодаря этим инструкциям и защите, Семенов отказался признать власть Омского правительства, издавая нахальные манифесты против верховного правителя. Крестьяне к западу от Байкала ухватились за это обстоятельство и говорили в своих прокламациях, что, поскольку полковник Семенов отказался придавать значение распоряжениям Колчака к востоку от озера и при этом получил поддержку одной из союзных держав, постольку и они имеют основание поступать таким же образом на западной части озера. Это показывает, как японское влияние оказалось пагубным как для создания порядка, так и для поддержания его. Япония и Семенов снабдили повстанцев как раз необходимым для них предлогом. Действуя так, Япония созда-

вала и расширяла арену анархии и делала задачу своих союзниц и Колчака более затруднительной, чем это могло быть при других условиях.

Конечно, такая аргументация не давала никаких логических оснований для позиции крестьян, но всякий, кто хоть немного знает Россию, согласится, что это как раз подходило к их психологии. Народ этот более невежественен, чем самые захудалые сельско-хозяйственные рабочие у нас в Англии. Они владеют и живут на огромных земельных пространствах, размерами в некоторых случаях с большое английское поместье. Но уровень их жизни во многих отношениях ниже, чем у нашего безземельного фермерского рабочего. Невежество их колоссально, а их жадность и ловкость составляют предмет зависти армян, которые открыто признаются, что в торговых сделках русский крестьянин превзойдет еврея в обмане [1]).

Желая использовать в своих целях революцию, принципы которой внушают им отвращение, это богатое крестьянство не хочет теперь оказать ни малейшей помощи в деле восстановления порядка.

С глубоким интересом я прочел эти документы, которые совершенно подрывают английскую легенду о безземельном русском крестьянине, изнывающем на нескольких акрах земли.

Мы прибыли в Иркутск и приступили к обследованию положения. Когда мы проезжали его за четыре месяца перед тем, это был центр сибирской жизни. Официальная нерадивость низвела его, однако, на положение третьестепенного города.

Мне очень хотелось узнать, как процветает новая румынская дивизия под французскими ауспициями. Четырнадцать тысяч ружей было оставлено здесь за несколько дней перед тем одним нашим поездом с военными запасами. Местные русские власти ничего не знали об этом: с ними даже и не советывались по этому поводу. По их сведениям, в округе живет до трех тысяч румын, из которых большая часть прониклась большевистскими взглядами. Я начал допытываться по обыкновенным английским

---

[1]) Крестьянское движение в Сибири во время революции все еще ждет своего *первого* историка, так как разбор его, данный эсером Е. Колосовым на страницах «Былого», № 20 за 1922 год, трудно признать вполне объективным и методологически правильным. *(Прим. перев.)*

инстанциям, но все они оказались в полном неведении. Посещение русского железнодорожного управления обнаружило факт, что какой-то французский офицер подписывал приказы о задержании в Иркутске вагонов, содержащих ружья, и таким образом было выгружено до трех тысяч ружей, причем остальной запас ружей французы предлагали направить в Томск, где они надеялись распределить их среди сербских банд с большевистскими тенденциями. Уже одни эти факты указывают на очевидную необходимость, чтобы английская помощь давалась бы только английскими руками.

Русские офицеры стали приобретать свои старые характерные привычки, начали заполнять увеселительные дома и рестораны города, и очень мало вспоминали о своих полуодетых сотоварищах, продолжавших тяжелую борьбу вдоль Уральских гор.

МОЯ КАМПАНИЯ.

Мой первый митинг состоялся в ремонтной мастерской в Иркутске, 4-го марта в 3 ч. пополудни. Собралась большая толпа рабочих, мужчин и женщин. У русских женщины работают на железных дорогах в таких отраслях, как очистка вагонов и платформ, подметание снега, скалывание льда, и даже в ремонтных мастерских бывала некоторая примесь прекрасного пола.

Аудитория с большим вниманием слушала о развитии в Англии трэд-юнионистского движения. Большинство соглашалось с развитым мною положением, что ни один вопрос не может быть решен спорящими путем взаимного истребления. Но тут присутствовало около полудюжины членов международного рабочего союза, с надвинутыми на лоб широкополыми шляпами, небритые, точь-в-точь вроде тех типов, которых видишь на митингах в Лондоне, Ливерпуле и Глазго. Они не были железнодорожными рабочими: один держал парикмахерскую, другой был учителем, один русским врачем, один адвокатом. Тем не менее, все они были официальными представителями единственной формы союзов, существующей в русской Сибири, и представляли кружок революционеров, связанных общею целью—грабежом и убийством каждого порядочного человека, будь то рабочий или буржуа, если только он отказывается поддерживать политику анархии. Эти пять или шесть определенных злодеев образовали что-то вроде Кровавого Братства, и, прикрываясь анонимностью, издавали воззвания от имени русских рабочих, которым последние не могли сопротивляться, боясь применения грабительского терроризма. Сделалось обычным явлением каждое утро находить трупы людей, принадлежавших ко всем классам обще-

ства и убитых ночью членами таких кружков. Не существовало никакой системы законности или помощи; всякие следы правосудия были стерты и все эти преступления оставались безнаказанными. Иронией было то, что все эти акты признавались совершенными в интересах прогресса и реформы и от святого имени труда [1]).

Иркутский кружок задавал вопросы, которые были расчитаны не на то, чтобы выяснить какой-нибудь факт, связанный с положением рабочего вопроса в России или в Англии, а на то, чтобы произвести некоторого рода скандальный эффект, в роде следующих:

«Почему должны мы довольствоваться половиной, когда мы можем уничтожить буржуазию и воспользоваться всем?»

«Почему мы должны стремиться к восстановлению закона, который всегда позволяет немногим грабить многих?»

«Не будет ли более справедливым если позволить большинству продолжать грабить немногих?»

«Разрушая помещичье и капиталистическое производства, разве русский пролетариат не возвращает просто обратно свою собственность?»

«Разве не правда, что, чем систематичнее и действительнее мы уничтожим буржуазный и помещичий класс и все учреждения, связанные с ним, тем легче можно будет создать новый порядок?»

Все эти вопросы были очень тонки и трудны для письменного ответа на митинге русских рабочих, не умеющих ни читать, ни писать. Было весьма предусмотрительно, что госпожа Франк, издательница журнала «Русская армия», сделалась секретарем на время этой миссии. Она овладела каждым из обсуждавшихся вопросов, и развивая одно положение за другим, показала, как эти начала, проведенные в жизнь, повели к общему

[1]) Конспиративные рабочие организации, преследовавшиеся правительством Колчака за свою непримиримую революционность, представляются Уорду на подобие ирландских террористических «братств» (Irish Brotherhoods), память о которых английское общество сохранило еще со времени бурных 80-х годов. Не приходится и говорить, что автор записок не понимает исторических форм русского рабочего движения: иначе он не стал бы лечить его проповедью английского трэд-юнионизма.

(Прим. перев.)

разрушению всего хорошего и честного в России. Влияние этой маленькой женщины на простых русских рабочих было действительно замечательно.

Следующей нашей остановкой была Иннокентьевская, где начальники работ посмотрели на дело так, что ясно было видно, что они предпочтут идти на экзекуцию, чем принять участие в рабочем митинге. Профессионалы остались в стороне, и аудиторию составляли одни железнодорожные рабочие. У них много общих свойств со средними английскими рабочими; они с жадностью слушали о способах организации лучших английских трэд-юнионов. Они не имеют никакого представления об этих вещах и об успехах, сделанных нами для улучшения положения рабочих масс вообще, а их профессиональные вожди изображают английский трэд-юнионизм, как буржуазное движение, и на деятельность наших трэд-юнионов смотрят, как будто бы нами руководит и нас организует не кто иной, как капиталист. Они удивились, узнав, что мы представляем единственную исключительно рабочую организацию в мире, что мы не позволяем, подобно им, докторам, адвокатам и просто политикам, вести наши дела, но настаиваем всегда на том, чтобы иметь трэд-юнионы в своих собственных руках. Один старый русский машинист спросил: «Если англичане нашли выгодным предоставить свои организации исключительно рабочему классу, почему не сделают того же самого немецкие рабочие?» Я отвечал: «Когда движение начинается неправильно, то бывает трудно исправить его; также и здесь: все, не входящие в трэд-юнионы, борются за места в них, и если им удается проникнуть туда, они или проваливаются сами или скорее подрывают трэд-юнион, чем помогают ему, а те, которые не могут войти, остаются вне их, но не хотят устраниться от рабочего движения; так что русские рабочие, организуясь в трэд-юнионы, должны сразу же встать на правильный путь и освободиться от всякого элемента, не принадлежащего к рабочему классу».

Мы остановились на станции Зима—месте моего острого столкновения с вооруженными стачечниками несколько месяцев тому назад. Митинг в мастерских прошел с большим успехом. Интересно отметить, что, хотя во время моей предыдущей встречи с этими рабочими, мне пришлось принять позу военного

диктатора, рабочие не высказали никакого неудовольствия и строго выполнили соглашение, которое я провел с помощью штыка. Они были рады, что и я со своей стороны выполнил обещание, не забыв их интересы, как только представился удобный случай.

Нижнеудинск не входил в мое расписание, но ко мне была обращена специальная просьба поговорить с тамошними рабочими; поэтому мы сделали необходимые распоряжения и посетили этот пункт в воскресенье, 8-го марта. Это был, кажется, самый крупный митинг из всех бывших до него. Начальство соорудило специальную платформу в огромной машинной мастерской и само приняло живейшее участие во всем происходившем. Было очень утомительно, но если в результате все же брошены семена порядка и прогресса, то усилия стоили того.

Вагон наш был прицеплен к медленно двигавшемуся поезду, шедшему на запад, и потому мы прибыли в Канск только вечером 10-го.

Канск самый крайний восточный пункт арены, на которой разыгралось восстание. Некоторые интересные факты относительно него мы узнали от железнодорожных служащих. Бунт вспыхнул неожиданно 26-го декабря, в то же самое время, когда начались беспорядки в Омске и Куломзине, и сразу же был направлен к овладению железнодорожным путем. Военная охрана в Канске состояла из одного офицера и пятидесяти солдат. Офицер расставил своих часовых в различных местах на некотором расстоянии друг от друга, а солдаты, составлявшие его личную охрану, проснувшись, нашли, что их помещение и оружие находятся в руках полудюжины вооруженных лиц. Мародеры закричали: «Ваш офицер убит!» и приказали им спокойно лежать, пока они не заберут ружей. Покончив с этим, они двинулись к помещению офицера, который, найдя своих солдат уже обезоруженными, бросился удирать от них без единого выстрела. Весь отряд большевиков был силою в пятнадцать человек, и эти пятнадцать человек держали в своем повиновении станцию и город с населением свыше пяти тысяч в продолжение двадцати пяти часов. К этому времени подошел эскадрон казаков, и большевики отступили. Отойдя не далее 60 верст, они окопались, защищенные от мести Колчака глубокими снегами сибир-

ской зимы, которая делает невозможными все операции за линией железнодорожной колеи.

Здесь состоялся блестящий рабочий митинг в огромной мастерской, замечательный своим спокойным энтузиазмом и очевидной надеждой на лучшие времена. Совершенно ясно, что русский рабочий утомлен революцией. Им обещали Эльдорадо, а создали ад. Они просто хотят найти путь, чтобы избавиться от этого ночного кошмара. Они голосовали резолюцию благодарности мне и английским рабочим, от лица которых я говорил.

12-го мы двинулись в Красноярску и нашли необходимым приготовить пулеметы и госпитальные принадлежности. Простояв с оружием всю ночь, мы прибыли 13-го на станцию Клюквенную, где помещалась русская главная квартира; тут мы узнали, что правительственные войска отогнали неприятеля от полотна дороги и что остаток пути до Красноярска может считаться безопасным. Туда мы прибыли в среду, 13-го, в 9 ч. 15 м. вечера.

Красноярск—большое железнодорожное депо со строительной и ремонтной мастерской, насчитывающей до 3 тысяч рабочих. Здесь оказалось необходимым устроить два митинга. В первом случае была очень спокойная интересующаяся толпа, которая слушала мое обращение к ней, как будто понимала его значение и смысл. Галантный русский полковник перевел первую часть ее, госпожа Франк—вторую. Впечатление, созданное этой бравой женщиной, лично командовавшей ротой перед тем как Керенский разрушил армию, было действительно велико. Нельзя было сомневаться в эффекте ее слов, когда эти пропитанные маслом рабочие подняли свои папахи, приветствуя телеграмму от английских трэд-юнионов, которую она им сообщила.

Этот город—центр международных интриг. Тут расположены: итальянский батальон силою в 1500 чел., чешский 12-й полк и британский Миддльсекский отряд. Для поддержания своего престижа Франция вооружала латышских повстанцев по мере того, как генерал Афанасьев мог разбивать и разоружать их. Итальянские солдаты были на плохом счету и у жителей и у местных русских гражданских и военных властей. Грабежи и нападения стали почти ежедневными происшествиями, пока, наконец, власти официально не пожаловались главной квартире Союзников, прося или подчинить итальянцев соответ-

ствующей дисциплине или увезти из страны. Главная жалоба русских властей основывалась на открытой враждебности союзных офицеров, руководимых самым старшим из них, по отношению ко всякому русскому.

Так легко сделаться другом русского народа, и подобная поза его так называемых помощников была очень печальна. Когда я высадился во Владивостоке, я не раз говорил в приказах, что мы, англичане, пришли, как друзья, помочь России встать на ноги, и всегда старался держать это в моем сознании. Я часто удивлялся, что за инструкции были даны моим союзным коллегам!

На следующий день мы прибыли в Боготол, где, получив инструкции от консула Пикокка, я произвел расследование о заключении в тюрьму некоего австралийского подданного, по имени Савинова. Власти предоставили dossier его дела, которое доказывало, что он является предводителем большевиков, помощником командира вооруженного отряда, который пытался перебить местные власти. Его казнили вскоре после этого вместе с Титовым, его начальником, который был членом Центрального Комитета Балтийского флота, и по приказу которого было убито около ста морских офицеров старого режима.

Митинг прошел с обычным подъемом и интересом и начальник работ был доволен надеждой, которую мы вселили в него и в его рабочих.

Следующий митинг был на ст. Тайга, и это было действительно крупным событием. В главной мастерской была построена специальная платформа, вокруг которой шумело до двух тысяч рабочих. Народ смотрел на митинг, как на возрождение русской жизни. Здесь в продолжение уже двух лет не было ни одного митинга, исключая подпольных собраний заговорщиков. Я призывал людей отложить в сторону анархию и заняться восстановлением порядка в новом русском государстве, в котором им гарантировано теперь место. Перевод г-жи Франк произвел глубокое впечатление на этих утомленных трудом мужчин и женщин. Было ясно, что народ утомлен ужасами революции и желает мира и покоя.

Здесь я виделся с генералом Ноксом, возвращавшимся в Омск, и он сообщил мне о целом ряде важных обстоятельств.

23-го утром мы прибыли в Ново-Николаевск и приступили к приготовлениям для митинга, который должен был состояться в тот же день. Как обычно, я посетил разных командующих и имел долгий разговор с генералом Зайченко, от которого я собрал много сведений относительно положения в этом важном округе. Генерал Зайченко рассказал нам несколько забавных историй относительно попытки французского штаба создать мощный противовес большевизму из германских и австрийских военнопленных. В Ново-Николаевске союзный командующий генерал Жанен выпустил из концентрационных лагерей несколько сот австрийских и немецких поляков и сформировал их в полки. Спеша скорее укомплектовать эти части, он забыл заглянуть в прошлое офицеров, избранных для их командования. Настолько беззаботны оказались французы, что русские власти, проснувшись в один прекрасный день, нашли, что один из самых опасных военнопленных, хорошо известный германский шпион, офицер фон-Будберг, стоит во главе командования указанными союзными войсками. Фон-Будберг, как хороший патриот, постарался подобрать вокруг себя подчиненных из того же сорта людей, что и сам он.

Несколько позже французскому штабу стало известно, что представляет из себя его детище, и он стал просить у русских властей помощи и совета для разоружения своего нового германского легиона. Неожиданное появление нескольких польских частей, при содействии некоторых новых русских отрядов, бывших наготове оказать немедленную помощь, если окажется необходимость, окончило карьеру этих французских protégés, которые были разоружены и отправлены обратно в свои лагеря.

Помощь союзников России похожа на траги-комический фарс и является тайной даже для человека, посвященного в нее. Прямое и немедленное признание Омского правительства было бы честной рукой, протянутой для честного дела, но что бы тогда делала союзная дипломатия? Дипломатия только тогда необходима, когда имеет в виду дальнейшие цели, а не простое, недвусмысленное содействие беспомощному другу.

Утром 26 марта мы прибыли в Барабинск и, окончив приготовление к митингу, отправились на рынок. Цены были очень высоки даже для местных продуктов и просто абсурдны для

заграничных или привозных товаров. Полковнику Франку нужна была простая безопасная булавка (6 штук на пенни у нас дома); оказалось, что она стоит 7 рублей—14 шиллингов $3^1/_2$ пенса старой монетой и 3 шиллинга 8 пенсов по расчету, из которого платили в британской армии. Все остальное было в соответствующей пропорции.

28-го мы прибыли в Омск и 29-го я сделал длинный доклад адмиралу, который выразил мне свою сердечную признательность и настаивал на необходимости продолжить мою поездку к Уралу. Он получил от заведующих управлениями донесения, утверждающие, что результатом моей миссии было улучшение общего настроения рабочих. Его горячим желанием было, поэтому, чтобы дело приобщения рабочих к государственным интересам продолжалось бы и далее с той же энергией.

Дальнейшее обсуждение общих дел, в особенности политики французского командования в Сибири, заняло нас во время чая. У меня существует полное доверие к характеру адмирала, но пигмеи, которыми он окружен, то и дело вставляют палки в колесницу государства. Тут нет ни одного, которому бы я доверил управление мелочной лавкой, а не только государством. У них нет никакого представления о долге государственного человека. Мелкие кляузы личного соперничества и прибыльных делишек занимают все их время, если только они не заняты свойственным им делом поступать на зло верховному правителю. Патриотизм офицеров и солдат на фронте и средневековое рыцарство казаков—единственные вещи, оставшиеся для восстановления России. Это естественно ограничивает архитектурные черты нового здания, но пионер всегда ограничен в выборе подходящего материала.

ОПЯТЬ В ОМСКЕ.

Очень интересно наблюдать за колебаниями общественного мнения в Омске от одной ориентации к другой. Ко времени моего отъезда на восток благожелательная волна катилась в английском направлении. Генерал Нокс отправился в турнэ по Сибири для организации новой армии Колчака. Сэр Чарльз Элиот уехал в Гонконг. Генерал Боуес остался замещать генерала Нокса, а полковник Робертсон—сэра Элиота. В три коротких недели исчез всякий след английского влияния. Англичан не было нигде; зато расположением стали пользоваться в одинаковой мере французы и японцы.

Последние или научились, наконец, как держаться по отношению к русским, или же получили соответствующие инструкции из дома. В продолжение первых трех месяцев моего пребывания в Сибири они держали себя в высшей степени надменно, но после заключения перемирия с Германией—на победу которой над союзниками они возлагали все свои надежды—их было просто не узнать: настолько изменился внешний вид их отношений. Они говорили о своем союзе с Англией, о своей дружбе к России, о своей любви к Франции. Когда японцы хотят, они могут казаться очень любезными, даже настолько милыми, что трудно противостоять их авансам. Таково было их отношение ко всем, исключая китайцев, к которым они питают величайшее презрение, и американцев, которых они боятся. Когда поле действий осталось свободным, их политика стала делать большие успехи.

Французские методы были совершенно другими. Их прием—салонная атака, т.-е. как раз то, где обыкновенный британец играет довольно плачевную роль. Отсюда арена была для них

открыта, и они могли вполне использовать свой оппортунизм. При таких обстоятельствах редактор влиятельной газеты, отказывающийся принять взятку за чашкой чая, просто оказывается со своим товаром без спроса на рынке. Высшая же степень участия их дипломатов обнаруживается, когда вы слышите учтивые соболезнования жертвам войны и революции, произнесенные на изысканном французском языке.

Но полковник Робертсон уехал во Владивосток, а его место было занято типичным британцем в лице консула Ходгсона, который сразу же правильно оценил обстановку и меньше чем в сорок восемь часов навел порядок.

Удивительно, как много может значить влияние мужественного и прямого человека, и это доказывает, как необходимо в этом, повидимому, беспрерывном толчении поручать ответственную роль нашего представительства только лучшим людям. Уезжая в свою миссию на Урал, я был в полной уверенности, что в отсутствии генерала Нокса наши интересы в Омске не потерпят ущерба, поскольку они будут находиться в руках нашего старшего консула.

После бесконечных хлопот с русскими должностными лицами, я выехал к западу 5-го апреля. Миссия состояла из полковника Франка (моего адъютанта), г-жи Франк (переводчица), майора Гордона и эскорта из двадцати двух солдат с пулеметом. Мы посещали на этот раз прифронтовую полосу и города, которые не так давно были очищены от большевиков, так что было интересно узнать, насколько их идеи проникли в сознание народа. Новые русские армии стремительно двигались вперед. Их продвижение было более общим и постоянным с конца ноября 1918 года, когда чехи окончательно отказались участвовать в наступлении на Пермь. Когда русские офицеры прочли в январских английских газетах о том, как чехи, итальянцы, французы и союзные войска нанесли поражение большевикам при взятии Перми, это вызвало на их лицах только саркастическую улыбку. Ни один, ни чешский, ни итальянский, ни французский, ни вообще какой нибудь союзный солдат не дали ни одного выстрела после того, как адмирал Колчак принял на себя высшее командование. Необходимо отметить только одно исключение. Броневые поезда с корабля «Суффолькь», под командой капитана Вульфа Муррея, продолжали сражаться

на уфимском фронте до января 1919 г. Только страшные морозы, в связи с необходимостью пополнить снаряжение и силы, заставили их уйти в Омск. Британские моряки, сражавшиеся по Уралу, были единственным напоминанием для русского солдата, что союзники России еще не совсем покинули ее.

Прибыв в Тюмень 7-го апреля, мы устроили хороший митинг для рабочих, которые, повидимому, были довольны, узнав, что большевики едва ли смогут теперь вернуться. Эти рабочие видели в правлении большевиков какой-то ужасный кошмар. Они не могут ни о чем заботиться, если вы их не успокоите на этот счет. Настолько ужасен был сон, от которого они проснулись, в сравнении с цветистыми обещаниями, ими полученными, что я готов думать, что даже Ивана Грозного они встретили бы как спасителя. Но как раз это опасное чувство я больше всего старался разбить, так как эксцессы большевистского режима подготовляют путь—и притом сознательно—для возвращения к абсолютизму.

Мы приехали в Екатеринбург в то самое время, когда генерал Нокс прибыл туда из Челябинска. Первыми его словами было поздравление меня с орденом Бани, новость, которая только что пришла. Я посетил консула Престона и у него прочел доказательства насилий, совершенных большевиками над местными рабочими, собранные трудом его и его французского коллеги. Как раз здесь находился в заключении царь со своей семьей.

Был митинг железнодорожных рабочих и служащих; я был удивлен вниманием и серьезностью аудитории. Они с жадностью слушали рассказ об организации и деятельности наших трэд-юнионов и просили, чтобы был устроен еще один митинг на следующий день в большой вагонной мастерской в центре города. Последующий оказался самым замечательным из всех, на которых я присутствовал. Была сооружена красивая платформа на одном конце главной мастерской. Море голов, покрытое разноцветными папахами, растилалось по полу, в то время, как каждый вагон был покрыт человеческим муравейником; даже на стропилах здания висел человеческий груз. Ясно казалось мне, что началось воскресение России; разрушение России началось с верхушки, напротив, возрождение ее—с фундамента.

---

*

В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ.

Невьянск расположен на европейской стороне Урала. До прихода большевиков это был крупный железоделательный центр, причем одна фирма располагала там тремя тысячами рабочих. Когда я прибыл, многие заводы были брошены, и машины стояли в бездействии. Улицы были пустынны, ибо по подсчетам погибло около половины населения. Остаток жителей храбро собрался, и если установить порядок и что-нибудь вроде законности, то можно рассчитывать, что они возобновят свою жизнь. Мы говорили с ними, ободряя их продолжать борьбу против ржавчины, проевшей их дома и родину. Надежды их, кажется, проснулись, когда они узнали о симпатии к ним английского рабочего класса. Я доволен, что они не знают о том, что и у нас имеются безумцы, желающие нанести такие же раны родной стране.

Фунт сахара стоит тридцать пять рублей, пара галош двести пятьдесят рублей, фунт хлеба семь руб. Эти вещи как раз мы собирались купить, а потому и узнали о их ценах; пришлось ограничиться одним хлебом, без которого мы не могли обойтись. Тиф свирепствует почти в каждом доме. Генерал Нокс сделал себе прививку, и я тоже решил рискнуть. Доктора повсюду исчезли, вследствие ненависти к каждому получившему буржуазное образование.

На следующий день мы прибыли в Тагил, где были такие же следы разрушения, хотя и в меньших размерах. Около городского сквера лежала в грязи статуя Александра II, сброшенная революционерами, а рядом с ней была сворочена с пьедестала белая фигура женщины, которая должна была

изображать «Воцарение свободы», образовав придорожное сиденье для пяти или шести ужасных голодных оборванцев. Надпись на памятнике Александра указывает, что он воздвигнут в память освобождения крестьян от крепостной зависимости. Большевики не успели сделать свою надпись; да она и не была нужна: достаточно было покинутых домов и опустевших улиц.

Митинг в Тагиле был повторением других, и мы проехали в Кушву. Местечко это было ужасно разорено.

Большевистский комиссар, очевидно, был просто-напросто анархист. Вся классовая ненависть, которая поколениями копилась при романовском режиме, нашла себе выражение в деяниях этого человека. Количество яда, влитого им в управление и работу, было вполне достойно защищаемого им дела. Но действия его политики произвели результаты как раз противоположные тому, что он ожидал. Первое доказательство его рвения лежало на снегу против железнодорожного управления. Большой несгораемый шкаф с вывернутыми дверцами и с пустым содержанием указывал на силу его принципов. Чиновник, потерявший ключи, был брошен в колодец рядом, для напоминания другим собственникам сейфов. Но этот чиновник не был одинок, так как несколько железнодорожных рабочих, отказавшихся помогать в грабеже, нашли себе водяную могилу со своим старшим. Всего около семидесяти человек, рабочих и буржуа [1]), нашли себе могилу в этом колодце. Но большинство из них не принадлежало ни к какому классу; единственной их виной, казалось, было то, что они считали себя социалистами-революционерами. Последние были объектом наиболее жгучей ненависти со стороны большевистских вождей, которые считали, что лица, именующие себя социалистами и в то же время колеблющиеся принять участие в полном истреблении буржуазных правящих классов, действуют как трусы и изменники общему делу. Эта измена тем тяжелее, если изменивший принадлежит к рабочему классу.

Большевики вполне честны в преследовании своей цели— перенести власть и собственность из рук буржуазии в руки

---

[1]) Курсив в тексте принадлежит везде автору.

пролетариата. Если член пролетариата настолько сошел с ума, что отказывается принять участие в осуществлении этой схемы, то те, которые силой событий призваны к диктатуре от его имени, имеют право уничтожить его, как несознательного врага себя самого и своего класса. Таким образом, не может быть никакой пощады социалистам-революционерам, которые, проповедуя конечное торжество пролетариата, боятся прямого действия, когда время действовать уже наступило.

Движению большевиков вперед оказало огромное содействие несчастное отложение чешских войск, которые покинули фронт под влиянием своего местного Национального Совета. Генерал Гайда отказался от своего поста в чешской армии и получил командование над правым крылом новой русской армии. Адмирал решил тогда же подвергнуть испытанию свою новую армию, попытавшись вернуть потерянное пространство и, если возможно, спасти остатки воткинских рабочих. Теперь каждый знает, как при температуре ниже 60° недавно мобилизованные сибирские рекруты восстановили былую славу русского солдата, выбив войска террористов из их позиций и совершенно разбив их под Пермью. Вообразите удивление генерала Голицына, когда при наступлении обнаружилось, что воткинские рабочие удержали свои позиции и оказали ценную помощь спешившим их освободить сотоварищам.

Революция в России может изменить некоторые вещи, но едва ли она произведет много перемен в характере народа. Железная гора в округе Кушва представляет иллюстрацию смешения средневековья и индустриального модернизма в промышленном развитии России. Верхушка горы увенчена православной церковью, и немало усилий было потрачено на то, чтобы устроить перенос ее в менее возвышенное и менее ценное место. Мне сообщили, что даже простой намек на это кончался фатально для инициаторов, и этим они достигли того, что едва ли предложение будет повторено. Совершенно невинно я сделал намек на этот счет, но вызвал такую бурю, что только мое невежество иностранца обеспечило мне прощение.

Мы двинулись в Пермь с остановкой на Верхнетуринских заводах. Здесь работало от четырех до пяти тысяч рабочих, изготовляя все, начиная от чугуна и кончая машиностроe-

нием; они были оборудованы лучше всех других заводов, виденных мною на Урале. Единственный недостаток—отсутствие порядка. Старый режим делал все для борьбы с этим, поставив даже промышленное развитие всего этого минерального округа под особое покровительство царей. Большевики разрушили государственное управление этими заводами; буржуазия уже бросает жадные взоры на эти грандиозные промышленные предприятия, и омские министры потирают руки в надежде поживиться при передаче этих концессий. Как тщетны оказались надежды тех, кто полагал, что революция разовьет общественный контроль над всеми естественными богатствами. Государственные земли уже разошлись по кусочкам в руки богатых крестьян, которые в результате этого расхищения установят крупную земельную аристократию, и, если я не ошибаюсь, последняя готова превзойти крупную государственную промышленность, создавая аристократию земельного капитала.

В Туринске мы наткнулись на сержанта Кольмэна, из Дургэмской легкой пехоты, единственного англичанина, который проделал путь из Архангельска с партией русских, отправившихся с севера для соединения с русской армией. Они проделали кружный путь, обходя уезды, занятые большевиками, а потому и не могли сообщить нам что-нибудь интересное. Вся партия под командой русского офицера в английской форме была прицеплена к моему поезду для отправки в Пермь, где их ждали инструкции тотчас же отправиться в Омск.

Рассматривая повреждения, нанесенные уличной борьбой во время взятия Перми, мы наткнулись на толпу красногвардейцев, которая перешла фронт у Глазова и сдалась генералу Гайде. Для переклички они были построены в колонну по четыре на рыночной площади. Я изучал их лица и общий вид, придя к заключению, что если мировой прогресс зависит от таких, как эти, то человечество стоит на очень скверном пути. Здесь были киргизы, монголы, татары, китайцы, смешанные с небольшим числом русских крестьян, рабочих и другого простонародья; среди них было довольно много «старых солдат», что их и делало страшными. Странная мысль пришла мне в голову—поговорить с этими людьми. Предложение, сделанное почти в шутку, было

принято в серьез моим адъютантом, полковником Франком, который переговорил по этому поводу с комендантом станции, полковником Николаевым. Сначала тот встретил слова Франка враждебно, но, узнав сущность того, что я предполагаю изложить, согласился и назначил митинг на следующий вечер, 22 апреля, в 6 ч. в. Из всех митингов, которые мне довелось устраивать, это был единственный в своем роде. Большевистские солдаты стояли внимательно и слушали меня с большим интересом. Один или двое из них были матросами и кое-что, повидимому, понимали по-английски, что было видно из того, как они шептали своим соседям, передавая некоторые места моей речи. Госпожа Франк перевела ее в удивительной передаче. Когда она повторила мою картину неубранных полей, разрушенных домов, оскорбленных женщин и гибнущих детей, как результат не вражеского нашествия, а их собственных рук, междуусобия русских с русскими, слезы показались на этих испуганных лицах. Ясно было,—эти люди чувствовали, что их обманули, и охотно постарались бы загладить свои прошлые преступления. Некоторые добровольно предложили свою помощь Родине, чтобы поднять ее из опустошений, причиненных ими, и учинить правосудие над теми, кто ввел их в заблуждение; но полковник Николаев просил их не забывать, как велики их преступления, и сказал, что только время может излечить раны и смягчить горечь, причиненную их поведением. Некоторые из солдат заявили, что они вовсе не большевики по своим взглядам, но были принуждены стать солдатами красной армии, из которой не могли дезертировать, пока их деревни не были заняты армией Колчака, так как иначе все их семьи, удерживаемые как залог их хорошего поведения, были бы убиты. Последнее, по их словам, происходило бесчисленное количество раз, когда семьи находились в руках большевиков.

Ценность рубля в Перми была в это время около одного пенса. Моим офицерам и солдатам платили по расчету 40 рублей за 1 фунт стерлингов. Лагерь пленных находился за $3^1/_2$ версты, и митинг продолжался час пять минут. Плата за переезд на дрожках была 100 рублей. Все остальное было в такой же пропорции. Например, обыкновенные папиросы—по рублю за штуку. Если бы я выкуривал в день два десятка штук или

угощал моих многочисленных посетителей, то половины моего полковничьего жалованья как не бывало. Тут что-то неладно с валютой, в результате чего офицеры находятся в состоянии бедности нисколько не лучшей, чем население, совершенно разоренное революцией. У меня нет средств для исправления этого, но весьма мало устраивает получать рубль по стоимости шести пенсов, а расходовать по расчету рубль за пенс. Чего же еще больше? Если бы мне платили стерлинги в золотой валюте, я мог бы получить за каждый фунт—рублей по 200 по местной расценке. Заработная плата при большевистском управлении была повышена, но цены были таковы, что одно из наших требований, направленных к Омскому правительтсву относительно рабочих, состояло в том, что заработная плата и цены должны быть в той же пропорции, как при старом порядке.

В мою задачу не входит описание жестокостей, какими опозорила себя пролетарская диктатура в Москве. Когда я не мог избежать в своем рассказе упоминания о них, я делал это без перечисления возмутительных деталей, которыми они сопровождались. История показывает, что невозможно воздержаться от этих эксцессов всякий раз, как страстями толпы сметены все устои гражданского порядка. Наши домашние революционеры должны заранее помнить об этом, а не после того, как началась революция. На них необходимо смотреть не как на случайность, а как на определенность, раз подорваны все корни правопорядка.

Большой митинг, устроенный нами в железнодорожных мастерских, произвел полную сенсацию. Факт, что англичане находятся в Перми, распространился до Омска, и четыре дня спустя появились там японская и французская миссии. Если французы прибыли туда для поддержания своего престижа, то приходится жалеть, что они не выбрали лучших агентов для этой цели. Я был приглашен на завтрак к очень почтенному представителю города господину Пастрокову с женой. Прибыв, я нашел милую даму в большом возбуждении. К ним заходил французский офицер и сообщил хозяйке, что только что прибыла французская миссия, состоящая из трех офицеров; что им необходимо занять три лучших комнаты, кухню и прислугу; что

никакая обстановка не может быть вынесена под страхом наказания из указанных им комнат, и тому подобное. Дама протестовала и сказала французскому офицеру, что даже большевики не требовали части ее маленького дома, когда узнали потребности ее семьи; но офицер заявил, что все неудобства будут уравновешены великой честью, оказанной ее дому присутствием офицеров французской армии. Было бы невежливо по отношению к доблестной французской армии повторить ответ госпожи Пастроковой. Это показывает только, как необдуманно посылать за границу негодных людей для представительства великой и галантной нации. Я естественно напомнил госпоже Пастроковой, что она русская, живет в своей родной стране, под управлением своего собственного правительства, и что она должна довести об этом случае до сведения русских властей, которые и обеспечат французскую миссию всеми удобствами.

Если вам не приходилось бывать в России, то вы не имеете никакого понятия о гостеприимстве. Гостеприимство наших пермских друзей было поистине русское, и я жалел, когда мы должны были уезжать. Господин Пастроков рассказал мне следующий эпизод, относящийся к помощи со стороны Перми в борьбе с террористами.

«Армия генерала Пепеляева была растянута вдоль железной дороги от Перми к Вятке—пункту соединения с Архангельской железной дорогой. Температура стояла ниже 60°, солдаты были без одежды, тысячи погибали от холода, тысячи были в ужасных условиях с отмороженными конечностями. Кой-где не было даже госпитальных приспособлений, а омские министры были глухи ко всем призывам о помощи, занимаясь больше тем, чтобы мешать деятельности верховного правителя, чем стремиться к лучшему выполнению своего долга. В первые дни февраля вопрос о питании армии получил неотложный характер, а омские министры все еще молчали. 10 февраля Пастроков получил приказ немедленно явиться в управление генерала Эпова. Прибыв туда к 11 часам утра, он встретил там девять самых состоятельных граждан Перми. Выглянув в окно, они увидели, что здание со всех сторон оцеплено ротой сибирских стрелков, вооруженных штыками. Вошел генерал и сел за стол; все они продолжали стоять. Взглянув на них и затем на каждого в отдельности, генерал обра-

тился к ним со следующей речью: «Господа, я пригласил вас сюда, чтобы сообщить вам, что там, по железной дороге, между вами и вашими врагами находятся остатки нашей доблестной армии. У них мало одежды, но зато в изобилии лес, так что огонь сохранит их от замерзания; но вот в продолжение десяти дней у них не будет пищи, и если продовольствие для них не будет обеспечено, ничто не сможет помешать им разбежаться или погибнуть с голоду. Я же решил, что не должно быть ни того, ни другого. Омские министры забыли нас, верховный правитель дал приказы, но эти трусы, окружающие его, ничего не делают. Мы сами должны выполнить их долг». Прочитав затем список того, что необходимо для армии, он прибавил: «Вы, господа, должны достать эти вещи в течение десяти дней. Если 21 февраля мы не будем располагать этими запасами, то это будет означать конец всего, что лично вас десятерых касается».

«Он не позволил никакого обсуждения, — продолжал Пастроков,—а если бы он разрешил нам обсудить вопрос, то мы и теперь бы продолжали спорить, а тем временем террористы снова захватили бы Пермь. Я вернулся домой, и невольная дрожь охватила меня. Ко мне был приставлен конвой из пятнадцати человек, так же как и к моим товарищам по несчастью. Многие были обескуражены происшедшим, но я послал за своим другом . . . . и мы вместе наметили план для осуществления приказаний генерала. Недавний факт экзекуции над одним ротным и взводным командирами в одном из полков под командой генерала Эпова, позволившими бежать к неприятелю тридцати солдатам из их роты, во многом содействовал быстроте и определенности наших решений. Мы видели, что имеем дело с человеком, который никогда не отступит от своего слова».

«18 февраля генерал прислал к нам своего адъютанта с извещением, чтобы мы привели в порядок все свои дела, так как будем отправлены на фронт для приведения в исполнение приговора, чтобы голодающие солдаты знали, что они страдают не по вине своих непосредственных начальников, ответственных за положение армии. Пастроков был в состоянии ответить, что все дела налажены и что только дезорганизация железных дорог принуждает просить генерала о четырехдневной отсрочке. Эти четыре дня были даны, по истечении которых припасы были

распределены согласно предписанию. «Что же тогда сделал генерал?» был мой вопрос. «Когда солдаты были накормлены, он бросился ко мне в дом, начал целовать меня и стал бы вероятно на колени, если бы я позволил ему. С тех пор он несколько раз посещал меня, и мы сделались большими друзьями. Вот настоящий русский человек», гордо прибавил Пастроков.

Мы вернулись в Екатеринбург 29 апреля и с удивлением узнали, что генерал Нокс и штаб главной квартиры уехали из Омска и перенесли сюда свое местопребывание. Гемпширский полк уже двинулся, были заготовлены для него бараки и другие приспособления. Первый эшелон прибыл на следующий день. Англо-русская пехотная бригада находилась в периоде формирования и, повидимому, обещала большой успех. Туда начали назначать многочисленных офицеров морской бригады, которые прибыли и для которых долго не могли подыскать подходящего места. Вот уж действительно гениальная была мысль у нашего военного министерства — наводнить нас инструкторами и солдатами для новой русской армии, из которых едва ли хоть один мог сказать слово по-русски. Я определенно чувствую, что русские и мы вполне справимся вместе с затруднениями, настолько мы похожи друг на друга. Омск и Уайтхол действительно типичны; каждый из них прежде всего исчерпает все возможные ошибки и, когда больше их уже не остается, вступает на правильный путь. Единственная разница у них в мотивах. Наши большей частью обусловливаются общественным мнением, которое всегда на стороне воспитанной посредственности; у них побудительная причина обыкновенно связана с личными эгоистическими соображениями. Разница между нами также и в примерах: все наши правительственные теории исключают возможность скрытой личной выгоды при ведении государственных дел; по русской же точке зрения, ни один знающий чиновник никогда не станет вести деловых сделок для государства, если они лично не дают ему никаких выгод. Если же чиновник пренебрегает представляющимися ему возможностями, то возникает подозрение, что угрызения совести делают его негодным для защиты государства. Другими словами, чиновник, оказавшийся бедняком в конце приличной государственной карьеры, никогда не получит доверия для ведения общественных дел. Обычный их

аргумент тот, что они не хуже других, забывая, что эти исключения только подтверждают правило, в то время как в России честный чиновник скорее исключение. Прежде всего, конечно, общественное мнение определяет уровень поведения, принятый данной страной. Мораль изменяется со временем так же, как со странами и народами. Гарем представил бы неудобства в Лондоне, но является благословением Аллаха в Константинополе.

Я вернулся в Омск 3 мая, а 5-го была получена из Лондона специальная депеша, откладывавшая мой отъезд во Владивосток. У меня была длинная беседа с генералом Ноксом относительно моего путешествия по Уралу и данных, собранных мною об ископаемых и производительных ресурсах тех округов, через которые я проезжал. Лондонская депеша привлекла наше внимание, и так как верховный правитель назначил мне на завтра последний прощальный прием, то мы коснулись также возможных тем моего завтрашнего разговора. Было решено отложить мой отъезд во «Влади», пока не будут решены согласно с инструкциями все дела, указанные в депеше.

Моя аудиенция у верховного правителя была очень задушевной, и он особенно благодарил меня за помощь, оказанную ему в России в мрачные дни ноября и декабря 1918 г. Он выразил мнение, что моя миссия к рабочим увенчалась успехом и представляет начало обширного плана восстановления и воскрешения русского государства. Он указал, что все его личные труды посвящены единственной цели восстановления порядка в стране, но что его задача может быть осуществлена только при помощи могущественной армии. Англия оказала ему всякое содействие, но военная проблема все еще занимает все его мысли и исключает всякое активное участие с его стороны в деле социального строительства. По его мнению, министры и другие помощники были в состоянии сотрудничать с ним в этом направлении, но он столько раз ошибался в них, что решил самостоятельно изучать каждый вопрос, а потому был особенно благодарен мне за мое содействие.

Мы выпили вместе чаю, во время которого он сообщил мне, что собирается уехать на фронт для организации дальнейшего наступления вдоль линии Северной железной дороги на Вятку

и на Петроград с надеждой соединиться с силами из Архангельска; он просил меня остаться в Омске до его возвращения, если на это согласится генерал Нокс. Последний представил верховному правителю лондонскую депешу, и я остался, чтобы помочь разобраться в ее деталях.

7 мая глава британской военной миссии генерал Нокс попросил меня помочь ему в составлении ответа на лондонскую телеграмму. Основные положения уже были приняты верховным правителем; было необходимо теперь посоветоваться с министром, ведавшим иностранные дела. Последний отличался какой-то ловкостью, которая очень близко граничит с коварством. В немного лет из него выработается очень ловкий дипломат старой школы, но понадобятся ли люди такого закала при новом порядке вещей, сейчас, в муках родов, трудно предвидеть. Он республиканец, долго живший в Америке и честно думающий, что Россия должна быть скорее ориентирована в направлении республиканских стран, чем исключительно монархических, как Англия. Тут я думаю, что больше знаю его русских соотечественников, и лучше, чем он, понимаю их характер и чувства. Впрочем, он очень молод, очень способен и успеет научиться.

В связи с желанием правителя, депеша и проект ответа были показаны ему. Несколько часов спустя, обедая с одним казачьим генералом, я был спрошен, знаю ли я что-нибудь о лондонской депеше, которая вызвала большой переполох среди членов французской и американской миссий. Я ответил, что, будучи полковым офицером, не прикомандированным к английской миссии, я не имею никакого отношения к депешам, хотя обычно мне сообщают, если приходят важные телеграммы. Я не слышал ни о какой депеше, которая могла бы нарушить покой французской и американской миссий.

Я уведомил об этом консула Ходгсона, заменявшего верховного уполномоченного на время его отсутствия, причем было решено спешить с составлением ответа.

В своей окончательной форме он был составлен генералом Ноксом и мной в его поезде на станции «Омск-Ветка» против помещения русской ставки в 9 ч. 30 м. утра 9 мая 1919 г.

Многое в этом русском «билле о правах» стало бы поперек горла для русских официальных кругов. Верховный правитель, напротив, никогда не колебался ни по одному пункту. Его широкие демократические симпатии были удовлетворены подписью на документе, в котором, он надеялся, заложено основание русской свободы. Какое счастье было для России, что в час ее нужды она призвала такого человека! Нет нужды, каков будет окончательный результат его усилий, успех или поражение, но его сознание и личность дали возможность этому великому народу выйти из пучины, окружавшей его, и повернуть свое лицо к солнцу.

Каким счастьем было, что в этот критический час русской истории Англия была представлена генерал-майором Ноксом. Я никогда не слышал о нем до путешествия в Сибирь, однако, в нем мы нашли человека, соединяющего мужество солдата с высокими качествами государственного человека, созданного для руководительства специальными делами.

Способ, каким мы случайно поставили подходящего человека на подходящее место, не столько акт правительства, сколько дело случая. Мы делали ужасные промахи в этих делах, но в данном случае счастье улыбнулось нам для какой-то цели. Неоднократно, когда робость «политиков» почти разрушала веру русских в честность наших намерений, твердая прямолинейность этой личности наклоняла чашу весов в нашу пользу. Каждый русский полагался на него, исключая тех, кто забыл, что они русские. Такие ненавидели его. Это лучшее свидетельство его ценности. Я очень хорошо понимаю страх некоторых рабочих кругов у нас, что наше пребывание в Сибири могло быть использовано реакционерами в целях восстановления старого порядка. Если бы я оставался дома, то, пожалуй, питал бы такие же чувства. Но я был там и знал, что как раз наше присутствие и делало это временно невозможным. Эксцессы заставили народ, как рабочих, так и крестьян, вздыхать о сравнительной безопасности царского режима. Реакционные элементы только бы обрадовались, увидя, что мы уходим; наше присутствие было предохранением от самодержавия, о котором некоторые из них мечтали. Утомление крестьянства и рабочих революционной анархией давало в руки реакции возможность установить другой

абсолютизм, который ограничивался только влиянием со стороны. Генерал-майор Нокс не писал учтивых депеш относительно движений армии под его командой, но, быть может, своей терпеливой и творческой деятельностью на месте, где решалась одна из величайших мировых проблем, он оказал большую услугу человечеству и демократии.

НА ОБРАТНОМ ПУТИ.

17 мая в Омске стало известно, что верховный правитель находится на пути с фронта. Казачий конвой выстроился снаружи, в то время как отряды русской пехоты в английских мундирах заняли платформу. Русские «Томми» выглядят такими же расторопными, как и наши, и без своих длинных, узких треугольных штыков могут быть легко приняты по ошибке за английские войска.

Ожидая поезда, генерал Нокс сообщил мне, что оба наших проекта, а именно о предоставлении избирательных прав женщинам и о всеобщем обучении не пропущены реакционерами. Почему все церкви в мире так враждебны просвещению народа? Церковь только тогда готова разрешить народу получать образование и воспитание, если они находятся под наблюдением священников. Она предпочитает оставить его в невежестве и сделать легкой добычей шарлатанства большевиков скорее, чем позволить ему выработать сознательное мышление. Против женского избирательного права поднялся совершенно другой сорт людей, это те, которые особенно выставляют напоказ свое чрезмерное уважение к женщинам в гостиных и считают нас, англичан, лишенными галантности, если мы не целуем каждую женскую ручку, которую пожимаем. В общем, я думаю, что хорошо было двинуть их так далеко вперед. Если мерить русским масштабом, это дает в общем целую революцию в идеях управления. Теперь как раз самая главная задача—наметить некоторый пункт, за который политический маятник не должен качнуться, иначе мы пойдем к реакции. Рабочие пресытились

борьбой и с радостью шагнули бы прямо назад к старому режиму, как к легкому способу избавиться от большевизма. Это как раз та опасность, от которой английская дипломатия пыталась и пытается насколько возможно предохранить русский народ.

Таким образом, закончив свое дело в Омске, я начал просить, чтобы насколько возможно скорее были закончены все приготовления для отправления меня с моим эскортом во Владивосток. Приготовления были закончены около 21 мая, когда я решил, что готов двинуться в обратный путь. Верховный правитель удивил меня предложением посетить меня в моем вагоне на станции Ветка и сказать мне последнее прости. В 7 часов пополудни он явился в сопровождении адъютанта; он был очень любезен в своих благодарностях за мои услуги русскому народу. Он сказал, что мой голос, присутствие и влияние помогли лучшим людям сбросить с себя все чувства отчаяния, которые так широко разливались вокруг них. Он не предполагал, чтобы можно было сосчитать все то доброе, что сделано мною, хотя никто так хорошо не оценил этого, как он, после того как сила обстоятельств привела нас в личное общение. Не пытаясь делать оценку его характера, я посмотрел на его визит и слова, как на поступок джентльмена и принял их, как таковой.

Я мог бы вспомнить, что в последний раз перед тем он посетил меня в те мрачные, полные сомнений ноябрьские дни, когда я, не имевший ни мысли, ни места в моем сознании для слова «диктатор», вдруг оказался перед тем, кто в этот момент занял такую позицию, и что еще было более серьезным для меня, оказался принужденным единолично, самостоятельно, без помощи какого-нибудь слова предостережения и совета, немедленно определить не только мою личную позицию, но некоторым образом позицию моей страны в этот последний акт драмы в жизни народа, достигшего отчаяния. Получив однажды мое обещание помочь, он позже уже никогда не оставался без моей поддержки в критические моменты. Британских войск было немного, но они были дисциплинированы и знали, что им делать, а этого как раз недоставало всем остальным партиям как русским, там и союзным. Каждый союзный отряд держал своих «политиков» под рукою и поэтому был бессилен для какой бы то ни было цели. Судьбе

было угодно отослать наших во Владивосток, за 5 тысяч верст к востоку, в тот самый момент, когда их присутствие и проведение общей политики могло бы парализовать правильные военные выступления. Месяц, который истек прежде, чем они оказались в состоянии непосредственно влиять на положение, помог нам упрочить новую ориентацию. Большую часть этого времени мы были «на воздухе», обрезывая наши собственные провода, так что никакие противоречивые распоряжения не могли прервать или нарушить работу нервного центра. Сначала «политики» оказались очень недовольны, но за нами стояла такая сила, как генерал Нокс, так что им пришлось взглянуть на все происшедшее, как на совершившийся факт. Позже они признались, что их отсутствие в самый серьезный момент было делом мудрого Провидения. Самый характер их работы (если только можно его представить) создал бы проволочки и затруднения, которые могли бы оказаться фатальными для успеха. Дипломатические методы и формы превосходны для переговоров не спеша, на досуге, но совершенно бесполезны в чрезвычайных и опасных случаях.

Мой путь на восток был прерван в Красноярске необходимостью переговорить с новым командующим генералом Розановым, который получил задачу подавить восстание латышских крестьян к северу от железнодорожной линии. К югу от нее все враждебные элементы были рассеяны. Таким образом линия пересекала поле действия большевиков. Чехи охраняли самую железнодорожную колею; препятствуя переходить ее большим отрядами, они обращали очень мало внимания на негодяев, старавшихся портить полотно, что доказывается десятками поездов, спущенных под откос и рассеянных вдоль всего пути. Это естественным образом приносило большой материальный ущерб, и, что еще хуже, приходилось платить огромную дань невинными человеческими жизнями. Один из таких поездов, чисто пассажирский, насчитывал около двухсот женщин и детей, не говоря уже о мужчинах. Генералу Розанову были предоставлены хорошие русские войска; была надежда, что широким охватным движением от Красноярска в северо-восточном направлении, при содействии сильных кавалерийских отрядов, действующих от Иркутска в северо-западном направлении, удастся

окружить банды, погнать их к центру и таким образом в несколько недель ликвидировать беспорядок. Красноярское, так же как и уссурийское, движение большевиков было под руководством опытных офицеров, назначенных главной квартирой красной гвардии в Москве, с которой они находились в постоянных сношениях.

Проехав Иркутск, мы были снова поражены Байкалом, выглядевшим еще более величественно, чем раньше. Теплые юго-западные ветры очистили от снега западные холмы и распустили лед с половины моря. Другая еще была скована льдом. В сиянии утреннего солнца покрытые снегом верхушки гор на востоке пронизывали небо сверканием вечного дня. Отсутствие солнца придает им еще больше прелести; они одни как будто не знают ночи. Так как мы ехали под тенью этих гигантов, температура упала на много градусов ниже нуля, и холод с воды проник в вагоны, принуждая зажечь огонь и натянуть шубы, несмотря на сияние июньского солнца.

Я получил намек, что было бы услугой Омскому правительству, если бы я зашел к полковнику Семенову и использовал свое положение и недавно-приобретенное почетное звание сибирского казачьего атамана, чтобы вернуть этого блудного сына Московии на службу государству. Я знал, что было оказано британское давление для убеждения Японии прекратить ее финансовую и нравственную помощь, как тайную, так и явную, этому ужасному противнику русского правительства; было слышно также, что британские желания, наконец, были удовлетворены. Все знали, что все эти незаконные порки, убийства и грабежи, совершенные со ссылкой на власть полковника Семенова, не остались бы безнаказанными, если бы он не находился под защитой одного из самых сильных союзников.

В день моего прибытия в Читу было официально сообщено, что Семенов подчинился власти Колчака и принял назначение в русской армии. Моя задача менялась по своему характеру; вместо предположенного увещания она превратилась в поздравление во время откровенного и дружеского получасового свидания; позже полковник отдал мне визит, зайдя ко мне в вагон. Полковник Семенов представляет из себя одну из самых поразительных личностей, которые я встречал в России. Человек

среднего роста с широкими четырехугольными плечами, огромной головой, объем которой еще больше увеличивается плоским монгольским лицом, откуда на вас глядят два ясных, блестящих глаза, скорее принадлежащих животному, чем человеку. Вся поза у него, сначала подозрительная, тревожная, решительная, похожая на тигра, готового прыгнуть, растерзать и разорвать, но в состоянии покоя перемена замечательна: со спокойной улыбкой на смуглом лице вся фигура смягчается, утихает. Полковник Семенов очень занятная личность. Его огромная физическая сила была причиной того, что японцы назвали его «самураем» или «бравым рыцарем полей», и мне кажется, что это хорошо определяет его характер. Неутомимый и храбрый, и вместе с тем, доброжелательный. Монгольские князья просили его стать их императором, и если он выберет эту тропинку, то вихрь промчится по соседним землям. Быть может, подо всем этим, он прежде всего, добрый русский человек — время, впрочем, покажет. Если разговор наш оправдается, он придаст не мало сил русским сражающимся армиям [1]).

В Харбине я услышал полное объяснение, почему монголы предлагали Семенову сделаться их императором. Монголия во времена, предшествовавшие революции, пользовалась свободой под русской защитой. Со времени крушения русской империи, Япония не переставала бросать завистливые взгляды на эту обширную страну, которая, как предполагали, принадлежит как России, так и Китаю, но в действительности не принадлежала никому. В продолжение двух последних лет японцы бродили по всей стране, тратя бездну времени и денег на пропаганду. Сначала они старались ориентировать монголов в сторону прямой связи с ними, но их жадность и обманы оскорбляли всех, кто входил в соприкосновение с ними. Этот прямой способ приобретения контроля над Монголией был поэтому оставлен в пользу другой обходной, но более опасной политики.

Полковник Семенов только наполовину русский, так как его матерью была монголка высокого происхождения, и монголы

---

[1]) Атаман Г. М. Семенов,—см. книгу о нем Б. Борисова: «Дальний Восток». Вена, 1921 г. В этой книге интересно освещена японофильская политика атамана Семенова. *(Прим. перев.)*

считают его своим. В разговоре со мной Семенов допускал, что ему во всем помогает Япония. Как раз японцы и собрали монгольских князей и убедили их предложить Семенову титул императора Монголии. Он собирается поудить и другую рыбку, но когда все другие его проекты не удадутся, как я предполагаю это, он охотно согласится играть в руку японцев в Монголии так же добросовестно, как он это делал в Сибири. Семенов станет игрушечным паяцем, а нити будет дергать Япония; так по крайней мере они надеются и верят.

Не доезжая 30 верст до станции Манчжурия, наш поезд был остановлен красным флагом, и железнодорожный рабочий сообщил нам о налете, произведенном на хижину, расположенную около пути; разбойники улизнули за два часа до нашего прибытия. Грудь отца семейства была прострелена двумя пулями, одна прошла на правой стороне шеи, и все же он проползъ около версты расстояния, чтобы сообщить о происшествии. Его подняли на наш поезд, и мы отправились вперед, где разыгралась трагедия. В деревянном домишке, покрытом гаоляном, лежал труп матери с нерожденным ребенком, около тела десятилетней девочки с проломленной головой. Вне дома лежал труп их работника-китайца. Мои госпитальные служителя оказали всю возможную помощь девочке, которую госпожа Франк перенесла в мой вагон, чтобы отвезти в госпиталь на станции Манчжурия. Впрочем гражданский врач признал оба случая безнадежными.

Был июнь месяц, когда мы пересекали Хинган, ряд песчаных гор, образующих травяной покров для многочисленных табунов лошадей, пасущихся по его склонам и равнинам и затрудняющих иногда даже железнодорожное движение. Снег валил хлопьями, образуя сугробы вокруг рельс и телеграфных столбов самым удивительным образом, принимая во внимание время года. Лето в этих диких местах длится два месяца — июль и август, в это время песок становится горячим, и путешествие не совсем приятно. Когда мы перевалили через вершину, местность начала понижаться, помогая поезду мчаться с большой быстротой, вследствие чего менее чем в два дня мы прибыли в Харбин, где оделись в наши тропические костюмы.

Харбин—центр русских и китайских политических и финансовых интриг. Другие нации также принимают участие в этих

торговых сделках, но преимущество должно быть оставлено за первыми. Можно найти хоть крупицу национального чувства даже в самом скверном типе русского спекулянта, но никогда вы не найдете его в китайском. Харбинские китайцы совершенно денационализовались и должны остаться, поэтому, для некоторых политических расчетов идеальнейшими гражданами в мире. У меня был долгий разговор с генералом Гондати, одним из наиболее просвещенных государственных людей из оставшихся в живых представителей старого порядка. Все его надежды сосредоточены вокруг адмирала Колчака, на его усилиях обеспечить порядок и дать возможность Национальному Собранию рассмотреть вопрос о конституционной монархии по английскому образцу. Если этого не будет, он боится, что затруднения России будут длиться и смогут стать роковыми для ее существования. Он не против установления в России федеративной республики, но уверен, что, без единой главы, недисциплинированные полувосточные элементы никогда не согласятся признать окончательное падение самодержавия. У русского народа в крови повиноваться вождю, его воинственная натура исключает возможность продолжительной лойяльности по отношению к политическому собранию, даже и способному к государственной работе. Корона на вершине и парламент для контроля и управления—вот было бы счастливейшим разрешением всех настоящих затруднений России. Он подвел итог под своей теорией такими словами: «Соответствующим образом выбранный парламент для законодательства и управления, но необходим монарх для осуществления его постановлений».

Хотя выраженный здесь взгляд является тем, что большевики именуют «старым режимом», тем не менее он представляет собою открыто выражаемое мнение сознательных руководителей всех классов русского общества, исключая двух—большевиков с одной стороны, и абсолютистов—с другой. Неоднократно оба эти крайние течения разрушали всякую возможность компромисса на конституционной почве. Они открыто заявляли, что пока власть не будет предоставлена или одним или другим, они предпочтут, чтобы настоящая анархия продолжалась. Уже не в первый раз в летописях революций, приверженцы автократии (монархисты и другие) предпочитали

разрушение родной страны—потере их собственной личной власти.

Гондати—просвещенный патриот, и я удивляюсь, что не нуждаются в его советах в эти критические моменты истории его страны. Его мысли относительно признания державами были не менее замечательны. Он не думает, чтобы какое-нибудь государство могло оказать помощь России, не потребовав за это каких-нибудь условий. Единственным исключением была Англия. Побуждений Англии нельзя заподозрить потому, что ее империя настолько обширна и разнообразна по своему характеру, что она вполне обладает сырьем для своей торговли и достаточным пространством для своего избыточного населения. Ее помощь, не похожая на помощь всякого другого государства, была бескорыстна и безусловна. Гондати хорошо видел, что этот факт произвел постоянную и длительную ориентацию русского общественного мнения в сторону Англии, которая, вероятно, если будет поддерживаться английскими государственными людьми, даст России все то, в чем она нуждается, тогда как те, которые обставляют свою помощь условиями, будут иметь большие затруднения, чтобы удержать выгоды, которых они добились при стесненных обстоятельствах.

АМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

В Никольске наш поезд был остановлен, так как встречный почтовый поезд № 4 из Владивостока был спущен большевиками под откос,—факт поразительный, принимая во внимание, что одиннадцать месяцев тому назад большевистская власть была совершенно расстроена в этой приморской области. Комендантом станции был мой старый приятель, тот самый, который уступил мне свой официальный вагон, когда «наш младший желтолицый брат» решил возить британских офицеров в скотских вагонах для унижения престижа своих «белых союзников» в глазах восточных народов. Он зашел ко мне в вагон и начал рассказывать о том, как взаимное пересечение американских и японских интересов породило состояние неопределенности и анархии, столь же тяжелое, если не худшее, чем при большевистском режиме. Наш разговор был неожиданно прерван телеграммой от начальника станции в Краевском. Оказалось, что он сообщает прямо из своего дома, так как за несколько минут перед тем отряд красной гвардии вошел на станцию и в присутствии американских солдат, охранявших путь, занял ее, посадив под арест весь состав администрации; отсюда красные передали приказ в Шмаковку, предписывая всем русским железнодорожным властям и штабу оставить свои посты, в виду того, что большевистская армия, с согласия американских войск, собирается занять линию. В доказательство своего приказа красный офицер сказал, что «пятнадцать американских солдат находятся в комнате, откуда дано это распоряжение». Отдав эти приказы в присутствии американцев, красные уничтожили телеграфные и телефонные аппараты; начальник станции хотел знать, что ему делать и может ли он рассчитывать на какую-нибудь помощь. Вообразите мое

крайнее изумление от этой телеграммы, содержавшей несомненную очевидность сотрудничества и соглашения между большевиками и одним из наших союзников.

Во время одной из многочисленных моих бесед в Омске с адмиралом Колчаком, последний, рассматривая американскую политику на Дальнем Востоке, сделал ряд веских замечаний, выражая опасение, что в результате ее начнется старая анархия. Я уверял его, что союзная политика в Сибири имеет своей целью подавление беспорядка и поддержание порядка, и что я не могу поверить, чтобы Америка явилась в Сибирь для того, чтобы ставить затруднения в его работе, а напротив—помочь ему во всяком разумном деле. Он соглашался, что таковы были намерения американского народа, но выражал опасения, что американское командование преследует совершенно другие цели. Дело в том, что офицеры сообщили адмиралу, будто из шестидесяти офицеров для связи с американскою главной квартирой и переводчиков—более пятидесяти были русскими евреями или родственниками их; некоторые из них в свое время были высланы из России за политические и другие преступления и теперь вернулись, как американские граждане, имея возможность влиять на американскую политику в направлении, совершенно противоположном желаниям американского народа. Я уверял адмирала, что этого может и не быть, что офицеры его могут в данном случае находиться под влиянием внушений «ближневосточного соседа», настроенного неблагоприятно к вмешательству Америки в восточные дела, и что они могли благодаря этому преувеличить опасность. Мои слова повидимому успокоили адмирала, но он с сожалением добавил, что данные его настолько обильны и настолько категорического свойства, что он считал необходимым познакомить меня с положением, как представителя английского народа и офицера британской армии.

Эти обстоятельства скоро изгладились в моем уме, но телеграмма начальника станции в Краевском разбудила их со всей живостью неожиданного удара. Я разом решил познакомиться насколько возможно ближе с политикой американских командиров и с этой целью распросил не мало американских офицеров и солдат. Я нашел, что как офицеры, так и солдаты

стремились оказать возможную помощь для поддержания власти Колчака и сокрушения беспорядка и, как они выражались, «оправдать свое пребывание в Сибири». Многие чувствовали, что пока-что они только содействовали большевикам вернуть утраченную власть над народом, обеспечив нейтральную зону для большевистской пропаганды; что когда в августе 1918 г. они прибыли в страну, английские, чешские и японские войска с помощью существовавших тогда русских частей установили порядок в приморских провинциях, но их усилия породили положение вещей, едва ли не худшее, чем то, которое существовало при настоящем господстве большевиков. От этих американских войск я узнал, что их офицеры, начиная от генерала Гревса, находились в постоянных сношениях с офицерами красной гвардии, и что между ними состоялось не одно соглашение; одно время рядовые американские солдаты стали полагать, что соглашение между этими войсками достаточно дружественно по характеру и что исключает всякие враждебные действия между ними. Правда крущения поездов и нападения на линию, охраняемую американцами, заставляли серьезнее подумать о положении вещей, но соглашение между красной и американской квартирами было столь прочно установленным, что все эти акты нападения казались результатом недоразумения. Только дело в Краевском оказывалось, повидимому, симптомом более широкой политики, а не ошибкой какого-нибудь подчиненного офицера.

Продолжая свои изыскания, я наткнулся на одно письмо, датированное 24 мая и адресованное американским офицером (капитаном), командующим американскими силами в Свиягине, красному офицеру, командиру большевистских войск, действующих в том же районе. При этом американский офицер обращался к командиру красной гвардии, как к равному себе военному чину. В нем американский офицер жаловался, что после недавнего братанья обоих отрядов, происходившего согласно предыдущим соглашениям около «деревянной мельницы», он узнал, что, по распоряжению офицера, красногвардейцы поломали некоторые машины на мельнице, а также в двух местах к западу и к востоку от станции Свиягино прервали железнодорожный путь. Американский капитан перечислял и другие обвинения

против красной гвардии, вроде угроз мирному населению, не желавшему примкнуть к большевистской армии, и предупреждал красного командира, что все эти деяния противоречат *соглашению*, заключенному начальником американских и красных сил, и что в случае повторения их он примет свои меры для наказания тех, кто нарушает *их взаимные интересы* [1]).

Я полагаю, что это письмо является положительным доказательством некоторых местных или общих соглашений между американскими властями и красной армией, оперировавшей в приморских областях и далее; что это соглашение существовало уже несколько месяцев; что как раз это соглашение и помешало американским войскам принять участие в общей союзной экспедиции для освобождения русского гарнизона в Сучане, осажденного большевиками; что благодаря этому американо-большевистскому договору красная гвардия, рассеянная после побед союзников у Духовской в августе, снова собралась и сформировала войсковые части. Другими словами, американская политика, бессознательно или другим каким образом, создала состояние нерешительности между союзниками, беспорядок и анархию среди населения Забайкалья и Уссурийской области, которые могли оказаться гибельными для скорого восстановления порядка в России.

Существуют и другие указания, что присутствие американских войск в Сибири было кем-то использовано для целей отнюдь не американских. Задачей американского командования было обеспечение порядка в тех областях, которые находились под контролем Совета Союзного Командования. Существовал и другой самоочевидный и ясный долг, а именно—сообразовать свое поведение таким образом, чтобы создать дружеские отношения с теми представителями русского правительства, которые под влиянием режима верховного правителя оказывались то там, то здесь, и таким образом предоставить как можно меньше возможностей для собрания и организации всех элементов беспорядка. А политика американского командования, быть может и вполне бессознательно, оказалась как-раз противоположной. Такая политика дала в результате то, что русские власти вра-

---

[1]) Курсив везде автора.

ждебно отвернулись от них, а там, где этого не случилось, сами американцы принимали враждебную позицию против русских властей. Американцы содействовали планам и создали удобные возможности для анархических элементов, которые если не были опасными сами по себе, то во всяком случае создавали затруднения для других союзников, стремившихся создать какой-нибудь порядок из всего этого хаоса. Насаждение общего порядка в стране, которая должна была решить свою будущую форму правления, было общей задачей как американцев, так и англичан. Вполне очевидно, что какие-то печальные закулисные влияния отклонили американскую политику от ее прямого и честного пути.

Вопреки общему мнению союзников, американское командование объявило Сучанский округ нейтральной зоной. В пределах этой зоны запрещались все вооруженные столкновения как русских, т.-е. армий адмирала Колчака, так и красногвардейских сил. Офицеры Ленина и Троцкого ухватились за этот приказ и сразу же начали собирать свои рассеянные силы. Через три недели они подняли большевистский флаг над своей главной квартирой под защитой флага Соединенных Штатов. На этой нейтральной зоне большевики организовали свои силы для нападения на японцев, стоявших по Амуру, спускали под откос союзные поезда с военным снаряжением по Уссурийской железной дороге, даже обменялись выстрелами со сторожевыми постами вокруг самого Владивостока, скрываясь всякий раз на американскую нейтральную зону, когда на них набрасывались войска верховного правителя.

Естественно, что при таких условиях прочие союзники и русские приняли соответствующие шаги для защиты населения и имущества. Но крайняя абсурдность американской политики обратилась в конце концов против них самих. Командир красной гвардии, раздраженный стеснениями, причиненными ему со стороны русских и японских сил (куда входили также и британские войска, после того как к ним присоединился капитан Эдвардс с экипажем «Кента»), решил атаковать самих беззаботных американцев. Красная гвардия вообще очень ловка в своих операциях. Американские войска охраняли железнодорожную линию Владивосток—Сучан; ней-

гральная зона была расположена на крайнем конце этой линии, и если бы красная гвардия атаковала конец, близкий к зоне, их тактика была бы сразу обнаружена. Поэтому, обыкновенно, они выходили из пределов американской зоны, делали крюк через леса и селения и нападали на линию в пункте, насколько возможно отдаленном. Разрушив часть пути, а при случае удаче уничтожив мост, они обыкновенно обменивались несколькими выстрелами с американскими войсками, и если последние начинали их сильно теснить, они отступали в нейтральную зону под прикрытие своих главных сил. Американское командование, естественно, становилось более бдительным на отдаленных участках, и это принуждало большевиков действовать все ближе и ближе к защищенной зоне; но тем временем им удавалось убить нескольких русских солдат, переранить нескольких американцев и разрушить пять - шесть различных участков пути. На этот раз они действовали очень близко от зоны, и американским войскам удалось оттеснить их прямо на свою зону, где—мало обиды, а еще оскорбление—они объявили, что, согласно самим американским объявлениям, они не могут быть уничтожены, так как военные действия запрещены внутри зоны.

Вместо того, чтобы с корнем вырвать это гнездо пиратов, некоторые указывали на необходимость более широкого и обязывающего соглашения между американцами и красной гвардией для избежания в будущем таких достойных сожаления происшествий. Повсюду говорили, что была уже подготовлена конференция между командованием красных и генералом Гревсом, американским главнокомандующим, которая сорвалась, когда представитель верховного правителя на Дальнем Востоке лично объявил генералу Гревсу, что предполагаемая им конференция с врагами русского правительства будет сочтена враждебным актом. Срыв этих переговоров причинил большую досаду Советскому Правительству в Москве, и оно приказало своим уссурийским комиссарам употребить силы, организованные под защитой американцев, против них же самих, к чему те и приступили. Это без сомнения расстроило взаимоотношения американцев с красными, хотя сильное закулисное влияние, вынудившее американское командование на эту злосчастную политику, было достаточно могущественным, чтобы воспрепятствовать

открытому выступлению американцев против красных на Дальнем Востоке.

Здесь как раз кстати подсчитать влияние этой американской смуты на усилия союзников установить хоть какой-нибудь порядок в русской империи и на позицию самих американцев в их будущих сношениях с русским народом. Американские войска были рассеяны по всей стране от Владивостока до Нижнеудинска, к востоку от Байкала[1]). Почти все они группировались около железной дороги, составляющей в этой стране основную артерию и центр всей жизни. Американская политика применялась таким образом на пространстве всего Забайкалья, т.-е. всего востока Сибири. В первые дни сентября 1918 г., когда я продвигался со своим батальоном на запад к Омску, вся эта обширная арена была усмирена и успокоена усилиями союзников, во главе которых я ставлю доблестных чехов. Американские войска прибыли слишком поздно, чтобы принять участие в военных действиях, но с энергией и ловкостью начали браться за дело управления. Вслед за мной двинулись французы, а позже итальянский отряд, оставив японцев и американцев в полном обладании всей Забайкальской Сибирью, где только кое-где оставались изолированные русские отряды. На всей территории не оставалось ни одной банды красной гвардии, численностью больше тысячи человек. После девяти месяцев красные организовались, главным образом благодаря покровительству американцев, в две дивизии численностью от 5 до 7 тысяч человек и в многочисленные вспомогательные части силою в несколько сот человек; эти отряды производили набеги по всем направлениям, грабили, убивали и расстроили всякое подобие порядка, который с таким трудом пытались насадить союзники вместе с верховным правителем. Таким образом эта огромная провинция, вместо порядка, стала существовать в состоянии анархии просто потому, что Америка не имела своей собственной политики в русских делах и не хотела признать политику своих друзей.

---

[1]) Автору следовало бы сказать Верхнеудинска; он смешивает здесь Верхнеудинск с Нижнеудинском, уездным городом Иркутской губернии. *(Прим. перев.).*

Огромной ошибкой Англии и Франции было оставить Америку и Японию с глазу на глаз, без умеряющего влияния, вредить доброму делу, которое осуществляли союзники на Дальнем Востоке. Соперничество этих обеих держав в этой части света хорошо знали и необходимо было его избежать. Было бы слишком много ожидать, что они отложат свои споры из-за концессий и торговли и забудут их в бескорыстной помощи России. Государства вообще не являются филантропическими организациями, а Япония и Америка меньше всех остальных. Дело насаждения порядка поэтому необходимо было начинать заново или нам или верховному правителю, адмиралу Колчаку. Но союзники, найдя задачу чересчур большой, могли удалиться, оставив эту огромную провинцию, богатейшую часть света, на произвол большевиков.

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.

Недостаток, коренившийся в несогласованности союзников и отразившийся на отклонении политики Америки от политики европейских держав, мог совершенно изменить настоящее и будущее американского предприятия в Сибири. Америка превратила мирное население в подозрительное, если не прямо враждебное. Япония со своей стороны упорно преследовала только свои особенные интересы и вполне воспользовалась всеми промахами Америки в свою пользу; в результате она заставила смотреть на себя, как на самую значительную силу на Дальнем Востоке.

Отношение Японии к русской проблеме в течение одного года, с августа 1918 г. до августа 1919, пережило полный переворот. Когда она посылала 12-ю дивизию под начальством генерала Ои на уссурийский фронт в 1918 г., это делалось с определенной целью. Ее притязания были всецело территориального свойства, таковыми без сомнения они и остаются. Но линия ее наступления, тем не менее, совершенно изменилась. В 1918 г. она решила, что Германия непременно выиграет войну, что Россия явится завоеванной страной, и в один прекрасный день Япония будет призвана разорвать союз с Англией и обязательства по отношению к Антанте, помочь Германии, а также ее «большевистскому союзнику», и прогнать Антанту из этой части владений бывшего царя. Если бы только Германия победила союзников на западном фронте, как это предвосхищала Япония, она, без сомнения, была бы в силах осуществить эти свои намерения. Настолько незначительна, впрочем, была ее задача при этой возможности германской победы, что она доверчиво ожидала немедленной капитуляции всех союзных и американских войск, заброшенных на этот край света. Думая, что таково и есть

положение вещей, она действовала сообразно с этим, третируя русские и союзные войска самым нахальным образом, который мною описан выше. С наивностью молодого заморского чуда она не только предъявляла различные требования к союзникам, но в то же самое время делала определенные предложения русским властям, обращаясь с ними, как с лицами, которым поручен временный контроль над территорией, принадлежащей в сущности ей одной. При высадке своих войск во Владивостоке Япония представила командующему областью через своих дипломатических агентов ряд предложений, которые отдавали под ее контроль русские приморские области. Командующий русскими войсками попросил, чтобы эти предложения были изложены письменно, и японский агент после некоторого смущения согласился на это при условии, что первый пункт предложений не должен рассматриваться, как окончательный, но только как предваряющий другие. Первое предложение состояло в следующем: Япония обязуется уплатить командующему 150.000.000 р. (по старой валюте), взамен чего последний должен подписать соглашение, предоставляющее Японии владение всеми береговыми и рыбными правами вплоть до Камчатки, вечную аренду Инжильских копей и все железо (исключая принадлежавшего союзникам), находящееся во Владивостоке.

Командующий оказался в этом деле честным человеком, так как сообщил в своем ответе, что он не представляет собою русского правительства и не может подписать акта, отчуждающего собственность или права России, как это предлагается Японией. Ответ последней был краток и достаточно красноречив: «Берите наши деньги и подписывайте соглашение, а риск относительно законности поделим пополам». Директория во главе с Авксентьевым, Болдыревым и К-о считала себя в это время уполномоченной говорить от имени России. Как только командующий отказался пойти на японское предложение, последние стали делаться Директории. Она командировала во Владивосток Иванова-Ринова для ведения переговоров и, я думаю, для получения денег.

Когда в июне 1919 г. я был во Владивостоке, железо находилось уже в складах и грузилось на японские суда. Авксентьев потом был изгнан, но Болдырев жил в Японии с полным комфор-

том и вполне безопасно. Таковы были дела с внешней стороны. Какова судьба других пунктов японского предложения «помощи» России, мы, без сомнения, узнаем позже.

В конце августа 1918 г. было решено, что пока не будет создана центральная власть, которая могла бы действовать в качестве правительства, было бы тщетно ожидать наступления какого-нибудь порядка в управлении. Для этой цели британский отряд был двинут к Омску, и японцам было сделано предложение последовать за ним. Но японцы вовсе не хотели двигаться: во-первых, потому, что они хотели укрепить свою власть в областях, ближайших к Японии, а во-вторых, обеспечить за собой возможно больше концессий до появления на сцене Америки. Когда же последняя появилась, японцы стали медлить, чтобы иметь возможность наблюдать за действиями американцев. Британцы двинулись в неизвестность по линии в 5 тысяч миль неохраняемого никем железнодорожного пути; японцы, верные своей природе, завязали с Директориею переговоры относительно занятия всей железной дороги до Урала, а также запрашивали, какие концессии, территориальные и минеральные, они могут рассчитывать получить в виде компенсации за использование японских сил для охраны Директории. Действительно, соглашение между Японией и Директорией, отдававшее первой всю железную дорогу до Урала, было только-что подписано или было накануне подписания, когда Директория пала. Первым актом верховного правителя, адмирала Колчака, было уведомить японцев, что перемена правительства означает также и перемену политики относительно продвижения японских войск и занятия ими железной дороги. Японцы протестовали, но адмирал стоял твердо на своем.

Позиция верховного правителя оказалась серьезным ударом по японской политике, и они стали тревожиться за свое положение на Дальнем Востоке в случае, если его власть распространится и туда. Но как правило можно утверждать, что в России не трудно найти орудие для какого угодно дела. Японцы с некоторого времени для такой оказии держали у себя атамана Семенова. Его войска были расположены вокруг Читы, а власть распространялась от границы Манчжурии до Байкала. Получив уведомление о перемене политики со стороны адмирала

Колчака, японцы приказали Семенову не признавать власти верховного правителя. Подобные же инструкции они дали Калмыкову, занимавшему аналогичное положение на Уссурийской железной дороге; таким образом действительно образовался барьер между ними, их восточными концессиями и верховным правителем. Последний дал приказание очистить линию от обоих бунтовщиков, но японский штаб ему ответил, что мятежники являются русскими патриотами, военные силы которых находятся под покровительством Японии, и что в случае необходимости японская армия двинется для их поддержки.

Успешное сопротивление Семенова и Калмыкова Омскому правительству при помощи вооруженных сил одного из союзников имело разрушительные последствия по всей Сибири. Если Калмыков и Семенов могли с союзной помощью и одобрением открыто смеяться над распоряжениями Омского правительства, то для непосвященных было ясно одно, а именно, что союзники враждебны по отношению к высшей русской власти. Если Семенов и Калмыков осмеливались на подкупное сопротивление законному правительству по приказу иностранной державы, почему мы также не можем удержать за собой захваченных земель и собственности, а также препятствовать отправлению правосудия за совершенные нами преступления? Это было рассчитанным ударом по правительству и искрой, которая вновь воспламенила все анархические элементы. Единая, хорошо организованная Россия была не той Россией, которую хотелось создать Японии. Если бы Японии удались ее территориальные замыслы, Россия превратилась бы в государство, в котором не прекращались бы смуты и физический паралич. Германия пользовалась слабостью русских к конспирации и интригам для создания анархии и разрушения московской власти, а Япония намеревалась продолжать насколько возможно эту анархию в своих собственных политических видах.

Непосредственно после того, как стало известно, что Семенов и Калмыков не желают признать Омского правительства, появились на сцене другие лица, пытавшиеся играть роль Семеновых, причем даже резиденция верховного правителя и его главная квартира едва избежали прямого нападения; для защиты

их пришлось выставить британских солдат. Таково было положение вещей в первые дни декабря 1918 года.

Как раз около этого времени факт разгрома Германии стал наконец проникать в сознание японских военачальников, а скоро этот факт был отчеканен условиями перемирия (11 ноября 1918 г.). Впрочем, несколько дней японская миссия в Омске просто отказывалась верить телеграммам: их национальное тщеславие отказывалось допустить, что они так сильно заблуждались насчет мощи Британии и ее союзников. Это было ужасным пробуждением для так называемых «Повелителей Востока», превратившее в нуль все их планы; теперь каждую минуту можно было ожидать появления британских и американских эскадр в Японском море, которые могли восстановить нарушенное равновесие между Японией и ее временно беспомощным соседом. Я не думаю, чтобы это могло случиться, но таковы были японские страхи. С этого времени, хотя объекты японской политики в Сибири остались теми же, она начала осуществлять их совершенно другими приемами.

Первым признаком перемены оказалось, что японские солдаты начали отдавать честь британским офицерам и перестали употреблять приклады своих винтовок по отношению к беззащитным русским гражданам. Военные поезда японцев не стали более перевозить контрабандных грузов для своих компатриотов, завладевших русскими торговыми делами в самых крупных коммерческих центрах вдоль железной дороги. Японский штаб перестал захватывать в городах лучшие здания якобы для военных целей, а на самом деле тут же передавая их в наем частным торговцам. Япония таким образом прикрылась тонкой вуалью западной морали и поведения, от которых она стремительно отделилась в 1914 году. Пока приемы гуннов пользовались успехом, она усвоила самые худшие из них. Вообще Япония во всем—подражательница par excellence, и потому, повидимому, не могла самостоятельно выйти из положения.

Британцы и французы мягко протестовали против позиции Японии по отношению к Семенову и Калмыкову, но все продолжалось попрежнему, пока порожденная этим анархия не стала грозить разрушением всякому усилию союзников. И только после того, как мирная конференция выяснила обстановку,

произошла перемена в политике. С этого времени поведение японских властей (как гражданских, так и военных) сделалось вполне корректным. Президент Вильсон внес свое знаменитое, но невыполнимое предложение о том, что все воюющие стороны в России приглашаются к заключению перемирия и на конференцию на турецкий «Собачий остров». Но Россия уже в течение двух предшествовавших лет показала, что никакой компромисс между анархией и порядком и между их приверженцами невозможен. Такова, однако, была политика Америки, и как таковая она одобрялась всеми ее представителями в Сибири, независимо от их политических взглядов. Япония превосходно видела все недостатки американской системы и извлекала отсюда возможную для себя пользу, чтобы подорвать престиж Соединенных Штатов. Она объединила вокруг себя русских патриотов, советуя отбросить это трусливое предложение. Японский совет получал тайное одобрение со стороны французов и англичан, которые знали обстановку, хотя с нашей стороны мы допускали, что британский премьер разделяет эту международную чудовищность. Последнее помогло японской дипломатии опереться на русский патриотизм и помогло ей явиться истинным другом законного правительства.

Американская дипломатия в России получила первый крупный удар; впрочем для нее оставалась еще возможность осторожной тактикой завоевать утраченное положение. С окончательным провалом политики «Собачьих островов», буря в России стала скоро утихать и довольно быстро вернулось нормальное состояние. Союзники получили спасительное предупреждение, и большинство из них поняло этот намек, но Америка все еще продолжала свой спорный курс. Потерпев дипломатическую неудачу в осуществлении компромисса, она пыталась провести свои виды при помощи военных мер. Система «нейтральных зон» ее командиров—естественный росток предложений президента Вильсона. Намерение было отлично, но что результаты окажутся разрушительными, в этом можно было не сомневаться. Оно заставило американцев пойти на частичное признание красной армии в пределах зоны и содействовало тому, что японцы оказались в глазах русских единственными друзьями порядка. Японцы подвергались нападению красных

войск, собранных на этих зонах, в то время, как американские солдаты оставались безучастными зрителями этих отчаянных столкновений между красными и союзными войсками. В этом отношении Япония пожинала плоды своей собственной недальновидности, в то время, как Америка не может избегнуть самого сурового осуждения.

Пользуясь всеми промахами своего великого антагониста, Япония за шесть месяцев сумела вернуть свое прежнее положение, упущенное в то время, когда она жила иллюзиями на великую победу гуннов, которая предоставит ей господство на Востоке. Из наглого бандита она превратилась в скромного помощника своего бедного больного русского соседа. В какой роли она всего более опасна, покажет время. Мир взял за правило меньше всего верить в неожиданные превращения.

Таково было положение вещей на Дальнем Востоке в июне 1919 года. Когда я покидал Владивосток, мне довелось услышать, что красные войска, организовавшись на американской нейтральной зоне, смело атаковали своих покровителей. Если это действительно произошло, то адмирал Колчак мог, вероятно, сообщить о поражении красных войск и о переходе ими через китайскую границу; таким образом все вернулось к тому же самому положению, которое было создано год тому назад общими усилиями британских и чешских отрядов.

ОБЩИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

Прежде чем мы, так или иначе, определим нашу политику относительно России—уходить ли нам оттуда или нет—необходимо знать, связаны ли мы какими нибудь обязательствами с русским народом и, если связаны, то какими. Какого они свойства—морального, военного или политического?

К концу 1914 года, когда наши армии, отступая, катились к Марне, и будущее Европы и нашей империи висело на волоске, к России были обращены отчаянные призывы английских государственных людей, а еще больше со стороны самой августейшей власти с просьбой броситься к нам на помощь и спасти нас от разгрома. Этот призыв был поддержан нашим общественным мнением, а также рабочими, и через нашу прессу произвел глубокое впечатление на русский народ. Русское правительство, не взирая на свои военные планы, двинуло частично мобилизованные полки для стремительного налета на Восточную Пруссию, что непосредственно повело за собой ослабление германского нажима на западе и сделало возможной победу на Марне. Спешно мобилизованные, плохо экипированные, недостаточно хорошо управляемые, эти легионы, составлявшие русскую кавалерию, стали добычей более совершенной прусской машины. Русское правительство никогда не осмеливалось сказать своему крестьянству, сколько погибло людей от страшных взрывов и холодных Мазурских болот в этом доблестном порыве спасти своих друзей. Спасая Париж, Россия потеряла столько народа, сколько все другие союзники вместе за этот первый год войны.

Россия продолжала сражаться и мобилизоваться вплоть до 1917 года, собрав к этому времени огромную армию свыше двенадцати миллионов человек. Династия Гогенцоллернов и ее

военные советники пришли к заключению, что скоро будет невозможно сдержать этот людской поток обыкновенными военными мерами, и, хорошо понимая психологию русского народа, через своих династических и административных агентов решила начать подкоп под нравственную стойкость русского народа. Германские «Черные книги» употреблялись не только против британских политических вождей. Не приходится удивляться быстрому распространению среди русских подозрительности и недоверия по отношению к военным и гражданским властям, если мы вспомним, что такая же приблизительно пропаганда влияла на отправление правосудия в Англии. Русский народ остался верен своим друзьям, деморализация и разложение началось с верхов, просочившись постепенно до самых низов общества.

Если дело союзников было брошено, то это было дезертирством правящего класса, а не народа или его армии. Германская измена подточила самую верхушку и таким образом разложила великую нацию, которую она никогда бы не могла завоевать.

Расстроив русскую военную машину, Германия послала своих агентов продолжать беспорядок и предупредить восстановление порядка. С русскими она заключила Брест-Литовский мир, распространявший германское завоевание на Восток. Договор большевиков являлся не меньшей опасностью и для Европы, так как подчинял германскому военному влиянию воинственное население в сто восемьдесят миллионов.

Британский экспедиционный отряд в июне 1918 года был направлен в Сибирь, имея целью помочь русскому обществу организовать национальное правительство и восстановить русский фронт: т.-е., сделать Россию способной защищаться от нападений Германии и ослабить немецкие военные силы на западном фронте, где в это время снова начались удары молотом в стены Парижа. Экспедиция была одобрена всеми партиями и патриотами в Англии, и единственное замечание относилось к тому, что она запоздала. Советская власть, следуя австро-германским директивам, выпустила австрийских и немецких военнопленных, вооружила их и сформировала из них ужасные армии, имевшие двойную задачу: поддержать власть Советов в Москве и распространить герман-

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От переводчика	5
Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие автора	25
Из Гонгконга в Сибирь	29
Успехи большевиков	34
Япония вмешивается	37
Японские методы и дальневосточная политика союзников	40
Управление	44
Дальнейшее путешествие	49
За Байкалом	54
Омск .	65
Вдоль Урала .	71
Что произошло в Омске .	81
Взятие Перми.—Чехи выходят из строя	95
Декабрьский заговор	98
Бомба из Парижа и ее последствия	103
Опять интриги .	108
Рабочий вопрос в России	113
Моя кампания	121
Опять в Омске .	129
В Европейской России	132
На обратном пути	145
Американская политика и ее результаты	153
Японская политика и ее результаты	161
Общие заключения	168

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Радек, К. Внешняя политика Советской России. 1923 г. Стр. 111. Ц. 25 к.

Рой, М. Н. Новая Индия. Очерк экономического и политического развития страны. Под. ред. и с предисл. Суницы. 1923 г. Стр. 200. Ц. 60 к.

Сандомирский, Г. В. Фашизм. С 23 рис. и 2 докум. 1923 г. Стр. 153. Ц. 80 к.

Султан-Заде, А. Экономика и проблема национальных революций в странах ближнего и дальнего Востока. 1922 г. Стр. 184. Ц. 50 к.

Троцкий, Л. Д. Война и революция. Крушение второго интернационала и подготовка третьего. 1923 г. Стр. 519. Ц. 1 р. 60 к.

Его же. Между империализмом и революцией. 1923 г. Стр. 131. Ц. 30 к.

Троцкий, Л. Д., и Раковский, Х. Очерки политической Румынии. 1922 г. Стр. 151. Ц. 1 р.

Уэллс, Г. Международная катастрофа 1914 г. и ее последствия. С предисл. Р. Арского. Стр. 128. Ц. 50 к.

Штейн, Б. Е. Генуэзская конференция. 1922 г. Стр. 126. Ц. 20 к.

Его же. Торговая политика и торговые договоры Советской России 1917—1922 г. 1922 г. Стр. 247. Ц. 70 к.

Эйдус, Х. Очерки рабочего движения в странах Востока. 1922 г. Стр. 93. Ц. 30 к.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА: Ильинка, Биржевой пл., Богоявленский пер., 4. Тел. 47-35.

ПЕТРОГРАД: Проспект 25 октября (Невский), 28. Тел. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ:

ВОЛОГДА, Площадь Свободы; ВОРОНЕЖ, Проспект Революции, 1-й д. Совета; КАЗАНЬ, Гостинодворская, Гостиный двор; КИЕВ, Крещатик, 38; КОСТРОМА, Советская, 11; КРАСНОДАР, Красная, 33; НИЖНИЙ-НОВГОРОД, Б. Покровка, 12; ОДЕССА, Ул. Лассаля, 12; ПЕНЗА, Интернациональная, 39/43; ПЯТИГОРСК, Советский пр., 48. РОСТОВ Н/ДОНУ, ул. Фридриха Энгельса, 106; САРАТОВ, ул. Республики, 42; ТАМБОВ, Коммунальная, 14; ТИФЛИС, Проспект Руставели, 16; ХАРЬКОВ, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

МОСКВА: 1) Советская пл. под гост. „Дрезден". Тел. 1-28-94; 2) Моховая, 17. Тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13 (зд. Консерватории). Тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., д. 3. Тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43. Тел. 3-79-65; 6) Кузнецкий мост, 12. Тел. 1-01-35; 7) Покровка, Лялин пер., 11. Тел. 61-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4; 9) Ильинка, Богоявленский пер., 4.

ПЕТРОГРАД: 1) Проспект 25 октября (Невский), 28; 2) Ул. Володарского (Литейный пр.), 53; 3) Проспект 25 октября (Невский), 13.

Все новости о книгах — в бюллетенях Торгсектора, очередной номер бюллетеня Торгсектора высылается по получении 10 коп. почтовыми марками.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ:

КАТАЛОГ КНИЖНЫХ СКЛАДОВ ТОРГОВОГО СЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА. Ч. I. ИЗДАНИЯ ГОСИЗДАТА И ЕГО ОТДЕЛЕНИЙ. Ц. 75 к.